

www.ifes-ras.ru/js

**ЯПОНСКИЕ
ИССЛЕДОВАНИЯ**
2016, №2

日
本
研
究

Федеральное государственное бюджетное учреждение науки
Институт Дальнего Востока Российской академии наук
www.ifes-ras.ru

Межрегиональная общественная организация
«Ассоциация японоведов»
www.japanstudies.ru

Электронный научный журнал «Японские исследования» издается 4 раза в год (ежеквартально) с 2016 г. Журнал носит междисциплинарный характер и охватывает различные сферы японоведческих исследований: политика, экономика, общество, история, культура, филология и др. Все статьи рецензируются.

Учредители: ИДВ РАН, Ассоциация японоведов.

URL: <http://www.ifes-ras.ru/js>

Входит в Российский индекс научного цитирования (РИНЦ).

Входит в Научную электронную библиотеку «КиберЛенинка».

Главный редактор: Стрельцов Д.В., д.и.н.

Редакционная коллегия: Гришачев С.В., к.и.н.; Дацышен В.Г., д.и.н.; Дьяконова Е.М., к.филол.н.; Казаков О.И., катасонова Е.Л., д.и.н.; Кистанов В.О., д.и.н.; Корчагина Т.И., к.филол.н.; Лебедева И.П., д.э.н.; Мещеряков А.Н., д.и.н.; Панов А.Н., д.полит.н.; Стрельцов Д.В., д.и.н.; Тимонина И.Л., д.э.н.; Чугров С.В., д.соц.н.

Редакционный совет: Алпатов В.М., д.филол.н., чл-корр. РАН; Войтишек Е.Э., д.и.н.; Гуревич Т.М., д.культурологии, к.филол.н.; Иванов О.П., д.полит.н.; Кузнецов С.И., д.и.н.; Лузянин С.Г., д.и.н.; Нечаева Л.Т., д.пед.н.; Носов М.Г., д.и.н., чл-корр. РАН; Пестушко Ю.С., д.и.н.; Симония Н.А., академик РАН; Симонова-Гудзенко Е.К., д.и.н.; Симотомаи Нобуо, проф. (Япония); Судзуки Ёсикадзу, проф. (Япония); Шнырко А.А., к.филол.н.; Шодиев Ф.К., к.полит.н.; Шулатов Я.А., к.и.н.

Редакция: Казаков О.И., отв. секретарь; Суркова Т.И., зав. редакцией; Белилина Е.В., редактор русских текстов; Овчинникова Л.В., к.и.н., редактор английских текстов

- Адрес: Москва 117997, Нахимовский пр-т, 32. ИДВ РАН
- E-mail: japanjournal@mail.ru
- Тел.: (499) 124 08 02

Информация для авторов: <http://www.ifes-ras.ru/js/requirements>

ISSN 2500-2872

© Коллектив авторов
© ИДВ РАН
© Ассоциация японоведов

ЯПОНСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ. 2016. №2

СОДЕРЖАНИЕ

Стр.

Мещеряков А.Н. Культурологические размышления по поводу коллективной монографии «Российско-японские отношения в формате параллельной истории»	4
Стрельцов Д.В. Внешнеполитический курс России в отношении Японии: внутренние факторы	14
Симонова-Гудзенко Е.К. Топоним в политической культуре средневековой Японии	26
Лебедева И.П. Японская молодежь на рынке труда: экономические и социальные аспекты.....	43
Трубникова Н.Н. «Сборник наставлений в десяти разделах»: к понятию «досады», урами.....	57
Чугров С.В. О японской политике и политологии (по страницам трудов Иногути Такаси)	71
Научная жизнь	
Ким Е.У. Роман Николаевич Ким – видный советский исследователь Восточной Азии и писатель. Научная конференция в ИДВ РАН, посвященная его творчеству	82

JAPANESE STUDIES IN RUSSIA, 2016, 2

CONTENTS

P.

Meshcheryakov A.N. Reflections of a Cultural Anthropologist concerning monograph “Russian-Japanese Relations in the framework of Parallel History”	4
Streltsov D.V. Russian Foreign Policy Towards Japan: Domestic Factors	14
Simonova-Gudzenko E.K. The Role of Place Names in Political Culture of Medieval Japan	26
Lebedeva I.P. Japanese Youth at the Labor Market: Economic and Social Aspects	43
Trubnikova N.N. Jikkinshō: to the Concept of urami [bitterness]	57
Chugrov S.V. On Japanese Politics and Political Science (reading Inoguchi Takashi).....	71
Academic Events	
Kim E.U. Roman N. Kim – a prominent Soviet East Asian studies researcher and writer. Scientific conference dedicated to the scholar’s work for the IFES RAS	82

Культурологические размышления по поводу коллективной монографии «Российско-японские отношения в формате параллельной истории»

А.Н. Мешеряков

Российско-японские отношения развивались не сами по себе, но были продуктом общеисторической траектории развития и представляют собой производную такого развития. В этом развитии огромную роль играют внутренние факторы – не только преходящие (политические), но и более долговременные – культурные.

Ключевые слова: Россия (СССР), Япония, двусторонние отношения, модернизация, период Мэйдзи, революция 1917 г., картина мира, хронотоп, антропоморфизация государства, кокутай, метафора «света», метафора «борьбы».

Всякий, кто знаком с проблемой российско-японских (японско-российских) отношений, должен признать, что издание книги «Российско-японские отношения в формате параллельной истории» [1] – мужественный проект. Долгие годы слишком многие отечественные и японские историки новейшего времени, следуя за политическим истеблишментом своих стран, подвергали друг друга критике. При этом их главной аудиторией становилась общественность своих же стран, таможенный контроль интеллектуальный продукт не преодолевал. То, что труды японских историков были плохо представлены в России, а российских – в Японии, я считаю непреодоленным наследием холодной войны, которая, похоже, еще далеко не исчерпала свой потенциал.

Но на сей раз историки решили отказаться

от жанра обоюдной критики и представили тексты, в которых излагают свою точку зрения, свободную от прямых взаимных упреков, а их аргументы направлены прежде всего на «чужую» аудиторию. О сложности такого проекта свидетельствует признание японской стороны, что попытки написания параллельной истории вместе с китайскими и южнокорейскими специалистами потерпели неудачу [1, с. 12].

В поле зрения авторов находится по преимуществу событийная история отношений двух стран начиная с XIX в. и до сегодняшнего дня. Они тщательно прослеживают, как первые спорадические контакты обретают постоянную основу и институционализируются, получают договорное оформление. Авторы добросовестно описывают возникавшие проблемы и конфликты, способы их разрешения и преодоления. При этом, как правило, японские историки в большей степени опираются на японские источники, российские – на отечественные. Представляется, что в будущем, несмотря на очевидные трудности, следует постараться избегать такого дисбаланса.

Отдельный интерес представляет собой заключительная глава исследования, в которой авторы (Косугэ Нобуко, С.В. Чугров, Д.В. Стрельцов) предпринимают попытку осмысления двусторонних отношений под несколько иным углом зрения, а именно: взаимные образы как составляющая двусторонних отношений. Проведенный ими анализ показывает высокую степень корреляции между политическими и имиджевыми факторами.

Поле заданного авторами книги свободного обсуждения провоцирует и меня высказать в вольной форме, не скованной рамками стандартной рецензии, некоторые свои соображения по поводу того историко-культурного фона, на котором разворачивались отношения между Россией и Японией. Эти соображения касаются, прежде всего, периода второй половины XIX – первой половины XX в., с которым я знаком лучше [2–5]. Кроме того, следует помнить, что наиболее болезненные проблемы нынешних двусторонних отношений имеют истоком именно это время.

Я исхожу из предпосылки, что российско-японские отношения существовали не в вакууме, они развивались не сами по себе, но были продуктом общеисторической траектории развития и представляют собой производную такого развития. Причем огромную роль играют внутренние факторы – не только преходящие (политические), но и более долговременные – культурные.

В начале истории двусторонних отношений обе страны принадлежали к группе стран «догоняющего развития», необходимость коренных реформ была осознана в середине XIX в. В результате модернизации прежняя картина мира оказалась радикально пересмотрена как в Японии, так и в России. Основа картины мира – это представления о времени и пространстве (хронотоп). Для историка традиционных государств и обществ данное положение является общим местом, однако среди ученых, занимающихся более современными сюжетами, такой подход встречается не так часто. Мне же кажется, что описание хронотопа в новое и новейшее время открывает новые перспективы для более адекватного описания и понимания реальности.

Пересмотр традиционной модели хронотопа в Японии можно датировать второй половиной периода Мэйдзи (1867–1912), в России – революцией 1917 г.

В результате революции 1917 г. наибольшему пересмотру подверглась временная составляющая: время до 1917 г. было объявлено во всех отношениях ущербным, рождение власти рабочих и крестьян считали началом «новой эры», произошел решительный отказ от традиции во всех мыслимых областях, а «отставшие» во времени «буржуазные», «монархические» и «религиозные» элементы подверглись остракизму, репрессиям и прямому уничтожению. В официальном дискурсе господствовал безудержный культ молодости и презрения к старикам. Сочинения советских литераторов и публицистов того времени полны воспеания разрушительной энергетики.

В то же самое время, несмотря на полную смену правящей элиты, представления о государственном пространстве не претерпели в СССР кардинальных изменений. После разнонаправленных исканий первых послереволюционных лет забота о «собираании земель» и пространственном расширении (как в форме прямого присоединения, так и в форме создания буферных зон) снова сделалась одним из главных приоритетов советского государства (особенно показательны территориальные приобретения накануне вступления СССР во Вторую мировую войну).

Что до Японии, то пересмотр временной парадигмы оказался не столь зримым. Проводя на деле чрезвычайно решительные реформы, правящая элита не уставала повторять, что все изменения проводятся якобы в соответствии с принципами и основами, которые были выработаны еще в глубокой древности, но впоследствии забыты. Фактически руководствуясь в своих действиях теориями «прогресса», эволюции и социального дарвинизма, официальный дискурс склонялся к тому, чтобы объявить реформы проекцией «золотого века» на современность. Этот дискурс был направлен на поддержание преемственности, а не на разрыв времен. Главным фактором, призванным обеспечить преемственность, являлась не прерываемая в веках императорская династия.

Упор, сделанный на преемственности по отношению к древности (с точки зрения историка, это была, безусловно, квазипреемственность), позволил избежать того огромного числа жертв, которые принесла стране большевистская модернизация. Репрессии по отношению к инакомыслящим были несопоставимы по масштабам по сравнению с СССР и Германией. После путча 1936 года в Японии был казнен только один человек по политическому обвинению (Одзакэ Хоцуми, информатор Рихарда Зорге). В Японии был не возможен поэт, который, подобно Маяковскому, призывал бы стариков не путаться под ногами у молодежи.

Революционный разрыв времен в Японии всячески затушевывался. И если в первые годы правления Мэйдзи произошедшие события, бывало, характеризуются как «революция» (*какумэй*), то впоследствии это определение предается забвению, и его место занимает термин «обновление» (*исин*).

Отношение к государственному пространству подверглось в период Мэйдзи более кардинальной ревизии, чем время. Сёгунат Токугава проводил изоляционистскую политику и не стремился к расширению подвластной ему территории на том основании, что земля, на которой проживают японцы – наилучшая, а потому нет никакого смысла стремиться выходить за ее пределы. Мыслители этого времени полагали, что «уважаемость» страны не коррелирует с обширной территорией. Эту мысль хорошо выразил географ и астролог

Нисикава Дзёкэн (1648–1724): «Если страна большая, то это не значит, что она уважаема. Ее уважаемость определяется правильностью чередования четырех времен года, достоинствами и недостатками ее людей. Если же страна чересчур велика, то чувства людей и их обычаи весьма разнообразны и сделать их одинаковыми трудно. А потому Китай хоть и является страной священных мудрецов, но все равно династия приходит через какое-то время в беспорядок, и управление делается на долгое время трудным... Что до Японии, то ее размеры не малы и не велики, обычаи и чувства ее людей одинаковы, управлять ими легко»¹ [6, с. 25].

В период Мэйдзи восторжествовала совсем иная идея: чем больше территория страны, тем престижнее. Это находилось в полном соответствии с западной концепцией державного пространства, которая предполагает приобретение колониальных владений, являющихся признаком «уважаемой» страны. Оказавшись пленницей этой концепции, Япония вынудила себя пересмотреть и вековую подозрительность по отношению к морским просторам, которые ранее расценивались как препятствие для нежелательных иноземных влияний.

Построив мощный военно-морской флот и ощутив себя морской державой, Япония ввергла себя в череду континентальных войн. Во всех из них (исключение составляет лишь война 1945 г. с СССР) она выступила в качестве инициатора: «малая» война с Китаем (1894–1895), война с Россией (1904–1905), война с Германией (1914), вторжение на советский Дальний Восток («сибирская экспедиция», 1918–1922), «большая» война с Китаем (1931–1945), война с Великобританией, США и многими другими странами антигитлеровской коалиции («великая восточноазиатская война», 1941–1945). Все эти акции либо приводили к территориальному расширению Японии, либо имели его в виду. После присоединения Кореи в 1910 г. крошечная «островная страна» превратилась в «материковую империю», что вызвало в японском обществе восторги поэтического свойства.

Поскольку Япония приняла западную концепцию расширяющегося государственного пространства, которой придерживалась и Россия, две страны с неизбежностью вступили на этом поле в конкурентные отношения. Судьба российско-японских отношений стала заложницей прежде всего территориального фактора. А это предполагало высочайшую степень вовлеченности военных в решение всех государственных вопросов. Огромная роль армии нашла свое отражение и в позиционировании императора Мэйдзи. В России верховный правитель всегда был одновременно главнокомандующим и занимал активную по отношению к пространству позицию, что отражает общий для Европы (всех индоевропейцев) военный генезис верховной власти. В Японии генезис «императорской» власти имел жреческие корни, «тэнно» никогда не имел военных функций, но образ императора Мэйдзи кроился во многом по западному лекалу, его объявили верховным главнокомандующим.

После российско-японского компромиссного договора 1875 г. о территориальном размежевании (Сахалин отошел к России, а Курилы к Японии) в двусторонних отношениях все больше энергии стало уделяться силовому решению проблем. Историки спорят о том, была ли русско-японская война неизбежной, до конца ли государственные мужи использовали возможности для компромисса, но обоюдная нацеленность элиты двух стран на

¹ Думается, что эта мудрая мысль Нисикава Дзёкэн не потеряла актуальности и в нынешнее время.

территориальную экспансию и психологическая готовность решать проблемы с точки зрения силы убеждает меня в неизбежности той войны. Ее начала Япония, но, по большому счету, она не имела конкретно антироссийской направленности, она явилась следствием взятой на вооружение концепции развертывающегося государственного пространства. «Вина» России и «вина» Японии заключались только в географии – в том, что они оказались соседями. Как покажет вся последующая история, – «соседями по несчастью», ибо пересмотр в Портсмуте договора 1875 г. создал в результате больше проблем, чем их разрешил. Но Япония действовала в рамках той картины мира, которую ей предлагал западный миф о благодатности территориального расширения.

Несколько «терроризируя» историю с географией, рискну предположить, что если бы Россия вдруг поменялась географическим положением с Англией, то возникла бы не японо-русская, а японо-английская война, а договор о дружбе был бы заключен не между Японией и Англией, а между Японией и Россией. Не случайно в первой половине XX в. у Японии не сложились долгосрочные дружественные отношения ни с одной соседней страной – ни с Россией, ни с Китаем, ни с Кореей. Дружескими партнерами имели шанс стать, по преимуществу, те страны, которые располагались далеко от границ. Для Японии это была поначалу Англия, потом страны Антанты, потом Германия и Италия.

Символическое пространство СССР и Японии было устроено похожим образом. И СССР, и Япония мыслили себя находящимися в центре мира на том основании, что являются мощными источниками света. Звезды Кремля светили всему миру, по ним сверяли курс, как «по маяку», Москва объявлялась столицей «прогрессивного» человечества, СССР представал как единственная страна победившего социализма, которому принадлежит глобальное будущее. Сам Сталин фигурировал как носитель «светлого учения» и «солнце нашей жизни».

Вслед за синтоистскими божествами, японские императоры, считавшиеся потомками солярной богини Аматэрасу, традиционно считались носителями света, в их посмертных именах и девизах правления иероглифы, обозначающие свет, встречаются часто. Императорский дворец в Токио был центром мира, устроенного на японский лад. Вслед за императорами светоносность стала приписываться и всей Японии, которая получила неофициальное, но очень распространенное название «Страна восходящего солнца». Этот свет предполагалось транслировать в самые темные уголки мира. Позиционирование Японии как модели для подражания было совершенно новым историческим явлением – никогда раньше такой задачи не ставилось.

Официальный дискурс как СССР, так и Японии представлял международные отношения как арену для поединка сил света и тьмы. При этом предполагалось, что в мире существует только один источник света. Такое убеждение неизбежно вело к отношениям конфронтации с подавляющим большинством стран. Но такая конфронтация служила доказательством своей избранности.

Общественный дискурс, которым пользовались в СССР и Японии, был полон метафор. Они создавали такую образную картину мира, в которой позитивистскому осмыслению действительности оставалось все меньше места. Цели, к которым стремились обе страны, настолько противоречили базовым принципам устройства жизни и мира, что для их достижения насилие являлось едва ли не главным средством. Элиты обеих стран совершенно

неверно оценивали реальность и ставили перед страной утопические, несбыточные цели. Лидеры СССР мечтали о благодном коммунизме, лидеры Японии – о гигантской «зоне азиатского процветания» под эгидой Японии. С точки зрения оценки действительности это были откровенно провальные проекты, но недостаток обоснованности и трезвости восполнялся напыщенным поэтическим и метафорическим дискурсом, к которому не применимы критерии формальной логики.

Выдающаяся роль силовой составляющей в осуществлении своих целей с неизбежностью вела к господству метафоры «борьбы» в общественном и государственном дискурсе. В этих условиях литература и другие искусства буквально превращались в орудия убийства. В 1925 году В. Маяковский, с присущей ему интенсивностью переживаний как личной, так и общественной жизни, экзальтированно восклицал: «Я хочу, чтоб к штыку приравняли перо!» Японский правительственный журнал «Еженедельник фотографии» («Сясин суюхо») в 1938 г. вторил ему: «Кино – это пулемет пропагандистской битвы, фотография – это меч, который с легкостью пронзает человеческое сердце, это ядовитый газ, растиражированный в миллионах экземпляров» [7].

Культивируемая образность была такова, что мирное решение проблем оказывалось затруднительным.

Представление о строении государства было в Японии тоже метафорическим. Метафора коллективного тела имела огромное значение в государственной идеологии второй половины XIX – первой половине XX в. Уподобление государства человеческому организму (государство-тело, яп. *кокутай*) встречается еще в древнекитайских сочинениях, однако в Японии это уподобление входит в действительно широкий обиход только в период Мэйдзи. При этом знакомая метафора приобретает значения, навеянные европейскими (главным образом, немецкими) правоведами с их идеями «органического государства».

Наиболее успешно применял метафору государства-тела юрист Минобэ Тацукити (1873–1948). Именно под его влиянием в начале XX в. в японский политико-государственный быт прочно входит «теория органа» (*кикансэцу*). Согласно Минобэ, государство представляет собой единый организм, в котором каждая его клетка (человек) входит в состав определенного органа и всего тела. Император же отправляет функцию «головы». Подчиненное положение «народа» в этой метафоре не вызывает сомнения, но в 1934 г. она все равно подверглась суровому осуждению со стороны военных радикалов на том основании, что император не может быть органом (пусть даже самым важным), т.е. выполнять подчиненную по отношению ко всему организму роль. Правительство откристилось от «теории органа», но оно не отказалось от самой метафоры государства-тела, которая была призвана обеспечить единство японского общества и государства. В 1937 г. на свет появился главный документ японского тоталитаризма «Кокутай-но хонги» («Основной смысл тела-государства»). Теперь народ окончательно лишился своей самостоятельной функции и ему предстояло только безоговорочное подчинение императору, который квалифицировался как «сердце» (эквивалент «души»).

Уточнение телесной метафоры было знаковым событием в истории японского тоталитаризма. Если «голова» – это орган мышления, то «сердце» – орган чувствования. В отличие от «головы» (некоторые японские мыслители даже называли императора «головным

мозгом»), «сердце», его «чувства» и «эмоции» не описываются с точки зрения верифицируемой терминологии. Один из основных лозунгов японского тоталитаризма – «сто миллионов [японцев] – одно сердце». Японское государство и общество наделялись антропоморфными чертами, это создавало возможность для того, чтобы приписывать им человеческие чувства. Каковы же были эмоции этого новообразования? Следует признать, что они были намного беднее, чем чувства «обычного» человека. За образец была взята личность, напоминающего ходульного самурая. «Обида» и жажда мести были едва ли не основными его чувствами, которые определяли действия государства по наказанию обидчиков. А их насчитывалось много. Китай преподносился в качестве вечного обидчика Японии, поскольку в китайской картине мира Японии всегда уделялось место варварской периферии. Что до Запада, то в качестве обид назывались расовая дискриминация, ограничение японского военно-морского флота (Вашингтонская конференция 1921–1922 гг., Лондонский договор 1930 г.), отказ Англии продлить договор о дружбе (1922 г.), иммиграционный акт США (1924 г.). Все мировое сообщество «оскорбило» Японию в 1933 г., когда Лига Наций отказала в признании марионеточному правительству Маньчжоу Го, но зато признала суверенитет Гоминьдановского правительства над Маньчжурией.

Распространившееся среди японской элиты и в самом народе чувство обиды открывало путь для ответных действий. Самурайский кодекс чести (мести?) может выглядеть привлекательным и даже оправданным в отношениях между людьми, но, будучи распространен на всю нацию и на межгосударственные отношения, он привел к страшным последствиям. Тем более, что в сердце самурая находилось место и для чувства вины, но в государственном арсенале эмоций такого чувства не было. У самурая имелся сюзерен, а у страны Японии сюзерена не было, образцов для сверки своего поведения не существовало.

В СССР не использовалась метафора тела для обеспечения единства. В советской идеологии был чрезвычайно силен разъединяющий потенциал: классовое разделение, открытая дискриминация отдельных социальных групп (интеллигенция, буржуазные, религиозные и иные «элементы»). Реальное национально-культурное многообразие СССР также тормозило интеграционные процессы. В этих условиях в качестве наиболее мощного объединяющего фактора стала выступать фигура вождя – Сталина, который обладал чрезвычайно своеобразными представлениями о справедливости. Его личные эмоции стали приписываться советскому государству и «советскому народу». В письме к Трумэну от 16 августа 1945 г. Сталин требовал включить в зону советской оккупации Курильские острова и северную часть Хоккайдо на том основании, что в противном случае общественное мнение в СССР было бы «серьезно обижено». Получив от Трумэна отказ на оккупацию Хоккайдо, он «обиделся» **на Америку** и, вопреки Потсдамской декларации, заточил в Сибири **японских** военнопленных, не имея на то ни юридических, ни моральных оснований. «Обида» советского народа оказалась сильнее других соображений.

Метафора «борьбы» распространялась на все сферы общественной жизни как в Японии, так и в СССР (в СССР даже «борьба против природы» была ходовым выражением) [8–9]. Это приводило к созданию упрощенной черно-белой картины мира и воспитанию соответствующего типа человека, понижению интеллектуального уровня. Это касается и уровня самих военных. Во время русско-японской войны японское командование состояло по

преимуществу из высококвалифицированных офицеров, но уровень компетентности командующего состава во время «великой восточноазиатской войны» находился на несравненно более низком уровне. В начале модернизации военно-политическое руководство новой Японии достаточно трезво оценивало соотношение противоборствующих сил и одерживало одну победу за другой, но уже начиная с «Сибирской экспедиции» чувство реальности стало покидать его. Бездна завязнув в Китае, Япония объявила войну США и Великобритании и вступила в борьбу с половиной мира, не имея ни малейших материальных оснований для победы. Подобный авантюризм был возможен только в условиях, когда сознание воспринимало метафоры как высшую реальность. Вера в «сердце» и в побеждающую силу «праведных» эмоций приводили к ощущению, что «духовное» («дух Ямато») считалось сильнее «материального».

И Япония, и Россия принадлежат к странам с богатой поэтической традицией. Исконная японская поэзия – *вака* не имеет дела с нагнетанием агрессивных эмоций. Ее сверхзадачей является установление гармоничных отношений с окружающим миром. Что до поэтов расцвета тоталитаризма (30-е – первая половина 40-х годов XX в.), то они стали отдавать предпочтение верлибру и их вдохновение стали питать совсем другие эмоции. По случаю нападения на Пёрл-Харбор Такамура Котаро (1883–1956), знаменитый поэт и председатель поэтической секции писательского Союза служения Японии, писал о том, что следует «вырвать у врагов с корнем их когти и зубы». И такие стихи появлялись в великом множестве.

Метафора «борьбы» предполагала не столько компетентность, сколько безоговорочное послушание и готовность жертвовать собой во имя «высоких» целей. Следует признать, что и к советскому политическому и военному руководству слишком часто предъявлялись требования, которые не имели отношения к квалификации. Катастрофическое начало Отечественной войны с Германией в значительной степени объясняется именно этим.

В первой половине XX в. Япония находилась в перманентном состоянии войны, количество мирных лет уступает военным. Японская пропаганда превозносила военных героев – прежде всего погибших. При этом не имело никакого значения, сумел ли герой выполнить боевую задачу. По большому счету, это был гимн некомпетентности. Камикадзе получили всемирную славу вовсе не потому, что они нанесли большой ущерб американцам (по меркам той войны он был ничтожен), а потому, что они добровольно вызвались умереть. Камикадзе становился героем в момент боевого вылета, когда он еще ничего не успел совершить.

Отношения между Японией и Россией (СССР) были проекцией культурных и эмоциональных установок такого типа государства/общества, которое ставит перед собой несбыточные цели. Миллионы людей искренно верили в абсолютную самоценность расширяющегося государственного пространства, светоносность собственной страны, легко становились пленниками поэтических метафор. Эти метафоры становились путеводителем в символическом пространстве, в котором проживали реальные люди. Это и было то коллективное бессознательное, что управляло поведением людей – как политической элиты, так и простых граждан (подданных). В обеих странах люди расценивались (и расценивали себя!) как возобновляемый ресурс для достижения целей, которые были больше самого

человека. Анализируя войны, конфликты, заключение договоров, их нарушения и иные важные события, следует помнить и про те ментальные структуры, которые позволяли порождать тот событийный ряд, с которым имеют дело историки.

Список литературы

1. Российско-японские отношения в формате параллельной истории : коллективная монография / под общ. ред. акад. А.В. Торкунова и проф. М. Йокибэ; МГИМО(У) МИД РФ, Ассоциация японоведов. М.: МГИМО-Университет, 2015. 1024 с.
2. Мещеряков А.Н. Император Мэйдзи и его Япония. М.: «Наталис» – «Рипол классик», 2006. 736 с.
3. Мещеряков А.Н. Быть японцем. История, поэтика и сценография японского тоталитаризма. М.: «Наталис», 2009. 591 с.
4. Мещеряков А.Н. Стать японцем. Топография тела и его приключения. М.: «Наталис», 2014. 432 с.
5. Мещеряков А.Н.. Terra Nipponica: среда обитания и среда воображения. М.: «Дело», 2014. 424 с.
6. Нисикава Дзёкэн. Нихон суйдо ко. Суйдо кайбэн. Каи цусё ко : [Размышления о водах и землях Японии. К пониманию вод и земель. Размышления о торговле с варварами]. Токио: Иванами сётэн, 1988. С. 25. 196 с.
7. Ито Нобутада. Эйга-ни эгакарэта дзэнсэн то дзюго : [Фронт и тыл в киноизображении] – Дайниппонкоку-но хакай. / под ред. Ямамура Кэнтоку. Серия «Нихон-но дзидайси». Токио: Ёсикава кобункан, 2004. Т. 25. С. 140.
8. Мещеряков А.Н. Номо Sovieticus: покорение пространства и времени. – Угол зрения. Отечественные востоковеды о своей стране. – М.: «Наука», 1992. С. 159–181.
9. Мещеряков А.Н. Читая старые «Огоньки» // Знание – сила. 1991. №8. С. 64–72.

См. также:

Мещеряков А.Н. Япония и Россия в объятиях пространства и времени // Полис. 2016. № 3. С. 160–172.

Поступила в редакцию 28.01.2016

Автор:

Мещеряков Александр Николаевич, доктор исторических наук, профессор РГГУ и РАНХиГС. E-mail: meshtorop@mtu-net.ru

Some reflections of a Cultural Antropologist concerning monograph “Russian-Japanese Relations in the framework of Parallel History”

A.N. Meshcheryakov

Russian-Japanese relations have been developing not by themselves but were a result of a broader historical and cultural context. In the evolution of bilateral relations not only short-term (political) factors were important. Long-term cultural factors should be also considered.

Keywords: Russia (USSR), Japan, bilateral relations, modernization, Meiji period, revolution of 1917, picture of the world, time-space pattern, anthropomorphism of the state, kokutai, the metaphor of "light", the metaphor of "struggle"

Author:

Meshcheryakov Alexander N., Doctor of Sciences (History), Professor, Russian State University for Humanities & Russian Academy of National Economy and Public Administration.
E-mail: meshtorop@mtu-net.ru

Внешнеполитический курс России в отношении Японии: внутренние факторы

Д.В. Стрельцов

В статье дается анализ внутренних факторов формирования российского внешнеполитического курса в отношении Японии. Функционирование системы принятия решений в этой сфере рассматривается в разрезе той роли, какую играют различные субъекты внешнеполитического процесса, а также точек зрения, имеющих в современной России по развитию отношений с этой страной.

Ключевые слова: Япония, внешнеполитический курс, президент, Министерство иностранных дел, группы влияния, парламентские связи, стереотипы, политический истеблишмент.

Правовые, институциональные и общественно-политические факторы формирования российской внешней политики на японском направлении

В конституционно-правовом отношении Российская Федерация является президентской республикой. Конституция Российской Федерации закрепляет за президентом исключительные полномочия в сфере принятия решений, связанных с внешнеполитической деятельностью государства. Хотя в Основном законе обозначены и другие субъекты, принимающие участие в определении и реализации внешней политики России (народ России, субъекты Российской Федерации и др.), глава государства обладает в этой области наиболее широкими властными прерогативами. Согласно п.3 ст.80 Конституции РФ ее президент не только определяет «основные направления внутренней и внешней политики», но и сам ею руководит. Особая роль президентской власти в механизме принятия внешнеполитических решений вытекает также из того факта, что, согласно ст.113 Конституции РФ, президент определяет основные направления деятельности правительства и организацию его работы. Это обстоятельство позволяет ему давать прямые указания отдельным ведомствам, включая Министерство иностранных дел, и просто спускать сверху директивы и решения для исполнения.

В рутине повседневной работы президент РФ черпает информацию из самых разных источников. Право прямого доклада, в том числе по международным вопросам, имеют ключевые министры: иностранных дел, обороны, внутренних дел, руководители Службы внешней разведки и Федеральной службы безопасности, Главного разведывательного

управления Министерства обороны и т.д. При определенных обстоятельствах решающее воздействие на выбор президента может оказывать также Управление по внешней политике Администрации Президента. Важным консультативно-вспомогательным органом президента является Совет безопасности, в состав которого входят все ключевые министры российского правительства.

Имеется также ряд неформальных каналов влияния на гаранта Конституции, проявляющихся посредством отдельных группировок, которые условно можно назвать «группами давления». Процессу концентрации власти в руках указанных групп способствовали два ключевых фактора: сильная концентрация власти президента, с одной стороны, и правовая неурегулированность вопросов разделения полномочий между отдельными субъектами внешнеполитической деятельности – с другой.

В условиях множественности центров влияния на президента обращает на себя внимание отсутствие единого координационного центра, который бы оказывал главе государства реальную помощь в подготовке внешнеполитических решений. Российский президент, в конечном счете, доверяется собственным представлениям и ощущениям, для того чтобы сделать тот или иной выбор, связанный с действиями государства на мировой арене.

В подходе российского президента к развитию взаимных отношений с Японией лежат прагматические соображения, основанные на трезвой оценке реальных возможностей России. Они заключаются в том, что дальневосточный сосед России является для нее крупным внешним источником роста, а, следовательно, политическое сближение с Токио должно служить целям экономического подъема отдаленных российских окраин, разработки природных ресурсов, решения социальных задач (обеспечение занятости, повышение жизненного уровня населения и т.д.).

В вопросе об институциональных факторах формирования японского направления российского внешнеполитического курса большой интерес представляет субъектная роль российского правительства в целом и отдельных министерств и ведомств. В Конституции РФ имеется лишь одна строка о том, что правительство «осуществляет меры по реализации внешней политики». В то же время, по традиции, глава российского правительства в основном занимается только вопросами внутренней и экономической политики и достаточно редко принимает самостоятельные решения во внешнеполитической сфере. Единственное упоминание об особой миссии главы кабинета имеется только в Законе «О международных договорах Российской Федерации», согласно которому «Председатель Правительства Российской Федерации как глава Правительства и министр иностранных дел Российской Федерации в силу своих функций и в соответствии с международным правом ведут переговоры и подписывают международные договоры Российской Федерации без необходимости предъявления полномочий» [7].

Различные аспекты отношений с Японией попадают в той или иной степени в сферу компетенции следующих ведомств: Министерство иностранных дел (общие и политические вопросы двусторонних отношений); Министерство экономического развития (торгово-экономические отношения, инвестиционное сотрудничество, вопросы тарифной политики); Государственный комитет по рыболовству и Федеральная пограничная служба (вопросы

защиты российских границ и морских ресурсов от посягательств со стороны иностранных браконьеров, проблема квот на вылов рыбы в российских территориальных водах) и ряд других министерств и ведомств. Японское направление работы оказывается достаточно значимым для таких ведомств, как Российское космическое агентство, Министерство атомной энергетики, Министерство природных ресурсов и экологии, Министерство транспорта, Министерство по развитию Дальнего Востока и др.

Главным ведомством, курирующим политические вопросы наших отношений с Японией, является Министерство иностранных дел. Следует отметить, что на различных исторических этапах в подходах мидовской и президентской дипломатии проявлялись определенные различия. Российский МИД проявляет тенденцию к тому, чтобы быть более сдержанным, приземленным и консервативным, следуя на полшага позади президента. Вопрос о том, насколько велика свобода маневра, которой обладает руководство МИД, зависит от целого ряда факторов: политического веса и авторитета министра иностранных дел, его личных взаимоотношений с президентом, внутренних организационно-структурных и экспертно-аналитических возможностей самого МИД, интересов прочих ведомств и частного бизнеса, наконец, политической значимости этих проблем с точки зрения внутренней ситуации в России.

Сложным является вопрос о внутренних возможностях российского МИД с точки зрения всесторонней проработки и подготовки политических решений. В рамках действующей доктрины государственного управления основная функция российского МИД заключается в непосредственной реализации утвержденного Президентом РФ внешнеполитического курса. Кроме того, МИД координирует внешнеполитическую деятельность федеральных органов исполнительной власти и контролирует ее в соответствии с Указом Президента РФ от 8 ноября 2011 г. № 1478 «О координирующей роли Министерства иностранных дел Российской Федерации в проведении единой внешнеполитической линии Российской Федерации». Вместе с тем МИД не наделен особой компетенцией во внешнеполитической области и, таким образом, занимает положение «первого среди равных» по отношению к прочим российским ведомствам. В реальности его роль зачастую сводится к решению второстепенных или технических вопросов.

Организационно-политические ресурсы российского МИД крайне ограничены. Если брать японское направление, в глаза бросается отсутствие в его составе экспертно-аналитических структур, позволяющих обеспечивать «мозговую атаку» на проблемы отношений с этой страной с общегосударственных позиций, недостаток стратегического видения большинства проблем, возникающих в отношениях с Токио. В профильных структурах МИД на среднем уровне наблюдается недостаток узких специалистов-страноведов, «страновиков», хорошо разбирающихся во всех тонкостях и «подводных камнях» отношений с Японией. Работа персонала центрального аппарата МИД связана главным образом с решением рутинных вопросов управления: оформлением различного рода нормативно-правовых документов, подготовкой рабочих встреч руководства, написанием справок, записок, отчетов и т.д. Превалирование протокольно-канцелярских функций не позволяет Министерству иностранных дел претендовать на роль политического локомотива и брать на себя инициативу в принятии прорывных решений.

Помимо МИДа, свое влияние на внешнеполитический курс России в отношении Японии могут оказывать также «силовые ведомства»: Министерство обороны, Федеральная служба безопасности, Служба внешней разведки. С 1994 г. все министры-силовики находятся в непосредственном подчинении президента, регулярно (как правило, не реже одного раза в неделю) получают аудиенцию у последнего, имеют право внеочередного непосредственного доклада в острых и незапланированных ситуациях.

Неоднозначным является вопрос о том, насколько мнение отдельных групп влияния учитывается при принятии внешнеполитических решений на высшем уровне. Российский президент заинтересован в наличии определенных расхождений среди различных участников внешнеполитической деятельности, так как это предоставляет ему дополнительный властный ресурс, заключающийся в праве «быть выше» ведомственных и групповых интересов. Играет свою роль и то обстоятельство, что во главе угла одобренной Президентом РФ Концепции внешней политики лежит понятие взаимовыгодного прагматизма, а не абстрактные идеологические доктрины. Внешняя политика понимается как важный ресурс для реализации внутренних задач, прежде всего, в деле создания благоприятных условий для поступательного экономического развития России.

Что касается роли Совета безопасности в формулировании российского подхода к российско-японским отношениям, то существует определенное противоречие между официально провозглашенным целевым предназначением этого органа, которое заключается в подготовке решений Президента РФ в области обеспечения международной безопасности и ведения контроля их исполнения, и реальными возможностями для реализации поставленных перед ним задач. Совет безопасности так и не стал полноценным рабочим органом внешнеполитического планирования. С юридической точки зрения его решения не обязательны для исполнения и носят рекомендательный характер. Большую проблему представляет ограниченность ресурсов планирования, анализа, координации и контроля. Например, в составе Совета отсутствуют специализированные страноведческие структуры, позволяющие вести полноценную проработку проблем двусторонних отношений, а японское направление включено в компетенцию многопрофильного подразделения.

В целом следует заключить, что в России так и не сложилось эффективного межведомственного формата выработки, принятия и выполнения государственных решений по ключевым политическим, экономическим и военно-стратегическим вопросам, затрагивающим российско-японские отношения. Координацией внешней политики занимается российский МИД; вопросами внешнеполитической доктрины – Межведомственная внешнеполитическая комиссия Совета безопасности; рассмотрением оперативных вопросов международной деятельности – МИД РФ, Минобороны, СВР и ряд других ведомств; оперативные вопросы, связанные с планированием и осуществлением мероприятий Президента РФ, решаются в Администрации Президента, в частности через Управление по вопросам внешней политики и Управление протокола Президента РФ. По этой причине институциональная основа формирования российско-японских отношений характеризуется относительной рыхлостью организационной базы, рассогласованностью деятельности органов исполнительной власти, ответственных за выработку и принятие решений.

Определенную роль в оформлении российского внешнеполитического курса в отношении Японии играет Федеральное собрание. Российские законодатели в рамках своих конституционных полномочий проводят обсуждение и анализ отдельных направлений государственной политики, ведут работу по правовому обеспечению внешнеполитического курса страны и выполнению ею своих международных обязательств. Согласно Российской Конституции (ст. 106), Государственная Дума Российской Федерации обладает конечными полномочиями по ратификации международных договоров, решению вопросов войны и мира. Парламент может проводить слушания по острым международным проблемам, устанавливать контакты с законодательными собраниями зарубежных стран, проводить самостоятельную «парламентскую дипломатию», направляя за рубеж парламентские делегации и принимая у себя иностранных законодателей. На заседания парламентских комитетов и комиссий могут вызываться высокопоставленные представители министерств и ведомств, включая министров и директоров департаментов, представители средств массовой информации, академических кругов, бизнесмены и т.д. Если обсуждаемый вопрос имеет широкий общественный резонанс, процесс парламентских слушаний детально освещается средствами массовой информации.

В составе обеих палат российского парламента действует ряд депутатских организаций по связям с парламентскими ассамблеями отдельных зарубежных государств, ставящих своей целью развитие межпарламентских отношений. Имеется такая депутатская группа и по связям с парламентом Японии, возглавляемая в настоящее время депутатом М.В. Слипенчуком. В некоторых случаях парламентские связи перерастают характер рутинного обмена и приобретают форму заметных внешнеполитических акций, которые оказывают существенное влияние на состояние отношений с Японией.

Важным участником внешнеполитической деятельности в Российской Федерации является бизнес-сообщество. Что касается Японии, здесь интерес российского бизнеса в основном связан с надеждами на привлечение прямых инвестиций в самые разные отрасли экономики. Однако инвестиционные связи между двумя странами носят достаточно ограниченный характер, в результате чего ограничена и институционализация специфического японского компонента в экономических интересах российских деловых кругов.

Среди тех организаций деловых кругов, которые занимаются развитием экономических связей с Японией, следует выделить Российско-Японский деловой совет, возглавляемый президентом Общероссийской общественной организации «Деловая Россия» А. Репиком. Целью Совета, учрежденного Торгово-промышленной палатой России, является оказание содействия российским предприятиям и организациям в поиске деловых партнеров на территории Японии, проработка конкретных проектов в области торговли и инвестиций, организация выставочных, конгрессных и других деловых мероприятий [5].

Другой специализированный орган по развитию деловых контактов двух стран – Российско-Японский комитет по экономическому сотрудничеству, учредителем которого является Российский совет промышленников и предпринимателей. Он был создан в апреле 1992 г. в результате преобразования Советско-японского комитета по экономическому сотрудничеству, учрежденного в 1965 г. одновременно с Японо-советским комитетом по

экономическому сотрудничеству на основе обменных писем между Торгово-промышленными палатами обеих стран. Председателем Комитета с российской стороны является президент РСПП А. Шохин.

Определенную роль в формировании российской политики в отношении Японии играет фактор общественного мнения. Сразу же после окончания холодной войны, когда было снято табу на массовое обсуждение международных вопросов, этот фактор, бесспорно, приобрел гораздо большее значение, чем это было в советскую эпоху. В целом в российском общественном мнении наблюдается определенное противоречие между благожелательным отношением к культурным и техническим достижениям Японии и негативной политической оценкой Японии, точнее, того положения, которое она занимает в мировой системе координат, а также значения двусторонних отношений для российских национальных интересов. В глазах большинства Япония представляется как страна, в лучшем случае, не имеющая собственной внешней политики, в худшем – как сателлит США и геополитический противник России. Российское общественное мнение относится к Японии все более настороженно, а все, что связано с этой страной, все чаще воспринимается через призму проблемы пресловутых «северных территорий».

В последние годы в связи с присоединением Японии в 2014 г. к антироссийским санкциям Запада россияне существенно ухудшили свое отношение к Стране восходящего солнца, которое традиционно было нейтрально-сдержанным. Так, если в мае 2008 г. основная часть (71 %) респондентов опроса, проведенного Левада-Центром, оценили отношения с Японией как «дружеские и нормальные», тогда как за вариант ответа «прохладные и враждебные» высказались 17 % опрошенных, то в сентябре 2014 г. это соотношение поменялось на 38 % и 55 % [2]. А в октябре 2015 г. 75 % опрошенных были уверены, что Япония, а также США, Германия и Великобритания, являются противниками России, «которые стремятся решать свои проблемы за ее счет и при удобном случае наносят ущерб ее интересам» [1].

Негативное отношение общественного мнения к позиции официального Токио учитывается в политических программах отдельных политических деятелей. Многие российские депутаты, и прежде всего представляющие регионы Сибири и Дальнего Востока, не могут игнорировать мнение избирателей по территориальному вопросу при выдвижении своей политической платформы, голосовании по отдельным парламентским резолюциям. К тому же результаты опросов общественного мнения оказывают определенное давление и на центральную власть, которая не может слишком явно и открыто идти в своих внешнеполитических действиях наперекор большинству граждан.

Вместе с тем возможность манипулирования общественным мнением с помощью средств массовой информации позволяет властям регулировать настроения граждан в политических целях, например, в период выборов, обеспечивая поддержку избирателями нужных депутатов. Можно говорить и о возможности откровенного игнорирования властью общественного мнения. В последние несколько лет также усилилась тенденция к прямому замалчиванию в российских СМИ содержания важных переговоров и консультаций на высшем уровне. Так, переговоры о судьбе мирного договора с Японией, возобновленные в

2013 г., идут за плотно закрытыми дверьми во многом по причине того, что затрагивают деликатные и щекотливые темы.

В контексте вопроса о факторе общественного мнения следует отметить, что определенное влияние на внешнеполитический процесс оказывают и различного рода научно-исследовательские организации, «мозговые центры» и иные аналитические структуры, представляющие собой альтернативу государственным органам внешнеполитического планирования: академические институты (ИДВ РАН, ИВ РАН, ИМЭМО РАН), вузы и т.д. Однако в целом сфера участия академических и иных неправительственных организаций в процессе выработки внешнеполитического курса имеет крайне ограниченный характер и продолжает сокращаться. Государство в лице соответствующих ведомств не стремится получить рекомендации и содействие «мозговых центров», не облегчает им становление и функциональную деятельность. Большую проблему составляет также доступ общественных организаций и научных центров к служебной информации по внешней политике и безопасности, который жестко ограничен в соответствии с Законом о государственной тайне. Выступления российских специалистов в СМИ по вопросам двусторонних политических отношений с Японией носят эпизодический характер, а крупные научные разработки, направленные на поиск путей решения назревших политических и экономических проблем этих отношений, фактически «положены под сукно».

Можно назвать несколько причин не востребоваемости национального научного потенциала. Во-первых, «кадровый голод»: молодежь не идет в науку прежде всего из-за низких заработков и, как следствие, низкого социального престижа ученых. Трудно было бы ожидать высокочастотных научных разработок в условиях сниженной конкуренции, отсутствия духа творческой активности и созидательности в академической среде. Во-вторых, привлечение к процессу принятия внешнеполитических решений экспертных структур, альтернативных государственным, не поставлено на системную основу и носит скорее эпизодический характер. Ученых практически перестали включать в советы и комиссии, к выводам которых прислушивалось бы высшее политическое руководство, не говоря уж о правительственных делегациях, занимающихся практическими вопросами двусторонних отношений. В России фактически не сложилось разветвленного рынка продукции «мозговых центров», отсутствует соревнование различных подходов к международной проблематике. Субъекты внешнеполитической деятельности в лице МИД и иных министерств и ведомств предпочитают либо опираться на собственные силы, либо ждут указаний «сверху», прежде всего со стороны президентской администрации.

Ответ на вопрос, что же является главным в мотивации российского политического курса по отношению к Японии, зависит от большого многообразия факторов. Внешнеполитические приоритеты России на данном направлении, в основе которых лежат принципы прагматизма и реальной оценки имеющихся ресурсов, достаточно прозрачны: это обеспечение международной стабильности в АТР, защита дальневосточных границ, привлечение японского капитала в российскую экономику, вовлечение с помощью Японии российских регионов Сибири и Дальнего Востока в процессы экономической интеграции в АТР.

Президент на сегодняшний день является фактически решающим и безальтернативным фактором в механизмах формирования и реализации российской внешней политики. Он может позволить себе любые решения. В то же время отдельные министерства и ведомства, включая силовые, не имеют реальных конституционно-правовых и институционных возможностей вносить качественные изменения в российскую внешнеполитическую стратегию. Внешнеполитический процесс характеризуют размытость, неопределенность механизма формирования, а также закрытость, непрозрачность, неподверженность гражданскому контролю. С одной стороны, возможности академических кругов, политических партий и неправительственных организаций принимать участие в подготовке внешнеполитических решений становятся все более ограниченными, в то время как роль исполнительной власти продолжает возрастать. С другой стороны, многое зависит не от конституционных положений и формального разделения полномочий между отдельными субъектами внешнеполитической деятельности, а от расклада сил между многочисленными группировками в президентском окружении.

Точки зрения на Японию в российском политическом истеблишменте и экспертном сообществе

Имеющиеся в России стереотипы в отношении Японии можно условно разделить на три вида: «Проигравшее государство», «Хватит быть сателлитом Америки!» и «Германия на Востоке», а их носителей условно обозначить как «консерваторы», «реалисты» и «меркантилисты». Безусловно, в таком разделении присутствует элемент утрирования, но без него оказывается сложно понять природу российских сомнений и колебаний по японскому вопросу.

Первый из этих стереотипов касается итогов Второй мировой войны и прочно относит Японию к категории «проигравшего государства», которое должно себя вести на мировой арене соответственно своему статусу. Наиболее сильные позиции он имеет среди консервативной части российского политического класса, включая депутатов всех уровней, военных, дипломатов, журналистов, экспертов и части университетской профессуры. Данный взгляд опирается на широкие общественные настроения, в которых после крымских событий существенно усилился националистический компонент.

«Консерваторы» исходят из статуса России как страны-гаранта Ялтинско-Потсдамской системы и постулата о незыблемости итогов Второй мировой войны. По их мнению, как проигравшая страна, Япония должна постоянно помнить об этом своем статусе, принимая его с покаянием и смирением. «Консерваторы» с известной долей алармизма воспринимают «реваншистскую», с их точки зрения, политику кабинета С. Абэ в сфере национальной безопасности, направленную на пересмотр конституции, ликвидацию пацифистских ограничений и активное военное строительство. Крайнюю степень негативных эмоций выражают они в отношении любых публичных форм территориальных претензий японских властей в адрес России. Наиболее радикальные сторонники этой точки зрения исходят из реальной возможности военного нападения со стороны Японии с целью силового решения проблемы островов. Например, М. Крупянко и Л. Арешидзе настаивают на том, что

«российское военное планирование должно исходить из худшего из возможных сценариев», особенно с учетом того, что «близость островов к японским берегам делает задачу их обороны весьма и весьма сложной» [3].

Приоритетность постулата о незыблемости итогов Второй мировой войны и статуса Японии как «проигравшей стороны», на которой настаивают «консерваторы», в реальности означает жесткое следование линии «отсутствия территориальной проблемы» Москвы в диалоге с Токио. Любой компромисс, даже в духе Декларации 1956 года, по логике «консерваторов», имплицитно означал бы ревизию итогов войны и заложил бы бомбу замедленного действия под всю конструкцию послевоенных границ. Именно эта, ставшая за последние годы мейнстримом в российском политическом истеблишменте консервативная точка зрения генерирует наибольшую жесткость и неуступчивость Москвы в диалоге с Токио.

Второй стереотип – «Хватит быть сателлитом Америки!» – основан на предположении, что Страна восходящего солнца проводит излишне проамериканскую политику, не отвечающую ее национальным интересам, что Япония уже достаточно окрепла, чтобы избавиться в своих действиях от ежечасного контроля со стороны дяди Сэма, и что в своем подходе к России она должна занимать гораздо более самостоятельную позицию. Этот стереотип в большей степени распространен среди наиболее реалистично мыслящей части политологов и дипломатов, в меньшей – среди силовиков.

«Реалисты» особое значение придают различиям в национальных интересах Японии и США [4], апеллируют к «китайской угрозе» для Японии и к необходимости построения добрых отношений с Россией для нейтрализации этой угрозы, интерпретируют контакты на высшем уровне США с Китаем в конспирологическом плане, как попытку «поделить мир» за спиной Японии. «Реалисты» отвергают присущее «консерваторам» догматичное понимание итогов Второй мировой войны и иных вопросов исторического прошлого, исходя из сложившихся реалий постбиполярного мира, и проявляют понимание в отношении современной политики Японии в сфере безопасности, видя в ней естественное стремление Токио защитить свои национальные интересы перед лицом новых угроз. Они полагают, что Россия и Япония могут найти компромисс по территориальному вопросу, вернувшись к условиям Декларации 1956 года, и что конкретные условия этого компромисса могут быть выработаны, исходя из реалий, создавшихся на текущий момент.

Следует отметить, что после украинского кризиса, по мере усиления антиамериканского компонента в российской внешней политике, в российской политической элите стали возлагать надежды на Японию как на страну, поддерживавшую антироссийские санкции против своей воли, лишь из солидарности с Западом. Некоторые в России считают, что Япония сможет поспособствовать преодолению внешнеполитической изоляции Москвы. Объективно эти надежды являются выражением мнения «реалистов».

Третий стереотип – «Япония как Германия на Востоке» – исходит из необходимости максимальной деполитизации отношений с Японией, дистанцирования в отношениях с ней от любых сложных и конфликтогенных вопросов и опоре на то, что нас объединяет – на общие экономические интересы, основанные на способности России обеспечить Японию энергоресурсами, продовольствием и транзитными возможностями в Европу в обмен на

японские инвестиции и технологии. Поскольку тезис о «Германии на Востоке» отдает приоритет экономическим связям, которые, как предполагается, будут двигать российско-японские отношения вперед в долгосрочной перспективе, ее приверженцев можно условно отнести к «меркантилистскому» крылу политического истеблишмента, существующего во всех крупных экономических державах с ментально и политически осознанными интересами бизнеса.

Это наиболее радикально «прояпонская» точка зрения, которая исходит из неприемлемости российской политики односторонней опоры на Китай, таящей в себе риски превращения России в «северный улус» Поднебесной. По отношению к проблемам исторического прошлого «меркантилисты» полагают, что России и Японии следует строить свои отношения «с чистого листа», по возможности не вспоминая былые обиды. По их мнению, стоит только разрешить территориальный спор с Японией или хотя бы найти наиболее бесконфликтную формулу его замораживания на длительный срок, в Сибирь и на Дальний Восток тут же хлынут японские инвестиции и технологии, столь необходимые России в нынешней сложной экономической ситуации. Как подчеркивали сторонники этой точки зрения Д. Тренин и Ю. Вебер, обретение такого же, как Германия, партнера в лице Японии на Востоке принесет России очевидную выгоду во всех соответствующих областях: в сфере торговли, инвестиций, науки и техники, образования, здравоохранения, транспорта, контактов между людьми. Наличие «второй Германии» на Тихом океане, по их мнению, значительно укрепит положение России на мировой арене [6].

Данный стереотип получил некоторое распространение среди российского экспертного сообщества, бюрократии экономического блока правительства, бизнес-сообщества, а также либерального крыла политических сил. Следует констатировать, что практически никакого отклика в российском обществе эти взгляды не находят. Не находят они отражения и в практической политике России. Впрочем, по мере усиления кризисных явлений в российской экономике или появления серьезных проблем в отношениях с Китаем можно ожидать определенного укрепления позиций «меркантилистов».

Какой же из рассмотренных стереотипов имеет преобладающее влияние на российское руководство и на российского президента в частности? Однозначного ответа дать невозможно. Как представляется, цельного образа Японии и последовательной стратегии развития отношений с этой страной нет ни у российских лидеров, ни у российских организаций, занимающихся связями с Японией. Различные, даже взаимно исключаящие точки зрения могут парадоксальным образом уживаться в одном и том же субъекте внешнеполитической активности, включая российского президента.

Результирующий вектор заключается в том, что Россия пока воздерживается от шагов, ведущих к существенному ухудшению политических отношений с Токио, продолжает, несмотря на внутривластное давление справа, диалог по проблеме мирного договора, занимает крайне осторожную позицию по вопросам современной военной политики Токио в сфере безопасности. Причина такого положения заключается в понимании того, что перегнув палку в деле критики «возрождающегося милитаризма», Москва опасается еще сильнее испортить и без того плохие отношения с Токио. Поддерживая принципиальный нейтралитет по сложным вопросам истории, стоящим на повестке дня в отношениях Японии с ее

странами-соседями, Россия таким образом старается держать открытой дверь для дальнейшей нормализации политических отношений с Токио, стремясь к тому, чтобы эти отношения не омрачались дополнительно ничем, кроме уже имеющейся проблемы границы.

Список литературы

1. Враждебность к США в России сохраняется. URL: <http://www.levada.ru/2015/10/14/vrazhdebnost-k-ssha-v-rossii-sohranyaetsya/>
2. Казаков О.И. Об ухудшении российско-японских отношений в 2014 году. URL: http://japanstudies.ru/index.php?option=com_content&task=view&id=533&Itemid=1
3. Крупянко М., Арешидзе Л. Японский национализм и его влияние на безопасность России на Дальнем Востоке // Восточная аналитика. 2011. №2. С.156.
4. Панов А.Н. Выступление на круглом столе в МГИМО 20 сентября 2013 г. URL: http://japanstudies.ru/index.php?option=com_content&task=view&id=332&Itemid=2
5. Российско-Японский деловой совет избрал новое руководство. URL: <http://tpprf.ru/ru/news/rossiysko-yaponskiy-delovoy-sovet-izbral-novoe-rukovodstvo-i61631/>
6. Тренин Д., Вебер Ю. Тихоокеанское будущее России: урегулирование спора вокруг Южных Курил. URL: http://carnegieendowment.org/files/WP_VeberTrenin_web_RUS.pdf
7. Федеральный закон от 15.07.1995 N 101-ФЗ (ред. от 12.03.2014). Статья 12, п.2. URL: http://www.smolinvest.com/upload/doc/fz_101-fz_15.07.1995.pdf

Поступила в редакцию 20.03.2016

Автор:

Стрельцов Дмитрий Викторович, доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой востоковедения Московского государственного института международных отношений (университет) МИД РФ, ведущий научный сотрудник Института востоковедения РАН. E-mail: dmstrl@gmail.com

Russian Foreign Policy Towards Japan: Domestic Factors

D.V. Streltsov

The article analyses the domestic factors of Russian foreign policy towards Japan. The decision-making in this sphere is viewed in terms of the role played by various actors, and the points of view existing in today's Russia over the development of relations with Japan.

Keywords: Japan, foreign policy, President, the Ministry of Foreign Affairs, pressure groups, parliamentary exchanges, stereotypes, the political establishment.

Author:

Streltsov Dmitry V., Doctor of Sciences (History), Professor, Head of the Department of Oriental Studies, Moscow State Institute of International Relations (University), Ministry of Foreign Affairs of Russian Federation, Leading Researcher at the Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences. E-mail: dmstrl@gmail.com

Топоним в политической культуре средневековой Японии

Е.К. Симонова-Гудзенко

В статье рассматривается роль и место топонимов в политической культуре средневековой Японии. Топоним можно рассматривать как гиперссылку, «кликнув» на которую раскрываешь нескончаемую цепочку общекультурных, исторических, литературных образов, событий и явлений. Исследование топонимики требует междисциплинарного подхода. Островной характер территории Японии, особенности рельефа, распространение и устойчивость анимистических верований способствовали тому, что точная локализация события или явления приобретала особое значение. Развернутый адрес события или явления чаще всего состоит из топонимов провинции, уезда, деревни или какого-то конкретного места, что почти всегда позволяет обнаружить указанный объект на географической карте. Более того, однажды введенные в контекст культуры географические объекты становятся местами поклонения, источниками вдохновения для многих поколений и чрезвычайно редко подвергаются изменениям. Топонимы являются составной частью имен божеств, имен императоров и членов их семьи. Топонимика была важна и при определении и фиксации границ государства. Вероятно, впервые в японской письменной традиции географическое пространство всего архипелага, кроме удаленной северо-восточной части, было представлено в первой поэтической антологии «Манъёсю» (вторая половина VIII века). В статье подробно анализируется история происхождения и бытования топонимов, составляющих культурно-исторический образ страны, ее название (Ямато – Нихон), название самой высокой горы архипелага (Фудзи). Кроме того, в качестве примера рассматривается топоним заставы (Сиракава), объекта сегодня малоизвестного, но являвшегося важным элементом политико-административного устройства средневекового государства.

Топоним как один из видов имен собственных консервативен по своей природе, что позволяет ему являться хранителем исторической информации, быть показателем времени в письменной культуре, то есть, используя термин М.М.Бахтина, формировать хронотоп культуры. Географическая определенность характерная для островной ментальности и корреляция с ней императорского мифа, являвшиеся одними из основ японской политической культуры вплоть до XX века, определили повышенное внимание к топонимике в культурной традиции.

Ключевые слова: топоним, Ямато, Фудзи, ками, острова.

Большинство культур имеет свой список основополагающих топонимов. Как правило, он включает названия страны, столиц и значимых географических объектов – гор, рек, озер и др. Представляется, что для русской культуры минимально определяющими являются: Русь – Россия – СССР; Москва – Санкт-Петербург; Волга, Байкал; Сибирь. Говоря современным языком, топоним можно рассматривать как гиперссылку, кликнув на которую раскрываешь нескончаемую цепочку общекультурных, исторических, литературных образов, событий и явлений.

Японская культура не составляет исключения, хотя и отличается рядом особенностей. Островной характер территории, на которой она складывалась и развивалась, видимо, проявился в тщательной «проработке пространства», когда в условиях ограниченности суши точная локализация события или явления приобретала особое значение. Рельеф, протяженность с северо-востока на юго-запад, сравнительно небольшая ширина, горные массивы, прибрежные долины дополнительно усиливали эту особенность. Хозяйственная деятельность (поливное рисосеяние, рыболовство в прибрежных водах), предопределившая «высокую степень оседлости», еще больше проявляла ее [1, с. 291]. Рассказывая миф, сказку, стихотворение или реальную историю, японец всегда точно укажет место действия. Развернутый адрес события или явления чаще всего включает топонимы провинции, уезда, деревни или какого-то конкретного места. Этому способствовали и распространенные повсеместно на архипелаге анимистические верования. Указанный объект почти всегда можно обнаружить на географической карте. Более того, однажды введенные в контекст культуры географические объекты становятся местами поклонения, источниками вдохновения для многих поколений.

До создания общегосударственного мифологического пантеона (в некоторой степени и после) каждая географически обособленная местность имела своих собственных божеств – *ками* – природных явлений и объектов, хозяйственной деятельности, «отвечающих» за земледелие, рыболовство, общее «природное спокойствие», столь необходимое в условиях тайфунов, землетрясений и иных частых природных катаклизмов.

Имена большинства японских божеств *ками* – сложносоставные и включающие топоним места, где пребывало божество, и на которое распространялась его сила. Императорский миф, рассказ о божественном происхождении и праве рода на верховную власть стал стержневой идеей японской государственности на долгие века. Происхождение рода государей от верховного божества мифологического пантеона гарантировало право на верховную власть. Мифологический пантеон должен был включать наиболее влиятельных божеств, разместив их согласно строгой иерархии, что и нашло отражение в ранних письменных памятниках «Кодзики» (712) и «Нихон сёки» (720). Список включал чуть более 250 *ками*.

Списки теонимов, включавшие географические названия, в «Кодзики» и «Нихон сёки» различаются структурно. Если в «Кодзики» преобладают «собственные» имена богов, в которых составным элементом является топоним [*Хаямика-но такэсахая-дзинуми-но ками*; *Амэ-но хибараосинадоми-но ками* и др.], то в «Нихон сёки» – «описательные имена» [*Дурной*

бог пролива *Киби-но ана*¹, Бог острова *Авадзи*² и др.]. Вероятно, это объясняется как разными задачами, так и разной структурой памятников. В «Кодзики», сакральном, магическом тексте, важно было передать посвященным все возможные магические формулы, и имена богов являлись едва ли не главными из них. В «Нихон сёки», государственной хронике, раскрывалась история государства наиболее широко в квазиисторическом и историческом времени и пространстве. Многовариантность одного сюжета (от 1 до 11), характерная для «Нихон сёки», демонстрирует наличие множества родовых хроник, которыми располагали составители. Родовые варианты, как правило, включали местных божеств, оказавшихся в общегосударственных мифологических сюжетах на второстепенных ролях. Топонимы в их именах расширяли пространство государства и показывали его освоенность.

Совпадают в «Кодзики» и «Нихон сёки» теонимы тех божеств, которые играют важную роль в сюжете «императорского мифа». Это, во-первых, божества моря, рожденные во время омовения-очищения бога Идзанаги после возвращения из страны мрака, Суминоэ-но ооумуками. *Суминоэ* – название местности в провинции Сэтцу, на побережье Внутреннего японского моря. Затем, имена божеств, рожденных во время спора Аматаэрасу и Сусаново. Сюжет о браке-споре двух главных божеств мифологического цикла специалисты рассматривают как объединение двух разных культурных комплексов Идзумо и Исэ, причем Идзумо превалирует, вероятно, являясь более сильным, а возможно, и более древним. Имена героев мифа о нисхождении Сусаново на землю после изгнания из Небесной страны в область Идзумо (западное побережье острова Хонсю, совр. преф. Симанэ) включают топонимы земли Идзумо: *Суса* в имени Сусаново, *Кумано* – Кумано-кусуби, *Инада* – Камуинада-химэ, *Суга* – Суга-но-яцу-мими. Теоним посредника небесных и земных божеств Сарута-хико имеет компонент *Сарута* – топоним земли Исэ. Он встретил внука богини Аматаэрасу, прародителя рода японских государей, при его нисхождении на землю.

В «Когосюи» (807), записях жреческого рода Имубэ, топонимы также встречаются в теонимах участников императорского мифа (*Сусаново-но ками*, *Сарутахико-о:ками*, *Суминоэ-но омуками*, *Ватацуми-но ками*).

Корреляция легендарной генеалогии правящего рода и топонимов конкретных географических объектов, с которыми был связан тот или иной *ками*, позволяла выстроить пространство государства, наметить его границы. Топонимы, компоненты имен божеств, составляющих список мифологического пантеона, по существу, покрывают территорию центральной и западной Японии.

Богиня-творец Идзанами из страны мрака, куда она попала после рождения бога огня, отправилась в *Кумано* в стране *Ки* [2, с. 123]. Бог-творец Идзанаги, совершив обряд очищения после возвращения из страны мрака, породив множество богов стихий, ландшафта и главных действующих лиц последующего цикла мифов – богов солнца, луны, ветра,

¹ В тексте источника: «Киби-ни итаритэ ана-но уми-о ватару. Соно токорони арабуру ками ари». (Достигли Киби, пересекли море Ана. Там было дурное божество.) Нихон сёки. Нихон котэн бункаку тайкэй : [Собрание японской классической литературы]. Токио: Иванами сётэн, 1965. Т. 67. С. 300.

² В тексте источника: Сима-но ками (Божество острова). Перед этим рассказ о том, как государь охотился на острове Авадзи. – Нихон сёки. Т.67. С. 446.

скрывается в *Авадзи* [2, с. 130], а затем отправляется в Тага в стране *Оми* [3, с. 52]. Спор Аматаэрасу и Сусаново за главенство завершается размещением трех богинь, рожденных из меча, в местность *Мунаката* на *Цукуси* [3, с. 54; 2, с. 132] и изгнанием самого бога из Небесной страны на землю в *Идзумо* [2, с. 140]. После решения верховной богини навести порядок на земле действие фактически целиком переносится на территорию Японских островов, причем продвижение богов и легендарных императоров осуществляется с юго-запада в центральную часть, и затем на северо-восток. Важнейший для правящего рода священный центр Исэ вводится на этапе подготовки нисхождения Небесного внука на землю. О значении данной местности свидетельствует мифический брак небесной богини Амэ-но удзумэ, спутницы Ниниги, и земного бога Сарута-хико, божества сильного местного солнечного культа [2, с. 154; 3, с. 85, 87–88]. Крупный японский исследователь мифологии Мацумаэ Такэси полагает, что до того, как Аматаэрасу стали почитать как богиню-предка рода государей в Исэ, там располагалось святилище божеств Солнца. Сарута-хико был одним из них [4, с. 4–5]. Топоним Ямато, центра японской государственности, появляется сравнительно поздно, с упоминанием первого легендарного государя Дзимму. Освоение пространства прослеживается по местам размещения дворцов, например, *Касивара* (в Асука) – с императором Дзимму, *Муро* – с Коан; либо как места происхождения жен легендарных государей Суйдзэй, Аннэй, Косэй – с *Касуга*, *Камо*, *Ямато*.

Представляется, что японские посмертные имена государей заслуживают пристального внимания. Рассмотрим Риккокуси³ (Шесть национальных историй), включающие хроники 58 имен государей – от легендарного Дзимму (660–558 г. до н. э. по традиционной хронологии) до исторического Коко (884–887). Авторы, характер повествования, объем шести сочинений разные. Первая история начинается мифологической частью, затем переходит к хроникам легендарных, полулегендарных и исторических государей. Последующие пять – хроники правления одного или нескольких государей, например, в «Сёку нихонги» девяти, а в «Нихон Монтоку тэнно дзицуроку» одного. По мере синхронизации событий и времени их фиксации повествования становятся более подробными, наполненными деталями разных сторон государственной, ритуальной, хозяйственной, внутри- и внешнеполитической жизни. Характер повествования от мифологического рассказа в первой части «Нихон сёки», сближаясь с китайским прототипом историописания, постепенно приобретает хроникальную четкость, некоторую сухость. Ту же тенденцию иллюстрируют посмертные имена государей. С имени 46-й, по официальной императорской генеалогии, государыни Кокэн (749–758) развернутые посмертные японские имена трансформируются и к 50-му императору Камму (781–806) исчезают, оставляя лишь китаизированные [5].

Рассмотрим имена 50 легендарных, полулегендарных и исторических государей, зафиксированные в первых национальных историях «Нихон сёки» и «Сёку нихонги». Список

³ Нихон сёки (720) состоит из двух частей: мифологической и хроник императоров, начиная с легендарного Дзимму и до государыни Дзито (690–697). Сёкунихонги (797) – хроники 9 государей с Момму (697–707) до 789 г. правления Камму (781–806). Нихон коки (840) – хроники 4 государей, с 790 г. правления Камму до Дзюнна (823–833). Сёкунихон коки (866) – хроника государя Ниммё (833–850). Нихон Монтоку тэнно дзицуроку (879) – хроника государя Монтоку (850–858). Нихон Нихон сандай дзицуроку (901) – хроники государей Сэйва (858–876), Ёдзэй (876–884), Коко (884–887). Сандай дзицуроку (901) – хроники государей Сэйва (858–876), Ёдзэй (876–884), Коко (884–887).

посмертных японских имен государей с точки зрения входящих в них топонимов можно условно разделить на четыре группы:

I. Топоним Ямато составным компонентом входит в имена первых 9 легендарных государей, от Дзимму⁴ до Кайка, исключая лишь имя 5-го государя Косэй; а также в состав имен исторических государя Сэйнэй (480–484) и государынь Гэммэй (707–715) и Гэнсё (715–724).

II. Топонимы составными компонентами не входят в имена 10 полулегендарных государей, от Судзин (97–30) до Хандзэй (406–410), но в них использованы названия растений или животных.

III. Топонимы земли Ямато, поддающиеся сравнительно точной локализации, входят составными компонентами в имена 15 государей, от Ингё (412–453) до Дзёмэй (629–641). Это топонимы *Асадзума*, *Анахо*, *Хацусэ*, *Магари*, *Татибана*, *Хинокума*, а также топоним земли Оми *Окинага*. В этой же группе три имени выделяются элементом *хиро-куни* – «широкая страна», а в имя 22-го государя Сэйнэй, как уже отмечалось, входит топоним Ямато.

IV. Особую группу составляют имена с компонентами *амэ* – небо и *куни* – земля. В именах государей Киммэй (539–571) и Сёму (724–749) использованы оба элемента. Первый будто знаменует начало некоего нового этапа в императорской генеалогии и истории государства, а второй завершает традицию включения в хроники сложносоставных посмертных имен японских государей. Имена 6 государей, с Когёку (642–645) до Тэмму (673–686), а также Момму (697–707) и Сёму (724–747) начинаются компонентом *амэ* – «небо». Этот компонент входит и в состав имени государыни Гэммэй, но не является первым. В именах Когёку (642–645), Котоку (645–654) и Саймэй (655–661) *амэ* коррелируется с *хи* – «солнце».

Компонент Ямато, название государства, входит в имена первых 9 легендарных и полулегендарных государей – основателей японского государства, в имена государей с 35 по 40-й – понятие «небо», в имена 43 и 44-го – Ямато, а в имя 29 и 45-го – «небо» и «земля». Важно отметить обычай табуирования имен, а также то, что китаизированные посмертные имена демонстрируют «смены» династий [5]. Кроме того, ряд законов (647, 701 г.) запрещал давать имена, повторяющие имена богов и государей, а в 774 г. запрещение пролонгируется на 30 поколений. Изменение компонентов в именах государей демонстрирует не только процессы увеличения границ и освоения территории государства, но и расширение представлений о его роли и месте, превалировании китайской культурной традиции в управлении государством.

Имена государынь включают топонимы преимущественно земли *Ямато*, в то время как имена других жен и детей государей, видимо, не подвергались столь жесткой регламентации. Топонимы, входящие в состав их имен, более разнообразны, включают земли на побережье Внутреннего моря – *Киби*, а также *Идзумо*, *Тадзима*, *Ига*, остров *Авадзи*, полуостров *Киш*.

Освоение китайской культурной традиции просматривается и в изменении принципа записи топонимов. Перевод топонимов из устного бытования в письменное, освоение иероглифической письменности потребовали определенных распоряжений государства. В

⁴ В данной статье государи именуются по посмертным китаизированным именам, как это принято в японской национальной историографии. В скобках указаны годы правления по традиционной хронологии.

указе государыни Гэммэй (707–715) от 713 г. о составлении исторических и географических описаний земель *фудоки* подчеркивается необходимость записи географических названий «хорошими» иероглифами. Он гласит: «6-ой год Вадо, 5-ая луна, 2-ой день. Приказано записать, выбрав **хорошие знаки**, все уезды и села во всех провинциях в Кинай и семи округах. А также приказано сделать тщательные записи относительно имеющих в этих уездах серебра, меди, красителей, трав, деревьев, птиц, зверей, рыб и насекомых, а также записать сведения о качестве земель, происхождении названий гор, рек, долин и полей, положить на бумагу рассказываемые стариками древние предания и чудесные истории. Эти сведения подать наверх» [6]. Таким образом, уже в 713 г. государство было обеспокоено тем, что при записи топонимов должны быть использованы благожелательные иероглифы.

Топонимика была важна и при фиксации границ и пространства государства. Вероятно, впервые в японской письменной традиции географическое пространство всего архипелага, кроме удаленной северо-восточной части, было представлено в первой поэтической антологии «Манъёсю» (вторая половина VIII века). Она, так же как и первые исторические хроники (риккокуси), является важнейшим письменным источником по древней и раннесредневековой истории и культуре японского народа. География в песнях антологии охватывает почти всю территорию архипелага: от севера острова Кюсю до северо-востока острова Хонсю. Ее составители включили произведения как известных, так и анонимных авторов из дальних уголков страны, видимо, стремясь максимально широко охватить территорию архипелага, представив его пространством единого культурного государства. В собрании превалируют песни центрального района Кинай, как, например, в свитке XI – песни Ямато. Однако свиток III включает оду, воспевающую гору Фудзи в восточной провинции Суруга; свитки IV и V – песни–послания из Цукуси на острове Кюсю; свиток VII – песни провинции Сэтцу и местности Ёсино; а свиток XIV полностью посвящен песням восточных провинций; свитки XV–XVI включают песни северо–западных провинций Этидзэн, Эттю и Ното. Конец VIII века – время, когда Япония, сохраняла собственную независимость от Танской империи, что, вероятно, требовало демонстрации распространения «культурности» на максимально большом пространстве архипелага, а умение слагать стихи было одним из ее аспектов⁵.

Если в поэтической антологии границы государства широки, но освоенность пространства фрагментарна, то к X веку знания о государственной территории углубляются. Вербальная географическая карта японского архипелага с указанием управителей областей, являвшихся их фактическими владельцами и жрецами местных *ками*, представлена в тексте «Куни-но мяццуко хонги», 10-м свитке «Сэндай кудзи хонги»⁶ [7, с. 207–218].

Выработка концепции государственного пространства была одним из характерных признаков особого периода развития, который переживала японская культура в IX – первой половине X века. Завершение этапа освоения материковой культурной информации

⁵ О понятии «культурность» см.: Грачев М.В. Государь и подданные в древней и раннесредневековой Японии // Правитель и подданные: социокультурная норма и ограничения единоличной власти. М., 2009. С. 174, 184.

⁶ Определение внешних границ государства, бесспорно, тоже было существенно, но, вероятно, отступало на второй план и в связи со спецификой географического положения Японии, и в связи с «закрытием от внешнего мира», характерным для периода составления «Куни-но мяццуко хонги».

потребовало самоидентификации. Однако всем знатным родам, а утратившим свои былые позиции – в первую очередь, было важно не только утвердить свое положение в иерархии знатности и влияния, но и обосновать свои исконные, со времен богов, права на земельные владения. Учитывая характер верований (обилие местных божеств), составление списка *куни-но мияцуко* (управителей областей) с генеалогиями позволяло «подверстать» в единый мифологический пантеон и местных божеств. Включение местных локальных божеств в генеалогическое древо общегосударственного пантеона являлось бесспорным доказательством древности и знатности происхождения провинциального рода и обеспечивало ему исконное право на владение землей. Тем более, что одной из важнейших функций *куни-но мияцуко* было почитание местных божеств.

Список *ками*, к которым возводят свое происхождение роды провинциальной знати, иллюстрирует сложный процесс создание общегосударственной иерархии знатных родов. Важно отметить, что текст составлялся уже в условиях функционирующего императорского мифа. В списке присутствуют два астральных божества, *Таками-мусуби* и *Ками-мусуби*, занимающих верхнюю ступень в общегосударственном мифологическом пантеоне. Их своими предками почитают 5 родов управителей областей юго-запада архипелага: *Таками-мусуби* – Авадзи и Ки, *Ками-мусуби* – Ава, Уса и Цусима. Большая часть провинциальных знатных родов выводят свое происхождение если и от астральных *ками*, то стоящих на низшей ступени мифологического пантеона и не имеющих прямых связей с императорской генеалогией. Это – божества, сопровождающие внука Аматаэрасу-оомиками, предка японского правящего рода, во время его нисхождения из Небесной страны на японские острова. Локальные божества, даже в случаях, когда они названы, указаны как потомки божеств общегосударственного мифологического пантеона. Логично предположить, что авторы-составители свитка «Куни-но мияцуко хонги» считали важным подчеркнуть происхождение местных знатных родов от божеств общегосударственного пантеона.

К X веку границы государства охватывают территорию больших островов Кюсю, Сикоку и Хонсю, кроме крайнего северо-востока и группы малых. Документальным свидетельством этих представлений, кроме уже названного списка божеств, являются списки уездов и провинций, включенные в «Энгисики»⁷ [8]. И хотя подобное видение пространства государства можно считать несколько идеализированным, поскольку реальная центральная власть была довольно слабой, однако стремление показать максимально возможно большую территорию представляется чрезвычайно важными. Кроме того, знание или, по крайней мере, наличие сведений о божествах и святилищах всех известных на то время 68 провинций и 590 уездов является существенным. В территориальном принципе ранжирования важную роль играют топонимы.

Известно, что на начальном этапе своей истории буддизм в Японии «принадлежал больше политике, чем религии» [9, с. 30]. Попав в Японию, он не только воспринял уже существовавшую на островах сакральную разметку пространства, размещая храмовые постройки в издревле священных местах, но использовал-сохранял топонимы в названиях

⁷ Энгисики (Установления годов Энги), 967 г. Собрание правил внутреннего распорядка для чиновников всех ведомств, включает списки штатов ведомств, провинций и уездов, собираемых налогов, протоколы придворных церемоний, годовых праздников.

храмов, например, Асука-дэра, Икаруга-дэра, Хагивара-дэра и др. Возможно, это способствовало популярности храмовых сооружений новой, привнесенной, религии. Письменная фиксация какое-то время бытовавших в устной традиции буддийских преданий (*сэцува*) требовала пространственно-временной четкости, что усиливало достоверность изложенного события. Каждое предание начинается с указания «адреса»: названия провинции–уезда–села или столицы с указанием конкретного района или дворца. Многие патриархи буддизма так и сохраняют в историко-культурной традиции связь с определенными географическими местами.

В этом же направлении будут развиваться и всеяпонские синкретические культы, формирующиеся в XII–XIV веках. «История» возникновения и развития культа коррелируется с конкретной географией, а топонимика входит в названия храмов. Данное явление ярко представлено в одном из наиболее крупных и популярных культов – божества Хатиман. Первоначально он был родовым божеством нескольких кланов провинции Будзэн (совр. преф. Оита) на острове Кюсю. В 752 г. в районе Уса появилось первое святилище, получившее название Уса-Хатимангу. Затем участие представителей родов из провинции Будзэн, занимавшихся обработкой металла в отливке статуи Большого Будды храма Тодайдзи в Нара, «сделало» незначительное родовое божество охранителем буддизма. Поскольку буддизм в Японии на раннем этапе выступает в роли охранителя молодого японского государства, то Хатиман приобретает новую дополнительную функцию. Учреждается еще один храмовый комплекс в районе столицы Хэйан, получивший название по топониму Ивасимидзу-Хатимангу (859 г.). Функции божества расширяются, можно сказать, конкретизируются, когда он становится охранителем рода Минамото. Третье крупное святилище появляется в Камакура и получает название Цуругаока-Хатимангу (1180 г.) по топониму холма, на котором расположено. Его основал первый сёгун Минамото Ёритомо (1147–1199). Подобным образом формировалась история и выстраивалась сеть основных святилищ и в других крупных культах, таких, как Тэммангу, Инари, Сэнгэн и т. д.

Попытаемся проследить бытование названия государства, топонима Ямато. В письменных источниках он появляется относительно поздно.

В китайских летописях народ, населявший японский архипелаг, назывался «во-жень». Жители японских островов стали использовать этот китайский иероглиф для обозначения собственной страны, во всяком случае, в письменной традиции. Однако прочитывали его – «Ямато», вероятно, изначально привязав к конкретной территории. Как уже отмечалось, географическая определенность – одна из характерных черт японской историко-культурной традиции. В современном словаре древних топонимов объясняется, что первоначально это название принадлежало небольшой территории в пределах дороги Яманобэ, в уезде Сики-но ками провинции Ямато (совр. преф. Нара). С усилением политической власти Ямато топонимом обозначается село (*го*), управитель области (*куни-но мияцук*о), а с оформлением государства Рицурё и страна в целом [10, с. 1478]. Таким образом, исследователи исходят из положения, что топоним Ямато издревле существовал в центральной части острова Хонсю, на территории современной префектуры Нара.

Принимая во внимание, что имя «Ямато» носила народность (яп. *миндзоку*), пришедшая на остров Хонсю с Кюсю, а возможно, еще раньше с материка, земля в

центральной Японии могла получить название по этнониму. Вероятно, до некоторой степени подтверждает это и отсутствие топонима в именах божеств мифологического пантеона, и первое его упоминание в посмертном японском имени легендарного государя Дзимму, с которым связан «Восточный поход» с северного Кюсю в центр Хонсю. «Поход» современная историография толкует как миграцию больших групп населения.

В списке провинций и уездов «Энгисики», в провинции Тикиго (совр. преф. Фукуока) есть уезд Ямато [8, Т. 2. С. 566], запись которого буквально значит «врата (промежуток) в горах». Авторы словаря этимологий древних японских топонимов, ссылаясь на «Вамёсё» (Энциклопедию японских имен, X век), отмечают, что топоним встречался в провинциях Тикиго и Хиго (совр. преф. Кумамото) в названиях уездов и сел. Сегодня он еще сохранился в имени уезда префектуры Фукуока [11, с. 321]. Известно, что перемещаясь, особенно когда речь идет о значительных миграциях, народ несет с собой и привычные, любимые топонимы. Однако нельзя не учитывать омонимичность японского языка, вероятность, что одинаково звучащие топонимы могли возникнуть в разных частях архипелага, а записали их по-разному, возможно, по тому значению, которое они имели или получили ко времени фиксации. Однако, учитывая повышенное внимание жителей островов к географической определенности и топонимике, расположение земли с названием Ямато в северной части острова Кюсю, откуда, как полагают исследователи, и мог начинаться «Восточный поход Дзимму», наводит на размышления.

В письменной традиции с 702 г. появляется новое самоназвание страны *Нихон* (Присолнечная), связанное, по мнению исследователей, с тем, что одно из значений китайского иероглифа «倭», обозначавшего Японию, имело уничижительное значение «карлик» [12]. Сложно сказать, функционировало ли новое название страны в устной и письменной традиции или, возможно, было выработано для узкого применения лишь во внешнеполитических документах. В указах государей *сэмми* (VII–VIII века) страна именуется *Оо-ясима-куни*, в то время как «ушедший государь или государыня», кому воспоследует изрекающий указы, носит имя *ямато-нэко-но сумэрамикото*, «сын или дочь Ямато».

В статье «Энциклопедии национальной истории», посвященной понятию *Нихон*, говорится, что представление о компактной территории государства сложилось около VII века и получило название *Оо-ясима-куни*. Это образное название отражало представление о множестве островов, составляющих пространство государства, но одновременно и указывало на весьма конкретные острова Хонсю, Сикоку, Кюсю, Авадзи, Оки, Цусима, Ики, Садо. На острове Хонсю границы государства не включали его северо-восточной части, провинций Муцу и Дэва. Освоение этих земель происходило в периоды Нара (710–794) – Камакура (1185–1333), лишь к XVI веку японцы продвинулись к южной части острова Хоккайдо [13, С.104]. Список островов, рожденных божествами Идзанаги-Идзанами, получивший имя *Оо-ясима-куни* – «страна восьми великих островов», встречается в мифологических частях первых письменных памятников «Кодзики» и «Нихон сёки» [7, с. 179–185]. Это образное название страны используют в своих географических и политических сочинениях в последующее время такие мыслители как Нисикава Дзёкэн (1648–1724), Хирата Ацутанэ (1776–1843), Сига Сигэтака (1863–1927) и Вацудзи Тэцуро (1889–1960).

Китабатакэ Тикафуса (1293–1354), автор известного средневекового исторического сочинения «Дзинносётоки» (1343 г.), поясняет все существующие в его время названия страны. Начинается оно словами: «Великая Присолнечная (*нихон*) – страна богов», рядом с иероглифами *нихон* приписано фонетическое прочтение Ямато⁸. Подобные подписи встречаются в других сочинениях и на географических картах. Таким образом, несмотря на многие описательные, метафорические названия страны, топоним Ямато, видимо, остается устойчивым вплоть до позднего Средневековья.

История бытования топонима Фудзи представляет интерес в том смысле, что после Реставрации Мэйдзи в 1868 г. гора становится своего рода символом государства. Об этом подробно и интересно написал А.Н.Мещеряков [14]. Не буду повторять, только хочу обратить внимание на два момента.

Первое, самое раннее, упоминание топонима Фудзи в государственной хронике «Нихон сёки» связано с горой, расположенной на острове Кюсю. Привычной, традиционной является соотнесенность топонима с горой на северо-востоке архипелага в провинции Суруга (совр. преф. Сидзуока). В хронике легендарного/полулегендарного государя Кэйко (71–130) говорится: «В день Хиното-но тори государь достиг угодий Ямэ-но агата, перешел гору **Фудзи-яма**, обозрел Ава-но саки в южной стороне и рек: «Здесь громоздится множество горных пиков, и вид этот прекрасен. А обитает ли на этой горе божество?» Тогда Сару-ооми, распорядитель угодий Минума-но агата, сказал: «Здесь есть богиня. Имя ее — Ямэцу-химэ. Она обычно пребывает на этой горе». Отсюда и произошло название этой страны — Ямэ-но куни» [2, с. 243]. В комментарии к академическому изданию «Собрание японской классической литературы» сказано, что вероятно, гора расположена в префектуре Фукуока, около города Курумэ к северу от уезда Ямэ по дороге к уезду Мии (бывшая провинция Тикуго) [15, с. 296–297]. Любопытно, что в этой же провинции был и уезд Ямато, о котором говорилось выше. Существование на севере Кюсю топонимов, омонимичных главным топонимам японской государственности, дает пищу для размышлений и дальнейших изысканий.

Первое и единственное упоминание горы Фудзи в провинции Суруга встречаем в государственной хронике «Сёку нихонги» под 781 годом, первым годом правления государя Камму (781–806). Оно гласит: «Из провинции Суруга докладывают: “У подножья горы Фудзи выпал пепел, листья на деревьях, высохли”»⁹.

Однако в поэтической антологии, почти синхронной хронике «Нихон сёки» по времени составления, горе Фудзи посвящено 11 песен. Их можно разделить на две примерно равные группы: восхваляющие красоту горы (прославленных поэтов) и отмечающие ее грозный, опасный характер (как правило, неизвестных авторов)¹⁰ [16].

А.Н. Мещеряков убедительно показывает принадлежность горы Фудзи к японским даосским пространственным представлениям [14, с. 18–27], что до какой-то степени объясняет восхваляющие гимны авторов – величайших поэтов «Манъёсю», двух

⁸ Необходимы дополнительные изыскания для определения, принадлежит ли *фуригана* (фонетическое прочтение) автору сочинения или была добавлена позднее.

⁹ Сёку нихонги. [781 г.] Тэнъо. 1-7-6.

¹⁰ Манъёсю. п.317–321, 2695, 2697, 3355–58.

образованных людей, Ямабэ Акихито (?–736) и Такахаси Мусимаро (?–730)¹¹. Однако это не помешало последнему из них при составлении Хитати-фудоки включить бытующую в тех краях легенду, показывающую отрицательный образ горы Фудзи.

В «Энгисики» в уезде Фудзи отмечены три святилища – одно большое и два малых. Большое называется Сэнгэн Асама дзиндзя, а к малым относится Фудзи-дзиндзя [8, с. 229]. Исследователи предполагают, что в древности гора могла называться Асама-яма. «Асама» – топоним, часто употреблявшийся для обозначения вулканов [11, с. 12]. Считается, что сеть святилищ *сэнгэн*¹² *дзиндзя*, в которых поклоняются божеству горы Фудзи, объединяет сегодня более 1300. В святилище, которое по преданию основано в 806 г. Саканоуэ Тамуромаро¹³, почитается божество Асама. На вершине горы и сегодня есть внутреннее святилище, где пребывает дух горы [17, с. 200–201]. Таким образом, вероятно, попытка соединения двух божеств – божества вулканических гор и местного горного kami – оказалась не очень успешной, и божество горы Фудзи сохранило, пусть несколько усеченную, но все-таки самостоятельность, выразившуюся в сохранении собственного святилища.

В записях о горе Фудзи есть упоминания о том, что в эпоху Хэйан совершали восхождения на гору. Там же говорится, что над кратером вулкана можно увидеть танцующих прекрасных дев в белых одеяниях [18]. В многочисленных письменных источниках того времени уже складывается устойчивый литературно-географический образ этой горы [19, с. 47; 20, с. 82–83]. В эпоху Муромати (1392–1467) фрагментарные восхождения на гору приобретают форму паломничества, о чем свидетельствуют созданные тогда многочисленные буддийские мандалы.

Священной горой государства она становится лишь в эпоху Токугава (1603–1867), когда столица, фактический центр, была перенесена из Киото в Эдо. Перенесение центра священной географии из западной Японии в восточную, привело к необходимости «поиска священной горы, еще одного центра управления». Важно было создать, «сконструировать» государственное священное пространство в новом месте, кроме того, в этом можно увидеть и стремление сёгуна усилить сакральный аспект собственной власти, уравнивать или хотя бы приблизиться к высокой императорской. С этого времени процесс сакрализации горы приобретает выраженную идеологическую окраску. Реставрация святилища, проведенная в 1604 г по инициативе и на средства сёгуна Токугава Иэясу (1542–1616), запрет подниматься на гору, вероятно, были связаны с высоким сакральным статусом горы.

Второе, на что хотелось обратить внимание: в народной культуре с древности и до XIX века горы Фудзи и Цукуба существовали, скажем, в оппозиции. Гора Цукуба в провинции Хитати (совр. преф. Ибараки) издревле почиталась священной. Началом традиции, видимо, являлась известная легенда о двух горах, приведенная в Хитати-фудоки. «Старики рассказывают: в древности бог прародитель объезжал горы обиталища богов. Когда он достиг горы Фудзи в провинции Суруга, наступил вечер, и он стал просить ночлега. Тогда бог горы Фудзи ответил: «[Сейчас] у нас праздник нового урожая, и мы не хотим, чтобы был

¹¹ С 713 по 725 г. Такахаси Мусимаро работал в управлении провинции Хитати.

¹² *сэнгэн* – китайское прочтение иероглифов, которыми записывается *асама*.

¹³ Саканоуэ Тамурамаро (758–811). Военачальник, известен победами над эмиси, первым получил титул *сэйи тайсёгун*. Его полагают основателем храма Киёмидзу-дэра.

кто-либо посторонний. Сегодня мы не можем приютить вас». Бог прародитель заплакал от досады и начал браниться и проклинать: «Я – твой отец. Почему ты не хочешь дать мне ночлега? Пусть же гора, где ты живешь, будет безлюдной, пусть зимой и летом идет снег, садится иней и всегда будет холодно, пусть сюда не поднимаются люди, и никто не приносит тебе пищи». Затем, он поднялся на гору Цукуба и опять попросил ночлега. Бог горы Цукуба на это ответил: «Хотя сегодня мы и вкушаем новое зерно, но мы не можем не уважить вашей просьбы». Он принес кушанья и почтительно подал их богу. Бог прародитель возрадовался и запел: «Мои милые дети! Пусть ваш храм будет прекрасным, и я желаю, чтобы так было вечно, как небо и земля, как солнце и луна, чтобы люди, собравшись, веселились, чтобы еды, и питья было много, чтобы веселье не прекращалось века и чтобы день ото дня все процветало. Пусть всегда у вас будет радость». Поэтому на горе Фудзи всегда идет снег и подняться на нее невозможно, а на горе Цукуба собирается много людей. Они поют и пляшут, едят и пьют, и это не прекращается и до сих пор» [21, с. 34–35].

В «Маньёсю» топоним горы Цукуба упоминается 23 раза¹⁴, а Фудзи – 11. Если образ Фудзи в антологии неоднозначен, то Цукуба всегда представлялась только с положительной стороны. На этой горе проходили весенние и осенние брачные игры *кагаи*, цвели лилии и татибана, шумели ручьи и родники, у подножья жали созревший рис, пряли шелк из «тута весеннего» и т.д. Благорасположенный к человеку образ горы воспевали как знаменитые поэты, среди них – прославивший гору-соперницу Такахаси Мусимаро, так и неизвестные. Подчеркивалась ее несравненная красота, наличие двух вершин, а также описывались частые восхождения. Среди песен, посвященных восхождениям на гору, выделяется сочинение Тадзихи-но Махито Кунихито, имевшее выраженный политико-магический характер: он совершил обряд *куними* – «смотрение страны» с высокого места. «Этот обряд предстает в контекстах как разновидность воздействия на объект с целью его стабилизации и умирения или же наделения силой», совершали этот обряд как основатель правящей династии Ниниги-но микото, внук богов Аматаэрасу и Такамимусуби, так и императоры, поднявшись на гору или любое возвышение [22, с. 27]. Однако на гору Цукуба поднялся не государь, а Тадзихи-но Махито Кунихито¹⁵, который своим действием продемонстрировал, что восточная часть острова либо включалась в пространство государства VIII века, либо рассматривалась ее владетелями как самостоятельная территория.

¹⁴ Маньёсю. Пп. 382, 383, 1497, 1712, 1743–54, 1757–59, 3350–51, 3389–96, 4367, 4371.

¹⁵ Маньёсю. П. 382. Род Тадзихи-но Махито, один из старейших аристократических родов столичной области Кинай, считался ответвлением правящего рода и происходил от принца Камицу Уэха, наследника государя Сэнка (535–539). Представители рода не только занимали высшие государственные должности (дайнагон, санги), но и вместе с 4 другими родами стремились не допустить или, по меньшей мере, замедлить возвышение рода Фудзивара. Это хорошо иллюстрирует и судьба Кунихито. Известно, что он был сыном Тадзихи-но Махито Хиронари, советника (санги) государя, и до 757 г. успешно продвигался по служебной лестнице: в 736 г. он имел 5-й ранг низшей ступени и занимал должность главного помощника в Мимбусё, а в 757 г. получил 4-й ранг низшей ступени. В том же году он был сослан в *Идзу* за участие в мятеже Татибана Нарамаро (?–757). Возможно, именно тогда, во время пребывания в *Идзу*, он попал в соседнюю провинцию *Хитати* и поднялся на гору Цукуба. Учитывая, что составителями «Маньёсю» были представители рода Отомо, включение в антологию песен Тадзихи-но Махито – рода-союзника в противостоянии Фудзивара, да еще воспевающих совершение им *куними*, было призвано продемонстрировать не только политическую силу оппозиции, но и, что было не менее важно, ее «права» на Восточный край.

В XVIII веке, да и в первой половине XIX, обе горы, Фудзи и Цукуба, еще сохраняли высокий сакральный статус, что в некоторой степени иллюстрирует изображение двух гор на гравюрах Хиросигэ (1797–1858). Количественный подсчет показывает постепенное увеличение значения горы Фудзи сравнительно с Цукуба, 20 – 13 в цикле «100 видов Эдо»¹⁶. Лишь со второй половины XIX в., с эпохи Мэйдзи, гора Фудзи становится символом «нового» японского государства, тем более что и носитель высшей сакральной власти, император, перемещается в Восточную Японию, в Эдо. Высокой сакральности горы способствовал и ее эстетический образ.

Эстетический аспект, который содержал топонимический ряд в японской культуре, ярко иллюстрирует наименование заставы Сиракава. Этот географический объект отнюдь не входит в список основополагающих топонимов, но, являясь элементом политико-административного устройства, представляет интерес для анализа. В раннее Средневековье в японском государстве существовало два типа застав, расположенные в горах, на перевалах и в стратегически важных местах на дорогах [23, с. 715]. При фиксации они различались номенклатурными словами, добавляемыми к топониму. В рассматриваемом случае речь идет о заставе на дороге. Существуют несколько версий о времени первого упоминания топонима в письменных источниках. Авторы «Энциклопедии национальной истории» отмечают, что, вероятно, речь идет об одной из застав, установленных в V веке на востоке страны, на границе с враждебным миром эмиси. Датировку они подтверждают упоминанием топонима в «Куни-но мияцукко хонги» [13, с. 730–731]. В словаре древних топонимов говорится, что застава впервые упоминается в «Руйдзю сандайкяку» (XI век) в числе трех на восточной границе государства¹⁷. В период Хэйан (794–1192) топоним встречается в разных районах и не только в названии заставы, но и уезда в провинции Муцу (совр. преф. Фукусима), больших сел в провинциях Муцу (совр. преф. Мияги) и Хитати (совр. преф. Ибараки), земельных владений (сё) в провинциях Этиго (совр. преф. Ниигата), Хида (совр. преф. Гифу), Кии (совр. преф. Вакаяма) [10, с. 796–797].

Застава Сиракава располагалась на северо-востоке Хонсю в провинции Хитати (совр. преф. Фукусима). В «Словаре этимологий древних японских топонимов» указывается: «*Сира* – это измененное *сиру* – «сок, суп», поэтому означает «болото, топь». Видимо, топоним означает «долину реки, затопляемую во время половодья» [11, с. 166]. Вероятно, в средневековье застава была пограничным пунктом между «культурной» центральной областью и «некультурными землями», заселенными эмиси¹⁸.

Хотя и не упомянутая в первой поэтической антологии «Манъёсю», застава Сиракава в течение семи столетий была в центре внимания поэтов, включая таких величайших мастеров, как Сайгё (1118–1190) и Басё (1644–1694). В данной статье для нас не столь важно литературоведческое исследование темы «застава Сиракава» в японской поэзии, сколь причины, по которым этот географический объект занял место в историко-культурной памяти.

Одно из первых упоминаний заставы в стихотворении Ноин-хоси (988–?) сопрягалось с печалью, грустью, вызванной удаленностью от столицы, от ее культуры: «...Когда покидал я

¹⁶ Впервые на данное обстоятельство обратила внимание автора С. Крикалова.

¹⁷ Руйдзю сандайкяку (Установления трех эпох). [835] Сёва 2-12.3. Три заставы: Сиракава, Кита и Нэдзу.

¹⁸ Эмиси – народ, населявший в древности японские острова.

столицу, //...Но ветер осени свищет теперь // Над заставою Сиракава»¹⁹. В той же тональности писал Сайгё: «...и в тоске сожалений [о покинутой столице] начертал я на столбе сторожевых ворот: “На заставе Сиракава // Лучи сочатся сквозь кровлю. // О, этот лунный свет! // Словно сердце моё // Он неволит: останься!”»²⁰. Через пять столетий Басё пишет о заставе Сиракава совсем по-иному, для него уже не так близки ощущения «культурного отрыва», просто он восхищенно слушает шум ветра, акцентируя внимание на эстетическом аспекте: «Ветер на старой заставе Сиракава // Западный ветер? Восточный? // Нет, раньше послушаю, как шумит // Ветер над рисовым полем»²¹.

Своего рода подтверждением включения «заставы Сиракава» в эстетический ряд национальной культуры является замечание Басё в путевом дневнике «По тропинкам Севера»: «Так в сердечном волнении множились дни, но вот я прошёл заставу Сиракава, и улеглось моё сердце странника. И понятно было, что мне захотелось как-нибудь дать знать в столицу. Среди множества прочих эта заставка, одна из трех, влечет к себе сердца людей с тонким вкусом. Осенний ветер еще звучал в ушах, алые клёны вспоминались взору, но и в зеленеющих ветках есть также своя прелесть. От белизны ковыля, от цветенья шиповника так и казалось, будто проходишь по снегу. О том, как в старину оправляли шляпу и сменяли одежду, нам ведь записано кистью поэта Киёскэ» [24, с. 322]. В тексте автор связывает свои размышления с прямым цитированием стихотворений поэтов, воспевавших заставу в разные времена года, показывает историю национальной поэзии, процесс выявления разных значений топонима (сакрально-магического и эстетического), и, конечно, подтверждает любимые японской поэзией с древности темы календарного цикла. Это слова Минамото Ёримаса (1104–1177): «...А здесь алеют клёны...// Застава Сиракава!», затем «осенний ветер» в стихотворении Ноин-хоси; наступление зимы Содзу-инсё: «...И всё покрыто снегом...// Застава Сиракава!»; завершает сезонный цикл сочинение Фудзивара-но Киёсукэ: «Цветок весенний // На шляпе – вот к заставе // Наряд мой лучший» [24, с. 322].

Топоним, как один из видов имен собственных, консервативен по своей природе, что позволяет ему являться хранителем исторической информации, быть показателем времени в письменной культуре, то есть, используя термин М.М.Бахтина, формировать хронотоп культуры. Характерная для островной ментальности географическая определенность и корреляция с ней императорского мифа, являвшиеся одними из основ японской политической культуры вплоть до XX века, определили повышенное внимание к топонимике в культурной традиции. Особенность японской топонимики, как и культуры в целом, заключается в ее выраженной эстетической составляющей. Замечательно сформулировал эту особенность японской культуры один из отечественных журналистов: «...вся идеология Японии, от официальной до самых тонких вариантов философии, была, прежде всего, эстетикой. В ее высших проявлениях это была гигантски развернутая метафора, очень красивая, очень романтическая, к тому же проникнутая одним из самых неодолимых наваждений искусства – духом трагедии, то есть духом прекрасности и неизбежности смерти.

¹⁹ Перевод В.Н. Марковой.

²⁰ Перевод В.Н. Марковой.

²¹ Перевод В.Н. Марковой.

Метафора... уходящая в мир далеких предков как к последнему своему основанию» [25, с. 269].

Список литературы

1. Мещеряков А.Н. Культурные функции японских топонимов // Вестник РГГУ. Книга вторая. М.: РГГУ, 2000. С. 290–310.
2. Нихон сёки : [Анналы Японии]. СПб.: Гиперион, 1997. Пер. Л.М. Ермаковой, А.Н. Мещерякова. Т. 1.
3. Кодзики. СПб.: Шар, 1994. Пер. Е.М. Пинус. Т. 1.
4. Matsumae Takeshi. Origin and Growth of the Worship of Amaterasu // Asian Folklore Studies. Nagoya. Vol. XXXVIII–I. 1978. P. 1–11.
5. Грачев М.В., Симонова-Гудзенко Е.К. Идея преемственности императорской власти. // Синто. Путь японских богов. СПб.: Гиперион, 2002. Т. 1. С. 148–165.
6. Сёку нихонги. Сер.: Син нихон котэн бунгаку тайкэй: [Новое собрание японской классической литературы]. Токио: Иванами сётэн, 1996. Т. 12.
7. Симонова-Гудзенко Е.К. Япония VII–IX веков. Формы описания пространства и их историческая интерпретация. М.: Восток-Запад, 2005.
8. Энгисики : [Установления годов Энги]. Сер.: Кокуси тайкэй : [Собрание текстов по национальной истории]. Токио: Ёсикава кобункан, 1999. Т. 1.
9. Конрад Н.И. Очерк истории культуры средневековой Японии. М.: Искусство, 1980. 144 с.
10. Кодай тимэй дайджитэн : [Большой словарь древних топонимов]. Токио: Кадогава сётэн, 1999.
11. Кодай тимэй гогэн джитэн : [Словарь этимологий древних японских топонимов]. Токио: Токёдо, 1981.
12. Мещеряков А.Н. Ямато и Япония: процессы формирования государственной идентичности в период Нара (международный аспект) // Япония в объятиях пространства и времени. М.: Наталис, 2010. С. 174–188.
13. Кокуси дайджитэн : [Энциклопедия национальной истории]. Токио: Ёсикава кобункан, 1990. Т. 11.
14. Мещеряков А.Н. Гора Фудзи. Между землей и небом. М.: Наталис, 2010.
15. Нихон сёки. Сер. Нихон котэн бунгаку тайкэй : [Собрание японской классической литературы]. Токио: Иванами сётэн, 1965. Т. 67.
16. Манъёсю. Пер. А.Е. Глускиной. М.: Наука, 1970–72. т. 1–3.
17. Боги, святилища, обряды Японии. Энциклопедия синто. М.: РГГУ, 2010.
18. Мияко-но Ёсика. Записи о горе Фудзияма // Япония в эпоху Хэйан (794–1185). Хрестоматия. Пер. М.В. Грачева. М.: РГГУ, 2009. С. 55–56.
19. Исэ моногатари. Пер. Н.И. Конрада. М.: Наука, 1979.
20. Дед Такэтори. Пер. А.А. Холодовича // Восток. Литература Китая и Японии / под ред. Н.И. Конрада. М.: Академия, 1935. С. 57–83.
21. Древние фудоки. Пер. К.А. Попова. М.: Наука, 1969.

22. Норито. Сэммё. Пер. Л.М. Ермаковой. М.: Наука, 1991.
23. Кого дзитэн : [Словарь древнего японского языка]. Токио: Иванами сётэн, 1986.
24. Басё М. «По тропинкам севера». Пер. Н.И.Фельдман // Восток. Литература Китая и Японии / под ред. Н.И. Конрада. М.: Академия. 1935. С. 301–349.
25. Агапов Б. Шесть заграниц. М.: Сов. писатель, 1974.

Поступила в редакцию 04.04.2016

Автор:

Симонова-Гудзенко Екатерина Кирилловна, доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой истории и культуры Японии, ИСАА МГУ. E-mail: eksimonova@mail.ru

The Role of Place Names in Political Culture of Medieval Japan

E.K. Simonova-Gudzenko

The article investigates the role and place of toponyms in political culture of medieval Japan. Research of place names demands interdisciplinary approach. A toponym can be considered to be a so called hyperlink, having clicked on it you open a never-ending chain of cultural, historical, political, literary images, events and phenomena. The exact localization of an event or phenomenon is of particular importance in the conditions of insular territory, relief features, distribution and stability of animistic beliefs in Japan. A complete address of an event or a phenomenon most often includes toponyms of the province, county, village or some concrete place that almost always allows to discover the specified object on a map. Moreover, the geographical objects once introduced into cultural context become places of worship, sources of inspiration for many generations and are extremely seldom changed. Toponyms are a component of names of deities, names of emperors and members of imperial family. Place names were also important for determining and fixing state borders. In the article we analyze the history, of origin and existence of toponyms, which make the base of political, historical and cultural image of the country: name of the country (Yamato – Nihon), name of the highest mountain (Fuji). Besides, we investigate as an example of an important element of the political and administrative structure of the medieval state the place name of such an object as a territorial barrier (Shirakawa), little known today. Being onomastic on the whole, a toponym keeps stability and invariance, allows to save historical information, to be a time indicator in written culture, i.e. using M. M. Bakhtin's term, to form a chronotope of culture. Bases of Japanese political culture up to the 20th century were geographical determinacy of insular mentality and correlation with the imperial myth. This has defined special attention to place names in Japanese cultural tradition.

Keywords: place name, toponym, Yamato, Nihon, Fuji, *kami*, islands.

Author:

Simonova-Gudzenko Ekaterina K., Doctor of Sciences (History), Professor, Head of the Department of Japanese History and Culture, Institute of Asian and African Studies, Moscow State University. E-mail: eksimonova@mail.ru

Японская молодежь на рынке труда: экономические и социальные аспекты

И.П. Лебедева

В статье анализируется ситуация, сложившаяся в последние десять лет в молодежном сегменте японского рынка труда. Показаны сдвиги, происшедшие в структуре занятости молодежи, а также различия в положении разных возрастных когорт и отличия в характере занятости молодых японок и японцев. Рассматриваются некоторые социальные проблемы, с которыми сталкивается японская молодежь вследствие изменений в структуре спроса на японском рынке труда.

Ключевые слова: Япония, молодежь, формы занятости, социальный статус, брак и семья, «нестандартные» группы.

На протяжении нескольких послевоенных десятилетий рабочая сила являлась одним из важнейших ресурсов экономического роста Японии, а ежегодный приток в экономику десятков тысяч хорошо образованных молодых людей был одним из главных факторов, обеспечивавших эффективное функционирование всей системы управления японских компаний. Между тем в связи со старением населения в стране происходит довольно быстрое сокращение числа лиц трудоспособного возраста (от 15 до 64 лет) – с пика в 87,2 млн человек в 1995 г. оно сократилось до 77,9 млн человек в 2014 г., или на 10,7 %. При этом в силу особенностей демографического развития страны после Второй мировой войны опережающими темпами происходит сокращение численности молодой рабочей силы. Так, общее число молодых людей в возрасте от 15 до 34 лет сократилось с 35,4 млн в 1995 г. до 26,3 млн в 2014 г., или на 25,8 %, а доля этой группы в общей численности японцев трудоспособного возраста – с 40,6 % до 33,8 % соответственно [1, с. 54, 518].

На первый взгляд, подобная ситуация должна была бы привести к улучшению позиций молодых людей на рынке труда, расширению возможностей их трудоустройства, повышению начальной заработной платы и т.д. Однако растянувшаяся почти на два десятилетия затяжная депрессия, в которую Япония вступила в начале 1990-х годов после краха экономики «мыльного пузыря» и последствия которой дают о себе знать и сегодня, довольно сильно осложнила положение на рынке труда. Кроме того, происшедшие за последние десятилетия сдвиги в отраслевой структуре национального хозяйства и изменения в его материально-технической базе заметно преобразили структуру спроса на рабочую силу

в плане ее профессионального состава и уровня квалификации. Понятно, что молодые люди, прежде всего те, кто впервые выходит на рынок труда, ощутили все эти изменения в гораздо большей степени, чем прочие возрастные когорты рабочей силы, особенно те, кто защищен от их влияния системой пожизненного найма [2]. В связи с этим нам представляется небезынтересным рассмотреть вопрос о том, каковы позиции японской молодежи на рынке труда, какие изменения происходят в этой сфере, и каковы их социальные последствия.

Прежде всего, обращает на себя внимание тот факт, что молодые японцы довольно активно участвуют в экономической жизни общества. Так, по данным за 2014 г., среди молодых людей в возрасте от 15 до 19 лет работали 16 %, в возрасте от 20 до 24 лет – около 70 %, а в когорте 25–34 года – почти 85 % [1, с. 518]. Понятно, что разрыв между этими показателями связан с тем, что в первую возрастную группу включены школьники и студенты, продолжающие обучение, а вторая и третья группы представлена в основном теми, кто уже завершил свое образование и вступил в трудовую жизнь.

В отличие от многих развитых стран в Японии не существует такой острой проблемы, как высокий уровень безработицы среди молодежи. Хотя показатели безработицы среди молодых контингентов рабочей силы несколько выше, чем средние по стране (3,6 % на апрель 2016 г.) и составляют 5,3 % для группы от 15 до 24 лет и 4,6 % для группы от 25 до 34 лет, очевидно, что на фоне других развитых стран ситуация в Японии выглядит более чем благополучно [3].

Иными словами, если судить по приведенным цифрам, то можно прийти к заключению, что в плане обеспеченности работой и возможностей для построения жизненных планов японская молодежь может чувствовать себя достаточно уверенно. Однако при более детальном рассмотрении вырисовывается несколько иная картина.

Как известно, одним из главных изменений, наблюдающихся на японском рынке труда с начала 1990-х годов, стало быстрое нарастание в структуре занятых доли работников, не имеющих постоянной работы – их доля возросла с 20 % в 1990 г. до 38 % в 2012 г. В дальнейшем, благодаря некоторому улучшению экономической конъюнктуры, она несколько снизилась – до 34,5 % в апреле 2016 г., однако остается весьма высокой [4]. При этом, помимо депрессивного состояния экономики, резкому расширению масштабов непостоянной занятости способствовали еще два фактора. Во-первых, процесс сервисизации японской экономики, проявляющийся в опережающем развитии отраслей сферы услуг (в том числе – индивидуальных), что создает объективные предпосылки для расширения использования различных гибких схем работы. Во-вторых, изменение самого характера труда в результате перехода японской экономики на стадию постиндустриального развития. Наряду с видами труда, которые, как и прежде, требуют специальных профессиональных знаний и постоянного повышения квалификации, появились виды работ, для выполнения которых достаточно лишь четко следовать инструкциям и иметь навыки работы с компьютерной техникой и информационными технологиями. И если для выполнения первого вида работ компаниям нужны постоянные работники, то для второго вполне пригодными оказываются лица, нанятые на условиях непостоянной занятости [5, с. 60–61].

Как отмечалось выше, в силу особенностей японского рынка труда, а именно существования института пожизненного найма с его гарантиями сохранения статуса

постоянного работника и долговременной занятости для тех, кто был принят на работу в прежние годы, изменения в структуре спроса на рабочую силу со стороны японских компаний затронули прежде всего молодежь, впервые выходящую на рынок труда. Поэтому рост непостоянной занятости оказался наиболее значительным именно среди молодых контингентов рабочей силы. Начавшись еще в 1990-е годы, этот процесс продолжался и в последнее десятилетие, о чем свидетельствуют данные табл. 1.

*Таблица 1. Изменение структуры занятости японской молодежи (мужчины и женщины возрастных когорт 15–19 лет, 20–24 года, 25–34 года, 2006 г. и 2015 г.)**

	Мужчины			Женщины			Всего
	15-19	20-24	25-34	15-19	20-24	25-34	15-34
2006 г.							
Общее число занятых, тыс. человек	470	2300	7730	460	2320	5460	18 740
Постоянные работники, тыс. человек	260	1790	7260	220	1800	4560	15 890
Их доля в общем числе занятых, %	55,3	77,8	93,9	48,8	77,6	83,5	84,8
Нерегулярно занятые, тыс. человек	210	510	470	240	520	900	2850
Их доля в общем числе занятых, %	44,7	22,2	6,1	51,2	22,4	16,5	15,2
2015 г.							
Общее число занятых, тыс. человек	440	1970	5890	460	1920	4690	15 370
Постоянные работники, тыс. человек	150	1200	4920	80	1050	2780	10 180
Их доля в общем числе занятых, %	34,0	60,9	83,5	17,3	54,6	59,3	66,2
Нерегулярно занятые, тыс. человек	290	770	970	380	870	1910	5190
Их доля в общем числе занятых, %	66,0	39,1	16,5	82,7	45,4	40,7	33,8

*Данные не включают занятых в сельском хозяйстве.

Рассчитано и составлено по: [6, (2006, 2015)].

Эти данные, на наш взгляд, весьма репрезентативны для целей нашего анализа. Во-первых, они охватывают период, который можно считать относительно благополучным с точки зрения состояния японской экономики. Хотя на это десятилетие пришелся мировой финансово-экономический кризис 2008–2009 гг., а затем случилась катастрофа марта 2011 г., в целом экономическое положение страны было достаточно устойчивым и резких перепадов конъюнктуры не наблюдалось. Во-вторых, исходные данные, на основе которых была составлена табл. 1, отличаются высоким качеством в плане достоверности и сопоставимости и позволяют представить объективную картину изменений, происходящих в сфере молодежной занятости.

Следует отметить, что в период 2006–2015 гг. численность молодой рабочей силы продолжала довольно быстро сокращаться – с 18 млн 740 тыс. в 2006 г. она сократилась до 15 млн 370 тыс. в 2015 г., или на 18 %. При этом число молодых людей, работающих на условиях постоянной занятости, сократилось с 15 млн 890 тыс. до 10 млн 180 тыс., или на 36 %, а число непостоянно занятых, напротив, возросло с 2 млн 850 тыс. до 5 млн 190 тыс., или увеличилось на 182 %. Такая разнонаправленная динамика привела к резким изменениям

в структуре молодежной занятости: если в 2006 г. соотношение между постоянными работниками и непостоянно занятыми составляло 84,8 % : 15,2 %, то в 2015 г. – соответственно 66,2 % : 33,8 %.

Как показывают данные табл. 1, рост непостоянной занятости происходил во всех половозрастных когортах, но скорость и масштабы этого процесса сильно различались по разным группам. Рассмотрим эти различия более подробно.

Наиболее высокой долей непостоянно занятых отличается младшая возрастная когорта, т.е. юноши и девушки в возрасте от 15 до 19 лет. В 2006 г. для юношей эта доля составила почти 45 %, для девушек – более 50 %, в 2015 г. – соответственно 66 % и 83 %. Столь широкое распространение в этой группе непостоянной занятости связано с тем, что в ней преобладают молодые люди, для которых основным занятием является учеба в школе или университете, а работа служит лишь средством получения денег на личные нужды. Так, в 2015 г. более половины юношей и 2/3 девушек данной возрастной когорты относились именно к этой категории [6]. При этом среди студентов и школьников особенно популярны подработки в качестве *арубайто* (временного работника) в кафе, ресторанчиках, маленьких магазинах и т.д.

Что же касается резкого возрастания масштабов непостоянной занятости в этой возрастной группе, происшедшего за последнее десятилетие, то оно объясняется, прежде всего, ростом доли молодежи, продолжающей обучение по окончании средней школы. Доля молодых людей, ограничивающих свое обучение обязательным средним образованием и выходящих на рынок труда в 15 лет, крайне низка – менее 1 %. Абсолютное же большинство японской молодежи стремится продолжить образование и после окончания высшей ступени средней школы – в двухгодичных колледжах, профессиональных школах (*сэммон гакко*), университетах. Так, если в 2005 г. решили продолжить свое образование 70 % выпускников высшей ступени средней школы, то в 2014 г. – 77 %. Отличительная черта последних двух десятилетий – значительный рост доли девушек среди студентов университетов. Если в 1995 г. она составляла порядка 1/3, то к 2014 г. поднялась до 48 % [1, с. 740, 747]. Отчасти это связано с тем, что многие двухгодичные колледжи (*танки дайгаку*), где обучались в основном девушки, были преобразованы в четырехгодичные университеты, а отчасти – со стремлением все большего числа молодых японок получить достойное образование, чтобы повысить свои шансы при устройстве на постоянную работу. Именно этим обстоятельством объясняется происшедшее за последнее десятилетие резкое повышение доли непостоянно занятых среди женщин этой возрастной когорты.

Следующая возрастная группа – молодые люди в возрасте от 20 до 24 лет – представлена главным образом теми, кто уже завершил свое образование и для кого основным видом деятельности является работа. В 2015 г. в данной возрастной когорте к этой категории относились 82 % юношей и 78 % девушек. Как показывают данные табл. 1, за последнее десятилетие доля непостоянно занятых в этой группе практически удвоилась и достигла почти 40 % для юношей и 45 % для девушек. Поскольку в эту группу входит молодежь, завершившая образование и вышедшая на рынок труда, эти цифры весьма красноречиво говорят о том, насколько сложнее стало нынешним молодым людям найти

постоянную работу по окончании школы или университета. Причем это относится не только к девушкам, но и к юношам, которые всегда имели преимущества при устройстве на работу.

Конечно, оценивая эти цифры, нельзя не учитывать того факта, что в Японии, как и в любой другой развитой стране, происходит все большая диверсификация жизненных стилей и жизненных предпочтений и что далеко не все молодые японки и японцы стремятся получить постоянную работу со всеми налагаемыми ею ограничениями. Так, согласно данным одного из обследований Министерства здравоохранения, труда и благосостояния, около 40 % молодых людей в возрасте до 24 лет, не имеющих постоянной работы, относятся к категории так называемых недобровольных непостоянных работников, то есть к тем, кто хотел, но не смог получить постоянную работу; порядка 45 % решили отложить устройство на постоянную работу на будущее, а оставшиеся 15 % хотели бы реализовать себя в областях, не связанных с постоянной работой (таких, как театр, кино, живопись и т.д.) [7, с. 154; 8, с. 12]. С учетом ситуации, сложившейся на японском рынке труда, возникает естественный вопрос – не потому ли эти 45 % решили отложить на будущее устройство на постоянную работу, что не смогли это сделать сразу по окончании учебного заведения?

О том, что, несмотря на все перемены на рынке труда, непостоянная занятость, как и прежде, воспринимается в Японии как некое отклонение от нормы, свидетельствует, например, позиция Министерства здравоохранения, труда и благосостояния. В обследованиях рынка труда, проводимых этим министерством, «стандартным работником» называется тот, кто «был принят на предприятие сразу после окончания учебного заведения и будет работать на нем продолжительное время» [9, с. 3].

Хотелось бы также обратить внимание на следующий момент. Как показывают данные табл. 1, в рассматриваемой возрастной когорте доля постоянно занятых среди женщин лишь ненамного уступает аналогичному показателю мужской группы (54,6 % и 60,9 % соответственно). Однако это не означает, что позиции женщин на японском рынке труда равнозначны позициям мужчин. Несмотря на то, что еще в 1985 г. в Японии был принят Закон о равных правах женщин и мужчин при найме на работу, запретивший любую форму дискриминации в этой области по признаку пола, гендерный фактор продолжает оказывать влияние на положение женщин на рынке труда. Так, большинство японок, которые смогли получить постоянную работу, вынуждены довольствоваться более скромной профессиональной карьерой, чем их коллеги-мужчины. До сих пор во многих фирмах женщины нанимаются в основном для выполнения так называемой *обычной работы* (*иппансёку*), в то время как мужчинам поручается так называемая *общая работа* (*согосёку*). В то время как *общая* работа предполагает повышение квалификации в рамках внутрифирменного обучения, карьерный рост и ежегодное возрастание заработной платы, *обычная* работа предоставляет существенно более скромные возможности для повышения квалификации и карьерного роста, что означает и более умеренный рост заработной платы. При этом, если на старте различия в заработной плате между мужчинами и женщинами почти незаметны, то по мере приближения к предельному возрасту пребывания в фирме (60 годам) они становятся все более ощутимыми. Вот, например, как выглядели в 2015 г. различия в начальной заработной плате между выпускниками и выпускницами учебных заведений разного образовательного уровня (месячная заработная плата, тыс. иен) [10]:

	Мужчины	Женщины
Окончившие магистратуру	228,5	228,5
Окончившие четырехгодичные университеты	204,5	198,8
Окончившие профессиональные школы или колледжи	177,3	174,5
Окончившие высшую ступень средней школы	163,5	156,2

О том, насколько расходятся в дальнейшем их пути, можно судить по гендерным различиям в степени возрастания заработной платы к завершению работниками своей профессиональной карьеры (табл. 2).

Таблица 2. Разница между начальной и максимальной заработной платой постоянных работников (заработная плата работников в возрасте 20–24 года = 100)

Категории работников	С высшим образованием	Со средним специальным образованием	Со средним образованием
Мужчины	(50–54 года) 246	(55–59 лет) 212	(50–59 лет) 180
Женщины	(50–54 года) 190	(50–59 лет) 145	(45–49 лет) 124

Источник: [9, с.7].

Как показывают эти данные, даже в наиболее привилегированной группе – женщин, имеющих высшее образование, – рассчитывать на равную с мужчинами профессиональную карьеру могут далеко не все.

Еще более очевидными гендерные различия в характере занятости японской молодежи становятся в возрастной когорте 25–34 года. Они существовали и прежде, но были не так сильно выражены, как сейчас. Так, если в 2006 г. среди мужчин этой возрастной группы постоянную работу имели 93,9 %, а среди женщин – 83,5 %, то в 2015 г. – соответственно 83,5 % и 59,3 %.

Поскольку эта возрастная группа представлена уже довольно зрелыми молодыми людьми, столь высокие показатели (прежде всего среди мужчин) можно рассматривать как свидетельство того, что при всех изменениях, происходящих в японском обществе, постоянная занятость не теряет своей ценности и что чем старше становятся молодые японцы, тем сильнее они стремятся иметь постоянную работу.

Тем не менее, как показывают данные табл. 1, и в этой группе за последние десять лет произошло значительное сокращение масштабов постоянной занятости. Так, число мужчин – постоянных работников в абсолютном выражении сократилось на 2 млн 340 тыс., или на треть, а число не имеющих постоянной работы, напротив, увеличилось на 500 тыс., или в два раза. В женской группе число постоянных работников уменьшилось на 1 млн 780 тыс., или на 40 %, а число не имеющих постоянной работы возросло на 1 млн, или более чем в два раза. Тот факт, что эти сдвиги произошли в условиях неблагоприятных демографических трендов, а именно в условиях абсолютного сокращения численности молодой рабочей силы,

свидетельствует о том, насколько глубоки и стремительны изменения в структуре спроса, происходящие на японском рынке труда.

Хотя и масштабы, и доля постоянной занятости среди мужчин данной возрастной когорты уменьшились, в целом их положение выглядит пока вполне благополучно. Абсолютное большинство этих молодых людей (более 80 %) имеют постоянную работу, а, следовательно – надежный источник дохода и возможность планировать свою жизнь на длительную перспективу. Гораздо сложнее обстоит дело с женской занятостью.

Дело не только в том, что в этой возрастной группе еще больше расходятся траектории профессионального роста и еще сильнее дают о себе знать различия в возможностях повышения квалификации между мужчинами и женщинами, работающими на условиях постоянной занятости. Гораздо более серьезные проблемы связаны с тем, что для женщин, входящих в эту возрастную когорту, наступает время принятия решения о вступлении в брак и рождении детей. В отличие от практики, существовавшей прежде, сейчас молодые женщины уже не увольняются с работы сразу после замужества. Но что касается рождения детей, то здесь изменения почти незаметны. Как показывает статистика, после 30 лет – это сейчас средний возраст рождения первого ребенка – многие женщины не только оставляют работу, но и не возвращаются на прежнее место, даже когда дети становятся старше, предпочитая постоянной работе различные формы непостоянной занятости.

Нельзя сказать, что японское правительство бездействует. С начала 1990-х годов в Японии принимаются законы и предпринимаются разного рода меры, направленные на создание условий для совмещения женщинами домашних обязанностей и работы. Еще в 1991 г. был принят закон о предоставлении оплачиваемого отпуска по уходу за ребенком до достижения им 1 года (в размере 25 % от жалованья). Затем этот закон неоднократно пересматривался, и в 2010 г. продолжительность отпуска была доведена до 18 месяцев, а размеры выплат – до 50 % от уровня зарплаты. Кроме того, нормы закона были распространены на мелкие и средние предприятия, были введены ограничения на сверхурочные работы для лиц, имеющих детей, предпринимателям было предписано учитывать семейное положение работника при принятии решения о его переводе на новое место работы, а также была запрещена какая-либо дискриминация в отношении работников, решивших взять отпуск. Наконец, компаниям, в которых хотя бы один мужчина воспользуется отпуском по уходу за ребенком, были обещаны государственная поддержка и общественное признание [11, с. 5].

Как известно, целый комплекс мер, направленных на создание более благоприятных условий для работающих женщин и повышение степени их участия в экономической жизни общества, был осуществлен в рамках *абэномики* [12]. Однако, как показывают данные табл. 3, заметных изменений в характере женской занятости пока не ощущается: доля женщин, работающих на условиях постоянной занятости, достигнув пиковых значений в возрастной группе 25–29 лет, затем начинает неуклонно снижаться и больше уже не возвращается на прежний уровень.

Таблица 3. Доля постоянных работников среди работающих женщин (%)*

Возрастные категории	15–19 лет	20–24 года	25–29 лет	30–34 года	35–39 лет	40–44 года	45–49 лет	50–54 года	55–59 лет	60–64 года
2015 г	19,6	54,7	63,1	55,8	49,1	42,5	40,4	40,4	39,6	23,3
2012 г.	18,8	52,3	60,7	52,4	46,2	41,4	39,6	39,7	37,1	23,5

* Данные не включают занятых в сельском хозяйстве.

Рассчитано по: [6, (2012, 2015)].

Консервация такой ситуации связана со следующими обстоятельствами. Во-первых, общий сдвиг в структуре спроса на рабочую силу проявился, в частности, в широком применении компаниями практики замены постоянных работников временными в сфере *иппансёку* – традиционной вотчине женщин. Во-вторых, поскольку решающее значение для продвижения по службе в японских компаниях играет постоянное повышение квалификации на основе внутрифирменного обучения, отрыв женщин от этой системы на время отпуска по уходу за ребенком сопряжен для них с неизбежной потерей темпа в карьерном росте, а, следовательно, снижает в их глазах привлекательность прежнего места работы. В-третьих, и это, по-видимому, самое главное – при всех изменениях, происшедших в японском обществе за последние десятилетия, здесь до сих пор, в том числе и среди самих японок, широко распространены традиционные представления о роли и предназначении женщины. Она должна быть прежде всего матерью и хозяйкой дома, а работа – удел мужчины.

Таким образом, молодые японки, получившие место постоянного работника, оказываются перед непростым выбором – либо замужество, уход с работы после рождения ребенка и жизнь домохозяйки с работой на условиях непостоянной занятости, либо карьера с отказом от замужества и рождения детей или, в лучшем случае, с переносом этих событий на возможно более поздние сроки.

Об остроте проблем, существующих в сфере женской занятости, свидетельствуют и данные японской статистики. Так, с конца 1980-х годов в стране происходит быстрый рост доли молодых женщин, не состоящих в браке: если в 1980 г. она составляла 24 % среди женщин в возрасте 25–29 лет и 9,1 % – в возрасте 30–34 года, то к 2010 г. поднялась до 60,3 % и 34,5 % соответственно. За эти же годы произошло заметное повышение среднего возраста первого замужества японок – с 25,2 года в 1980 г. до 29,4 года в 2014 г., а также и возраста рождения ими первого ребенка – соответственно с 26,4 года до 31,1 года. Наконец, в стране продолжается снижение показателя фертильности, который к 2014 г. опустился до 1,42, оказавшись одним из самых низких среди развитых государств [13, с. 3, 9].

Понятно, что выбор между созданием полноценной семьи и карьерой тем сложнее, чем выше уровень образования женщин. Неудивительно, что наибольшее число незамужних японок отмечается среди тех, кто получил университетское образование и имеет больше шансов на успешную карьеру. Те же из них, кто вышел замуж, либо вообще отказываются от обзаведения детьми, либо ограничиваются рождением одного ребенка. И именно эта категория женщин «ответственна» за снижение среднего показателя фертильности в стране. Так, если в группе неработающих замужних женщин он составляет 2,2 и практически не

изменился по сравнению с 1980-ми годами, то в группе работающих замужних женщин – всего лишь 0,6 [14, с. 162–163].

Очевидно также, что существует прямая зависимость между ростом категории непостоянно занятых среди молодых японских мужчин и возрастанием доли незамужних женщин. Дело в том, что ни в одной другой развитой стране нет такого глубокого водораздела между постоянной и непостоянной формами занятости, как в Японии – ни с точки зрения уровня оплаты труда и объема социальных гарантий, ни в плане возможностей повышения квалификации и карьерного роста, ни с точки зрения социального статуса¹. Этот водораздел сложился под влиянием японской системы управления трудом, получившей широкую известность под названием системы пожизненного найма. Не вдаваясь в подробности, отметим лишь, что работникам, нанятым на постоянную работу, гарантировались стабильная занятость (вплоть до так называемого предельного возраста пребывания в фирме, который сейчас в большинстве компаний составляет 60 лет), повышение квалификации, продвижение по служебной лестнице с соответствующим ростом заработной платы, а также доступ к системе социального обеспечения. Иными словами, эта система делала жизнь и самих постоянных работников, и членов их семей стабильной и предсказуемой, позволяя им планировать свое будущее и поэтапно реализовывать жизненные планы.

В наиболее полном виде (то есть с использованием всех элементов материального и морального стимулирования работников) система пожизненного найма применялась в крупных частных компаниях (где охватывала и белые, и синие воротнички) и в государственных учреждениях. Однако и все другие предприятия, в том числе и некрупные, для того, чтобы повысить трудовую мотивацию персонала, стремились применять эту систему в той или иной степени, распространяя ее принципы на определенную группу работников (например, только на белые воротнички) или используя отдельные ее элементы. Иными словами, в большей или меньшей степени система пожизненного найма охватывала практически весь контингент постоянных работников (в конце 1980-х годов к этой категории относились порядка 80 % работающих по найму).

Поскольку долгое время система пожизненного найма распространялась почти исключительно на работников-мужчин, она способствовала закреплению за ними роли добытчиков средств, кормильцев семьи, а следовательно – и упрочению их главенствующего положения в семье и обществе. Постепенно в общественном сознании сложился образ идеального молодого человека – *сараримана*, т.е. постоянного работника крупной компании или государственного учреждения, который благодаря усердию и упорству смог поступить в престижный университет, закончить его и устроиться на работу, гарантирующую ему стабильность и процветание. Примечательно, что в 1970-е – 1990-е годы карьера *сараримана* оказалась доступна весьма широкому кругу молодежи. Так, среди юношей, закончивших

¹ Поразительные факты на этот счет приводит в своей книге «Общество, где статус зависит от формы найма» проф. Мориока Кодзи. Оказывается, что в некоторых компаниях непостоянным работникам не разрешается пользоваться столовыми, в которых питаются постоянные работники. Эти факты тем более удивительны, что японские компании известны своей демократичностью, стремлением избегать подчеркивания разницы в статусе между менеджментом, с одной стороны, и рядовыми рабочими и служащими – с другой [15, с. 2–5].

школу в 1976–1985 гг., смогли стать *сарариманами* по окончании университета более 30 %, а среди выпускников 1986–1995 гг. – 40 %. Кроме того, в обоих случаях еще около четверти молодых людей смогли в той или иной степени реализовать эту «японскую мечту», получив работу белых воротничков в средних и мелких фирмах. Следует также иметь в виду, что на карьере, подобную карьере *сараримана*, могли рассчитывать и синие воротнички – работники крупных компаний, и даже часть рядовых работников мелких и средних фирм [16, с. 16–17].

Хотя многое изменилось с тех пор в японском обществе, в том числе и в системе ценностей молодежи, тем не менее, и сейчас символом мужественности и зрелости молодого человека остается *сарариман* [17, с. 30–32].

Понятно, что молодые люди, не имеющие постоянной работы (в Японии их называют *фритеры* – от английского Free и немецкого Arbeiter) воспринимаются общественным сознанием как некое отклонение от нормы, а их социальный статус оценивается как гораздо более низкий, чем статус постоянного работника. Частая смена ими работы (особенно под предлогом, что она не нравится), отсутствие четких жизненных целей воспринимаются как показатель слабого характера, незрелости, проявление эгоизма и безответственности по отношению к семье и обществу. Пока *фритеры*-мужчины молоды, к ним относятся снисходительно, но чем старше они становятся, тем строже оценивают их окружающие и тем острее сами они ощущают несоответствие своего положения ожиданиям общества. Ближе к 30 годам многие из них пытаются изменить образ жизни и найти стабильную работу, но для большинства это оказывается невозможно. Так, по оценке Министерства здравоохранения, труда и благосостояния, по прошествии пяти лет работы в качестве непостоянно занятого получить место постоянного работника в среднем удается лишь четверти желающих [8, с. 13].

Очевидно, что расширение масштабов непостоянной занятости среди молодых мужчин приводит к сокращению числа молодых людей, которых японские девушки и их родители могут считать достойными женихами. И наряду с повышением доли незамужних женщин среди молодых японок происходит и рост доли неженатых молодых мужчин. Так, среди мужчин в возрасте 25–29 лет не состоят в браке 71,8 %, 30–34 лет – 47,3 %, 35–39 лет – 35,6 % [13, с. 9].

Изменения в структуре спроса на рабочую силу, происходящие на японском рынке труда, оказывают влияние и на другие стороны жизни японской молодежи. В частности, они привели к определенному снижению в глазах молодежи ценности образования как инструмента, гарантирующего спокойную, стабильную и обеспеченную жизнь. Долгое время трудоустройство на работу в качестве постоянного работника сразу по окончании учебного заведения (выпускников школ – на места синих воротничков, выпускников университетов – на места белых воротничков) было главной целью для большей части японской молодежи. Однако сокращение возможностей трудоустройства на постоянную работу привело к определенной эрозии прежде эффективно работавшего механизма транзита «учебное заведение – компания» и в определенной степени подорвало веру в неразрывную связь между успехами в учебе и удачной карьерой. Это проявляется, в частности, в том, что параллельно со снижением доли выпускников, сумевших устроиться на постоянную работу,

происходит снижение и доли желающих получить работу сразу по окончании учебного заведения. Так, в 2015 г. среди выпускников университетов доля желающих сразу устроиться на работу составила 74 % среди женщин и 67,7 % среди мужчин, среди выпускников специальных профессиональных школ – соответственно 62 % и 62 %, среди женщин, окончивших двухгодичные колледжи – 81,3 % [18].

Сказанное, конечно, не означает, что произошло снижение значения образования в системе ценностей молодых японцев: для большинства оно по-прежнему остается одним из важнейших жизненных приоритетов. Более того, поскольку практика показывает, что получить место постоянного работника тем легче, чем выше уровень образования, в целом наблюдается тенденция к повышению уровня образования японской молодежи, о чем говорилось выше.

Изменения, происшедшие на рынке труда, резкое возрастание числа молодых людей, не имеющих постоянной работы, стали также одним из факторов появления разного рода нестандартных, необычных для Японии групп молодежи, образ жизни и ценностные ориентиры которых резко контрастируют с общепринятыми нормами и представлениями. Это, например, так называемые *парасайто сингуру*, или паразитирующие одиночки (*parasite singles*). Этот термин был введен в научный оборот в конце 1990-х годов известным японским социологом Ямада Масахиро для обозначения следующей категории молодых людей: работающих лишь время от времени (с целью получения средств на развлечения и карманные расходы), проживающих совместно с родителями и полностью зависящих от них в удовлетворении своих основных потребностей.

Еще более необычной для Японии группой молодежи, появившейся в 1990-е – 2000-е годы, стали так называемые *нитто*, или NEETs (*not in Education, Employment or Training*). Согласно определению Министерства здравоохранения, труда и благосостояния, *нитто* – это молодые люди в возрасте от 15 до 34 лет, которые ничем не заняты – ни учебой, ни работой, ни профессиональной переподготовкой. Их насчитывается порядка 600 тыс. человек [19]. В этой среде сформировалась также особая подгруппа молодежи – так называемые *хикикомори*, что в переводе с японского означает затворники. *Хикикомори* – это молодые люди, которые избегают контактов с внешним миром, предпочитают проводить время дома (преимущественно – в своей комнате), погружаясь в виртуальный мир *манга*, *анимэ*, компьютерных игр и т.д. По данным Министерства здравоохранения, труда и благосостояния, в Японии насчитывается порядка 260 тыс. семей, где есть дети, ведущие образ жизни *хикикомори* [20, с. 38].

Таким образом, за последнее десятилетие положение японской молодежи заметно осложнилось. Сокращение масштабов постоянной занятости во всех возрастных когортах и рост категории непостоянных работников, сбои в безупречно работавшем прежде механизме трудоустройства выпускников школ и университетов, необходимость выбора между карьерой и семьей для японок, имеющих статус постоянного работника, заметное снижение доли лиц, состоящих в браке, среди молодых женщин и мужчин, появление разного рода групп нестандартной молодежи и т.д. – все эти явления свидетельствуют о том, что современная японская молодежь живет в качественно иной, более сложной социально-психологической атмосфере. Более того, если прежде благодаря общему росту

благополучия и демократизации системы образования молодежная среда была достаточно однородной, то теперь происходит все большая ее поляризация. На одном полюсе находятся молодые люди, которым удалось получить постоянную работу и которые могут рассчитывать на благополучную, спокойную, предсказуемую жизнь, а на другом – те, кто в силу разных причин оказался за пределами сферы постоянной занятости, а, следовательно, и за пределами спокойной, благополучной жизни. Именно в этой среде формируются группы молодежи, чей образ жизни и система ценностей резко контрастируют с укоренившимися в общественном сознании представлениями о нормальной жизни, успешной карьере и т.д. Существование этих групп «нестандартных» молодых людей представляет серьезную социальную проблему, особенно в свете быстрого старения населения страны и сокращения численности людей трудоспособного возраста.

Список литературы

1. Нихон токэй нэнкан : [Японский статистический ежегодник] 2016 // Statistics Bureau. URL: <http://www.stat.go.jp>
2. Лебедева И.П. Судьбы пожизненного найма: социальные аспекты // Японское общество: изменяющееся и неизменное. М.: АИРО-XXI, 2014. С. 235–259.
3. Unemployed person and unemployment rate by age // Statistics Bureau. URL: <http://www.stat.go.jp>
4. Employed person by status in employment, type of employment and class of monthly hours of work // Statistics Bureau. URL: <http://www.stat.go.jp>
5. Ямада Масахиро. Кибо какуса сякай : [Общество разделенных надежд]. Токио, 2004.
6. Annual Report on the Labour Force Survey. Population aged 15 years old and over by labour force status, status in employment, type of employment and age // Statistics Bureau. URL: <http://www.stat.go.jp>
7. Marcus Rebick. The Japanese Employment System. NY.: Oxford University Press, 2004. 196 с.
8. White Paper on the Labour Economy 2014 // Ministry of Health, Labour and Welfare. URL: <http://www.mhlw.go.jp>
9. Summary Report of Basic Survey on Wage Structure (Nationwide) 2012 // Ministry of Health, Labour and Welfare. URL: <http://www.mhlw.go.jp>
10. Basic Survey on Wage Structure. Starting Salary of New Graduates // Ministry of Health, Labour and Welfare. URL: <http://www.mhlw.go.jp>
11. Scott North. Work-Life in Japan: The past is Prologue // Executive Briefing series. Boston College Center for Work and Family, 2011.
12. Мизинова А.Е. Проблема вовлечения женщин в трудовую деятельность в современной Японии // Ежегодник Япония. М.: АИРО-XXI. 2014. С. 126-140.
13. Сёкока хакусё : [Белая книга о снижении рождаемости] 2014 / Cabinet Office. URL: <http://www.cao.go.jp>
14. The Sociology of Japanese Youth. N.Y.: Nissan Institute / Routledge, 2012.

15. *Мориока Кодзи*. Коё мибун сякай : [Общество, где статус зависит от формы найма]. Токио: Иванамишинсё, 2015. 240 с.
16. David Chiavacci. From Class Struggle to General Middle-Class Society to Divided Society: Societal Model of Inequality in Postwar Japan // Social Science Japan Journal. 2008. Vol. 11. № 1.
17. *Emma E. Cook*. Expectations of Failure. Maturity and Masculinity for Freeters in Contemporary Japan // Social Science Japan Journal. 2013. Vol. 16. № 1.
18. Хэйсэй 27 нэндо дайгаку танки дайгаку кото сэммон гакко оёби сэнсю гакко соцугё ётэйся-но сюсёку дзёкё тёса : [Обследование за 2015 г. Трудоустройства выпускников университетов, краткосрочных университетов, высшей ступени средней школы и специализированных профессиональных школ] / Ministry of Health, Labour and Welfare. URL: <http://www.mhlw.go.jp>
19. White Paper on Children and Young People 2012. Figure 8 / Ministry of Health, Labour and Welfare. URL: <http://www.mhlw.go.jp>
20. *Гэнда Юдзи*. Корицу мугёся : [Неработающие одиночки]. Токио: Нихон кэйдзай симбун сюппанся, 2013. 236 с.

Поступила в редакцию 18.06.2016

Автор:

Лебедева Ирина Павловна, доктор экономических наук, главный научный сотрудник Института востоковедения РАН. E-mail: lebedeva130250@mail.ru

Japanese Youth at the Labor Market: Economic and Social Aspects

I.P. Lebedeva

The article analyzes the situation established in the past ten years in the youth segment of the Japanese labor market. The author shows shifts in the structure of youth employment as well as differences in the state of different age cohorts and in the character of employment of young men and women. Special attention is being drawn to some social problems that the Japanese youth faces as a result of changes in the structure of demand at the Japanese labor market.

Keywords: youth, forms of employment, social status, marriage and family, "non-standard" groups.

Author:

Lebedeva Irina P., Doctor of Sciences (Economics), chief researcher, Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences. E-mail: lebedeva130250@mail.ru

«Сборник наставлений в десяти разделах»: к понятию «досады», *урами*

Н.Н. Трубникова

«Сборник наставлений в десяти разделах» («Дзиккинсё:», середина XIII в.) содержит рассказы и рассуждения, интересные с точки зрения истории некоторых понятий, значимых для японской культуры в целом. В статье на основе этого источника обсуждаются круг значений слова *урами* («досада») и набор контекстов для его толкования, включая стихи китайских и японских поэтов, буддийские тексты и др.

Ключевые слова: философская мысль Японии, рассказы *сэцува*, «Сборник наставлений в десяти разделах», буддизм, поэзия вака, китайская поэзия.

«Поучительные рассказы» (説話, *сэцува*) служат основой для самых разных исследований – не только по истории литературы, но и по истории быта и нравов, а также, разумеется, по истории религий Японии. В этой статье я попробую применить еще один подход: сэцува как материал к истории одного из понятий, значимых для японской мысли. За основу я возьму «Сборник наставлений в десяти разделах» (十訓抄, «Дзиккинсё:», 1252 г.)¹ Это собрание сэцува отличается от многих других преимущественно «светской», не религиозной установкой. Конечно, в нем говорится и о посмертном воздаянии, и о чудесах богов и будд, но главная тема здесь — жизнь человека среди людей. Есть несколько гипотез насчет авторства и назначения «Сборника»; мне кажется убедительной та из них, по которой его составитель, «монах в миру Дзиро:дзаэмон из Рокухара»², был воином на службе при представителе камакурской Ставки в Столице, и книга его должна была служить для юношей из воинских семей руководством к освоению столичного вежества (см.: [5]).

Составитель «Сборника» обсуждает добродетели и пороки на примерах из самых разных текстов, в том числе из книг буддийского канона, из сочинений китайских мудрецов, из преданий японских буддийских храмов и синтоистских святилищ. Однако, если судить по числу рассказов, приходящихся на каждую из разновидностей источников, то предпочитает он мирские книги: сочинения историков, всевозможные повествования о старине китайской и японской, поэтические антологии и связанные с ними рассказы о поэтах. При этом по «Сборнику» трудно сказать, какой из источников главный или наиболее уважаемый; взгляд

¹ Я пользуюсь изданием [1], см. также [2].

² 六波羅二膳左衛門入道.

на мир здесь до некоторой степени определяется каждым из учений, известных в Японии, но не сводится ни к одному из них. Отсюда — широкий и достаточно неожиданный для исследователя подбор контекстов для тех понятий, о которых ведется речь, будь то дружба, любовь, преданность господину, осмотрительность, терпение и др.³ Построение «Сборника» в целом следует буддийской схеме десяти добродетелей [6, р. 219–221], однако в точности не повторяет ее:

	Десять добродетелей	Разделы «Сборника наставлений»
1	Не убивать 不殺生	Нужно по-доброму обходиться с людьми
2	Не красть 不偷盜	Нужно отдалиться от чванства
3	Не распутничать 不邪淫	Не презирать людские дела
4	Не лгать 不妄語	Нужно быть осторожным с людьми
5	Не злословить 不惡口	Нужно выбирать друзей
6	Не лицемерить 不兩舌	Нужно быть преданным и прямым
7	Не болтать попусту 不綺語	Нужно всегда поступать обдуманно
8	Избегать жадности 不貪欲	Во всем нужно быть терпеливым
9	Избегать гнева 不瞋恚	Нужно умерять свои запросы
10	Избегать дурных воззрений 不邪見	Нужно ценить дарования

Один из разделов «Сборника», девятый, построен вокруг понятия 恨み, *урами*. Что это за тягостное чувство и как составитель советует с ним справляться, я и постараюсь выяснить.

В заглавие девятого раздела вынесено слово 懇望, *коммо*: — «запросы», «притязания»; их нужно «умерять», «сдерживать», *тодомубэки*. Самоограничению, умению довольствоваться малым учат и буддисты, и конфуцианцы, и даосы, но каждый на свой лад. И желания, которые надо смирять, в каждом случае отчасти разные, хотя частично и совпадают. Допустим, неумеренность в еде, выпивке или любовных утехх порицают все три учения, а пристрастие к книгам, тягу к учености осудили бы буддист и даос, но не конфуцианец, и т.д. О каких же запросах поведет речь составитель «Сборника»?

Во введении к девятому разделу он пишет:

Некоторые говорят: если человек твоему сердцу не угодит — тот ли, на кого ты полагался, или кто-то из близких, — не надо давать волю досаде [*урами*].

Бывает, ты с кем-то не сумел договориться; бывает, кто-то не исполнил обещанного. Нужно великодушно вытерпеть и переждать, а не обижаться и не гневаться: как же, мол, они так себя ведут! Им тогда станет стыдно и жаль, а если ты из-за досады станешь действовать поспешно, то, наоборот, они на тебя рассердятся, и так из-за чепухи случится большое несчастье.

³ См.: [3–4].

Лао-цзы сказал: «Человек, знающий судьбу, не досадует на Небо; человек, знающий себя, не досадует на людей»⁴. Верны эти слова!

Итак, речь пойдет не о желаниях вообще, а о том, чего человек ждет от других людей, и словом *урами* называется реакция на обманутые ожидания: досада, обида, гнев, разочарование и т.д. За введением следует восемь рассказов *сэцува* — примеры людей, устоявших против этого чувства или поддавшихся ему.

Первый рассказ я приведу полностью, он может служить хорошим примером стиля, принятого в «Сборнике».

Во времена Великого затворника храма Ниннадзи⁵ общинный начальник из молельни Дзёдзюин звался еще просто учителем таинств⁶. В ту пору освящали девятиярусную пагоду в Сиракава⁷. Великий затворник сказал:

— В этот раз нас наградят, и я непременно уступлю награду тебе.

Так он обещал, и учитель таинств почтительно согласился. Они провели освящение, как задумали, но когда вручали награду, то досталась она сыну старшего господина Кёгёку, ученику учителя таинств⁸. Когда оказался со старшим господином лицом к лицу, учитель сказал:

— В этот раз награду получил наш младший монашек! — и выглядел неожиданно довольным. Господин не нашелся, что ответить. Сын же его получил звание «Око Закона»⁹.

Великий затворник беспокоился:

⁴ 命を知れる者は、天を怨みず、己を知る者は、人をも怨みず, *Иноти-о сирү моно ва тэн-о урамидзу, онорэ-о сирү моно вахито-о урамидзу*. С именем Лао-цзы это изречение обычно не связывают; оно восходит к книге «Сад речений» (説苑, «Шо юань», 16–36); в книге «Сюн-цзы» (荀子, 4–6) есть похожее изречение, но в другом порядке: «Знающий себя не досадует на людей, знающий судьбу не досадует на Небо».

⁵ Он же принц-монах Сё:син 性信法親王(1005–1085), сын государя Сандзё. Великий затворник, 大御室 Оомуро, – величание государевых родичей, принявших монашество, в данном случае в храме Ниннадзи 仁和寺 в Столице, где процветало «тайное учение» школы Сингон.

⁶ Он же монах Кандзё 寛助 (1057–1125), сын Минамото-но Морокаты, ученик Сёсина. Общинный начальник 僧正 *со:дзё*; — одна из высших должностей в японской буддийской общине. Самой высокой должностью Кандзё была должность *дайсо:дзё*, старшего общинного начальника (с 1121 г.). Молельня Дзё:дзю:ин 成就院 принадлежала к столичному храму Киёмидзу; Кандзё некоторое время возглавлял ее, но не в пору тех событий, с которых начинается этот рассказ. «Учитель таинств», 阿闍梨, *адзяри*, — санскр. *ачарья*; обозначение наставника «тайного учения», оно же буддийское прикладное учение об обрядах.

⁷ Проводили обряд 養供, *күё*;, по случаю возведения пагоды. Местность Сиракава в ближайших окрестностях Столицы, в конце XI в. заново застраивалась, в том числе и храмами, о котором из них идет речь, неясно.

⁸ Старший господин Кё:гёку 京極大進, здесь — Фудзивара-но Мородзан э 藤原師実 (1042–1101), был регентом при государях Сиракаве (в 1075–1086 гг.) и Хорикаве (в 1094–1099 гг.), а с 1086 г. по 1094 г. занимал должность канцлера. Среди его многочисленных сыновей несколько приняли монашество; который из них имеется в виду здесь, неясно. По записям храма Ниннадзи известно, что существенно позже описываемых событий, в пятом году Эйкю: 永久 (1117 г.) после освящения пагоды в Сиракава званием «Око Закона» (см. ниже) был награжден ученик Кандзё по имени Гэнкаку 源覚 (1079–1136), сын Минамото-но Тосифусы 源俊房; возможно, в рассказе перепутаны два разных события (похожие исторические нестыковки в «Сборнике» есть и в других рассказах).

⁹ «Око Закона» 法眼 *Хо:гэн*, — одно из высших званий в японской буддийской общине.

— Учитель, должно быть, думает: до чего досадно!

На другой день учителя нигде не было видно. «Да что такое? Пустился он, что ли, в странствия? Или уж настолько разгневан?» — так размышлял Великий затворник в смущении. Но когда солнце встало высоко, учитель к нему явился. Странно, — подумал Великий затворник и спросил:

— Куда же ты уходил?

— Поздравить ученика с новым званием, «Оком Закона», — отвечал тот и ничуть не выглядел обиженным. Великий затворник и рад был, и жалел его.

Хотя в тот раз учителя обошли, позже его стали награждать все щедрее. Он сделался общинным начальником, а во времена государя-монаха Тобы¹⁰ почитался как живой будда¹¹; по тогдашнему обычаю его величали «монахом-канцлером»¹². Удивительный был человек! (9–1).

Как и во многих других рассказах «Сборника», здесь о чувствах центрального персонажа мы узнаем только через его действия. Стороннее суждение оказывается ошибочным: принц-монах (Великий затворник) предполагает, что Кандзё, не получивший награды, должен был бы досадовать, гневаться — на мирские власти, на ученика, которому награда досталась, на вельможного отца этого ученика или на самого принца-монаха, раз тот обещал награду, но не сумел ее выхлопотать. Отметим, что карьерные устремления столичных родовитых монахов здесь вовсе не считаются чем-то необычным или неподобающим. Наоборот, Кандзё удивляет окружающих, когда радуется чужой награде и не сожалеет, что самого его обошли. И такое отношение к «обидам» оказывается правильным, что подтверждается дальнейшими успехами наставника на храмовой службе.

В рассказе 9–2 речь снова идет о событиях времен правления государя-монаха Сиракавы. Столичный сановник, знаменитый поэт Фудзивара-но Акисуэ 藤原顕季 (1055–1123) ведет спор из-за некоего поместья в восточных землях с Минамото-но Ёсимицу 源義光 (1045–1127), сыном прославленного полководца Минамото-но Ёриёси. К отрекшемуся государю Акисуэ ближе многих (его мать была кормилицей Сиракавы), однако тот советует отказаться от притязаний на спорное имение. Ты не обеднеешь, — говорит государь-монах, — а что до Ёсимицу, то он «как дикарь, человек без сердца»¹³, и если дело решится в твою пользу, может в отместку учинить что-нибудь дурное. Акисуэ следует совету: приглашает Ёсимицу к себе и передает ему все права на имение. Ёсимицу смущен, но соглашается их принять, а потом с неудовольствием замечает: теперь, куда бы он ни выехал, за ним следует неизвестная ему вооруженная свита, и на вопрос, чьи они люди, свитские

¹⁰ Государь Тоба 鳥羽天皇 (1103–1156, прав. 1107–1123) правил как государь-монах в 1129–1156 гг. Монах Кандзё в 1113 г. проводил обряды ради исцеления государя Тобы от недуга, государь выздоровел, и после этого монашеская карьера Кандзё быстро пошла вверх.

¹¹ 生き仏, *икибуцу*.

¹² 法師関白, *Хо:си-кампаку*.

¹³ えびすのやうなる者、心もなき者, *Эбису-но ё:нару моно, кокоро-монаки моно*. «Без сердца» — здесь, вероятно, подразумевает, что человек лишен не столько сочувствия к другим, сколько соображения, понимания происходящего.

отвечают: ваши¹⁴. Акисуэ же с благодарностью понимает, что совет государя-монаха был правильным. Составитель «Сборника» подытоживает: «Слушая подобные рассказы, люди, имеющие опору в господине, должны понять: нужно его решения, даже неприятные, обдумывать со всех сторон и не поддаваться досаде».

Следующий пример (в рассказе 9–3) взят из более ранних времен. Это вражда Фудзивара-но Асахиры 藤原朝成 (917–974) к Фудзивара-но Корэмаса 藤原伊尹 (924–972), известная по «Великому зеркалу» (大鏡, «Оокагами», XI в.) и другим источникам¹⁵. Корэмаса делает блестящую карьеру при дворе, Асахира поначалу злословит о нем, но когда Корэмаса назначают регентом (в 970 г.), сам приходит к нему просить о помощи в продвижении по службе. Корэмаса отказывает; Асахира раздосадован настолько, что в гневе ломает свою должностную дощечку 笏, *сяку*. После этого Асахира начинает являться как «живой дух» 生霊, *сё:рёй*, — дух, который отделяется от тела живого человека, и, подобно «гневному духу» умершего, нападает на обидчика¹⁶. Вскоре Корэмаса умирает, а его дети и внуки еще долго боятся заходить в тот дом, где его мучил дух Асахиры. Составитель заключает: «Такая глубокая обида — причина воздаяния бедами, и это нехорошо!».

К этому рассказу есть краткое продолжение:

Левый министр Акимицу¹⁷ досадовал на канцлера Мидо¹⁸, соперничая с ним из-за дочерей: кому из девиц быть женой затворника из Малой молельни с Первой улицы¹⁹. Акимицу сделался злым духом и поседел за одну ночь: вот до чего страшна была его досада!

У того, который спускался с башни Пронзающей облака, голова в одночасье побелела снегом, но не от досады²⁰ («Дзиккинсё:» 9–3).

¹⁴ Вероятно, их посылает государь-монах, чтобы следили за Ёсимицу и чтобы столичные жители видели: этот человек опасен, за ним нужен надзор.

¹⁵ Асахира, согласно «Великому зеркалу», в молодости был другом Корэмасы, хотя внутри рода Фудзивара занимал гораздо более низкое положение. Однажды два друга договорились, что Корэмаса при очередном назначении уступит Асахире должность, но Корэмаса передумал, и Асахира о том рассказывал в неучтивых выражениях. Позже, уже в зрелые годы, Асахира приезжает просителем к Корэмаса, долго ждет во дворе под жарким солнцем, уезжает ни с чем и вскоре умирает, проклиная бывшего друга и всех его близких [7, с. 102–103].

¹⁶ В японской словесности самый известный пример «живого духа» обсуждается в «Повести о Гэндзи», это дух ревнивой госпожи Рокудзё. В «Великом зеркале» Асахира бесчинствует уже как мертвый дух.

¹⁷ Фудзивара-но Акимицу 藤原顕光 (944–1021).

¹⁸ Фудзивара-но Митинага 藤原道長 (966–1028).

¹⁹ Затворник из Малой молельни с Первой улицы 小一条院, Коитидзё:ин, он же принц Ацуакира 敦明親王 (994–1151), старший сын государя Сандзё:, некоторое время был наследником престола, и в ту пору был женат на Энси, дочери Акимицу. Потом наследник отрекся и удалился на покой, попросив себе в жены одну из придворных дам, дочь Митинаги, а госпожу Энси покинул [Оокагами 2000, 79–80, 111]. Тогда Акимицу будто бы решил погубить Митинагу и, по разным версиям, то ли сделался злым духом, то ли нашел заклинателя, чтобы тот навел на Митинагу порчу; вскоре и Акимицу, и его дочь умерли.

²⁰ Башня Пронзающая облака 凌雲台, кит. Лин-юнь-тай, была построена в Китае при государе Мин-ди династии Вэй 魏明帝 (прав. 227–239). Знаменитый каллиграф Вэй Дань 韋誕 (179–253) поднялся в корзине на веревках на эту башню, чтобы сделать надпись, а когда спускался тем же способом, поседел от страха. Рассказ об этом входит в сборник «Новые речи, в свете ходящие» (世説新語, кит. «Шишюсин-юй», V в., 10–77).

Подобные места, как мне кажется, помогают понять, для кого и для чего составлен «Сборник». Кроме воспитательной задачи он решает и задачу просветительскую: ввести читателя в мир классической словесности, научить его ориентироваться в том наборе расхожих цитат, примеров и анекдотов, которые звучат в речах столичных образованных людей. Поэтому, в частности, нужно обращать внимание на случаи, когда по «ключевым словам» пример вроде бы подходит, но, по сути, к теме не относится (как здесь: некто поседел, но не от чувства *урами*, а от страха).

Порой обида губит не обидчика, а обиженного: так, в рассказе 9–4 Фудзивара-но Санэнобу 藤原誠信 (964–1001) не может стерпеть успеха своего младшего брата Таданобу 藤原齊信 (967–1035). Тот получил чин Среднего советника, *тю:нагон*, прежде брата, и Санэнобу, «забыв собственные печали»²¹, не мог стерпеть гнева из-за того, что так случилось, думал: — «Как же горько!» — и через семь дней умер от досады. Он скончался, сжимая кулаки, и так силен, должно быть, был гнев в его сердце, что ногтями он изранил ладони насквозь. Случается, младший брат превосходит старшего: и у государей, и у подданных это не редкость. Но когда доходит до такого, это страшно». Для *урами* в этом значении, видимо, ближайшим русским аналогом была бы «зависть».

Похожее чувство испытывал, например, Фудзивара-но Санэцуна 藤原実綱 (1128–1180), чьи младшие братья продвигались по службе, а он отставал; однако он свою горечь излил в песне:

<i>Ика нарэба</i>	Как же так
<i>Вага хитоцура-но</i>	Почему меня
<i>Какарураму</i>	Бросили одного?
<i>Ураямасикива</i>	Досадно [проводить]
<i>Аки но кариганэ</i>	Вереницу осенних гусей... ²²

Досада его, должно быть, была глубока, но он ее держал при себе, не доходил до такого, как Санэнобу. Тот в здешнем мире обрел воздаяние, как на дурном пути²³, и надо думать, это было нехорошо!

Средний советник Акимото часто повторял: «О, как хотел бы я смотреть на луну, будучи без вины сосланным»²⁴. Это совсем не тот случай, что у Санэнобу. Не глупо ли: тому повезло, явился мудрый друг, а он понапрасну лишился жизни, — не бесполезно ли?

²¹ Видимо, его не печалило, что он сам не оказался достойным, а мучил только успех младшего брата.

²² Песня прозвучала на поэтическом состязании святилища Сумиёси в 1170 г.

²³ То есть при жизни страдал так, как страдают существа, возродившиеся узниками ада, животными или голодными духами.

²⁴ Слова Минамото-но Акимото (源顯基, 1000–1047), приведенные здесь, известны по «Запискам» Ооэ-но Масафусы («*Годансё*», раздел «О разном», 15). Прочитирован перевод М.В. Грачева [8, с. 194].

Больше того: монах Кандзан возродился богом-громовником²⁵; в прежнем рождении государь Сэйва²⁶ обратил заслугу от чтения «Сутры о Цветке Закона» на дурные цели, — то и другое имело причиной глубокую досаду («Дзиккинсё:» 9–4).

«Мудрый друг» здесь — 善知識, *дзэнтисики*, санскр. *кальяна митра*. В буддийском учении этим словом называется тот, от кого человек узнает о Законе Будды, под чьим благим влиянием вступает на путь подвижничества. Часто «мудрыми друзьями» выступают не учителя как таковые, а те, кто впечатляет примером, в том числе и дурным: допустим, злодей при жизни поплатился за свои злодеяния и тем самым стал «мудрым другом» для окружающих, убедил их, что подобные деяния недопустимы. В «Собрании песка и камней» (沙石集 «Сясэкисю:», конец XIII века) есть несколько рассказов *сэцува*, где люди оказываются для ближних «мудрыми друзьями», создавая для них невыносимые условия жизни в здешнем мире и тем самым подталкивая к Пути Будды (так индийский царь Аджаташатру, убив отца и заточив в темницу мать, сделался «мудрым другом» и ей, и множеству людей, ибо царица, терзаемая горем, взмолилась к Будде, а Будда в ответ дал ей знаменитое наставление о Чистой земле)²⁷. В «Сборнике» понятие *дзэнтисики* взято в более широком значении: тот, чей пример помогает человеку стать лучше, не обязательно в буддийском смысле слова. Таким примером мог бы стать для Санэнобу младший брат (побудить его серьезнее относиться к службе, постараться преуспеть и т.п.), но Санэнобу этому примеру не последовал.

Следующий рассказ в «Сборнике» (9–5) вообще не содержит *сэцува* как таковых. Начинается он с примеров из китайских стихов и японских песен, где упоминается чувство *урами*.

²⁵ Кандзан 寛算, тж. 桓算 (904? – 940?) был монахом дворцовой молельни; по версии «Великого зеркала», он от досады (неясно, на что) стал гневным духом и наслал глазную болезнь на государя Сандзё [Оокагами 2000, 50, 96]; то же в «Повести о доме Тайра» (свиток 3, глава 1). По версии «Собрания драгоценностей» (宝物集, «Хо:буцу-сю:», конец XII в.), некоторые пожары во дворце, обычно приписываемые духу Сугавара-но Митидзанэ, на самом деле устраивал дух Кандзана.

²⁶ 清和天皇 (850–881, прав. 858–876). В «Записках» Ооэ-но Масафусы (раздел «О разном», 5) говорится, что некий монах желал стать служителем дворцовой молельни, но не был назначен, и причиной тому была его предполагаемая близость к Томо-но Ёсио 伴善男 (811–868) – человеку незнатному, который добился большого успеха при дворе и тем вызывал враждебность у более родовитых вельмож. Монах три тысячи раз прочел «Лотосовую сутру» и обратил заслуги от этого деяния на три цели: во-первых, стать в будущей жизни государем; во-вторых, помешать дальнейшей карьере Ёсио, и только в-третьих, – обрести Путь Будды. Монах, действительно, возродился в государевом роду, еще ребенком взошел на престол (это и был государь Сэйва), продолжал питать неприязнь к Ёсио, хотя в новом рождении для этого, как казалось, и не было причин, и в итоге в правление Сэйва карьера Ёсио потерпела крах (возможно, по вине самого Ёсио, точнее, по необъяснимой глупости, которую тот совершил: устроил пожар во дворце, чтобы приписать поджог своему сопернику). Некоторые, впрочем, считали Ёсио невиновным, в том числе Минамото-но Акимото (ср. выше); у Ооэ-но Масафусы Акимото говорит о несправедливо сосланном, имея в виду именно Ёсио.

²⁷ См.: [9], рассказы I–10, II–8, III–1, III–8, IV–1, Va–1, Vb–10, IV–9, VI–15, VIII–23, IX–10, IX–11, Xa–1, Xa–2, Xa–7, Xb–1, Xb–3.

Прежний господин Ооэ²⁸, когда умер его сын Сумиакира, молился, чтобы узнать, где тот возродился, и в пожелании написал:

悲之亦悲
莫悲於老後子
恨而更恨
莫恨於少先親

Горько и снова горько
— как горько старику пережить свое дитя!
Досадно и снова досадно
— как досадно младшему опередить родителя!

Он досадовал, что нарушен порядок: старший прежде, младший после. И в самом деле, надо понимать: это так горько, что трудно смириться.

Японские поэты, когда слагают китайские стихи *канси*, разумеется, следуют собственно китайским образцам. Что касается обсуждаемого чувства и соответствующего слова 恨, кит. *хэнь*, то ему посвящено, например, стихотворение Цзян Яня 江淹 (444–505)²⁹, где «досаду», «обиду» вызывают не чьи-то поступки, а зрелище мертвого тела и мысль о смерти. Еще более знаменито стихотворение Бо Цзюй-и 白居易 (772–846) о том, как мучился танский государь Сюань-цзун, потерявший любимую наложницу Ян-гуйфэй. В русском переводе Л.З. Эйдлина, это «Вечная печаль» или «Песнь о бесконечной тоске», долгое чувство здесь — все то же *урами* (長恨歌, кит. «Чжанхэнь-гэ», яп. «Тё:кан-ка»). В этом случае тоже трудно сказать, что государь досадует на кого-то из людей: скорее, на все устройство мира, где люди смертны. Так же горевал о наложнице Лиханьский государь У-ди, о нем тоже есть стихи у Бо Цзюй-и, и здесь цитируется строка из них. «Насколько же глубок этот грех!», — пишет составитель; видимо, речь идет и о грехе досады, и о тех грехах, что порождают причины для нее: прошлые деяния, за которые государь расплачивается, когда встречает роковую красавицу, и чувство любви, которому он поддается и потом страдает.

Дальше составитель «Сборника» приводит строки из знаменитых японских песен *вака*, где встречается слово *урами* и родственные ему: глагол *ураму* и др.

«Обещает, но не идет», а в сумеречном небе «звон колокола отмеряет время» — до чего же досадно! «Еще не расстались», но уже светает, и «неурочные птичьи голоса» вызывают досаду...³⁰ Хотя любовная тяга имеет причину в тех же деяниях, что вызывают рождение и смерть, но часто бывает, что сами люди несхожи, как дерево и

²⁸ Ооэ-но Асацуна 大江朝綱 (886–958) знаменит как знаток китайских книг и каллиграф. Его сын Сумиакира 大江澄明 умер в 950 г. (год рождения неизвестен).

²⁹ 恨賦, кит. «Хэнь-фу», яп. «Кон-фу:»

³⁰ Здесь сведены воедино несколько песен *вака*, комментаторы выделяют отсылки по меньшей мере к трем. 1) Тигириси ни || Арануцураса-но || Ау кото-но || Наки-ни хаэ косо || Урамидзарикири — «Когда обещает, но не приходит, горечь от этого такова, что не досадно было бы вовсе не встречаться» («Поздний изборник», «Госэнсю:», № 785). 2) Мацу ёи-ни || Фукэюкуканэ-но || Козикиэба || Аканувакарэ-но || Тори ва моно ка ва («Собрание старых и новых песен», «Синкокинсю:», № 1191). В переводе И.А. Борониной: «Звон колокола, || Что отсчитывает время, || Печальнее еще, || Чем на рассвете || Крик петуха» [10, с. 120]. 3) Каэрицуру || Нагори-но сора-о || Нагамурэба || Нагусамэ-гатаки || ариакэ-но цуки — «Когда пора возвращаться, смотришь при расставании в небо и трудно утешиться луной на рассвете» («Песни за тысячу лет», «Сэндзайсю:», раздел «Любовь»). 4).

камень, и оттого погружаются в досаду. Нет числа таким случаям и в прошлом, и в настоящем. Остается одно: пока можешь, не поддавайся страсти к разрушительницам крепостей³¹.

Ниже в рассказе 9–5 и в трех следующих составитель «Сборника» будет говорить о том, что делают люди, пытаясь одолеть «досаду». Прежде чем перейти к этому, он подводит промежуточный итог, звучащий неожиданно:

Итак, среди восьми страданий человека «соединение с ненавистным» — это и есть досада. И правитель страны, и великий сановник не избегают этого. Что уж и говорить о тех, кто ниже!

Восемь страданий, в буддийском учении — рождение, старение, болезнь, смерть, разъединение с любимым, соединение с ненавистным, невозможность обрести желаемое, непрочность «пяти теней» (составляющих мир нашего опыта). «Соединение с ненавистным» 怨憎会, ондзо:э, санскр. *априя-самйога*, подразумевает не только ненавистных людей, но также неприятные вещи и обстоятельства. Казалось бы, из сказанного раньше следует, что *урами* — это чувство или от расставания с любимыми, или от невозможности обрести желаемое — должность, почести и т.п. Но здесь получается, что предмет «досады» — не то, чего человек лишился, а то, что у него есть, но перестало радовать: его собственный чин (раз у других чины выше), луна в небе (раз сейчас придется расстаться с любимой), все звуки и краски мира (раз любимая умерла). В том же смысле *урами* появляется в других разделах «Сборника»: например, в рассказе 7–9 знаменитый поэт Фудзивара-но Кинто: (藤原公任, 966–1041) досадует просто на придворную службу, не чувствуя при этом зависти к кому-либо³².

Отсюда понятно, почему *урами* побуждает бежать от привычного окружения:

...для мира нашего обычно, что люди и вещи нам не по сердцу, и это следовало бы понимать; но глупые люди так не считают, не учитывают, что таков порядок вещей, и поддаются досаде. Сердца их нетерпеливы, они, ни с кем не советуясь, бросают службу и затворяются, или покидают дом, уезжают из Столицы, — таков один разряд людей. У других помыслы упорно стремятся к Пути, и даже если они преуспели в нашем текущем мире, все равно понимают: это не могло бы длиться долго, надо порадоваться встрече с мудрыми друзьями³³. Но и таким людям не удастся отбросить самих себя, и досада так и следует за ними, сожаления идут по пятам; порой, уже выйдя

³¹ 傾城, кит. *цинчэн*, яп. *кэйсэй*, в дальневосточной классике — обозначение роковой красавицы (такой, что влюбленный в нее правитель потеряет голову, и его крепость будет разрушена врагами).

³² Своеобразное утешение Кинто находит в том, что просит своих друзей-литераторов сочинить для него текст прошения об отставке (такие прошения составляли один из жанров мужской риторической прозы). Впрочем, ни один из набросков ему не нравится; удивительным образом идею для прошения, которое бы ему подошло, подает дама — жена одного из его друзей, поэтесса Акадзомэ-эмон.

³³ *Дзэнтисики*, ср. выше.

из мира, они мечутся туда-сюда, а порой скрываются на Коя или в Кокава³⁴, но однажды возвращаются, на смех людям. Разве не стыдно, когда о тебе скажут такое?

Завершается рассказ еще одной песней; в «Сборнике» она приписана поэту Сайгё 西行 (1118–1190), на самом деле, вероятно, принадлежит Фудзивара-но Корэкате 藤原惟方 (XII век):

<i>Сиба-но ио-ни</i>	В хижину из прутьев
<i>Ми-оба кокоро-но</i>	Меня мое сердце
<i>Сасоикитэ</i>	Привело,
<i>Кокоровами-нимо</i>	Но сердце за мною сюда
<i>Совадзунаринару</i>	Так и не последовало.

Смысл этой песни, вероятно, такой: горькие мысли побудили человека уйти в отшельники, но в отшельничестве эти мысли не изменились, не успокоились.

В рассказе 9–6 Татибана-но Масамити 橘正通 (X век) на пиру слагает стихи *канси*, где сравнивает себя с двумя знаменитыми китайцами. Один из них, Янь Сы 顏駟, по преданию, жил в эпоху Хань; этого старца спросили, как он прожил жизнь, и он рассказал: жил я при трех правлениях, первый из государей любил ученость, а я был воином, второй ценил красоту, а я был уродлив, третий отличал молодых, а я уже был стар; так я дожил до седин и ни разу никому не пригодился. Другой, Бо Луань 伯鸞, жил в эпоху Поздней Хань, по преданию, разочаровался в службе и удалился в горы. Не сказано, почему Масамити был также недоволен своей службой при дворе, но Минамото-но Тамэнори 源為憲 (941–1011), слыша его стихи, понимает, что Масамити задумал бежать. И действительно, тот вскоре отбывает в Корею, и дальнейшая его судьба неизвестна.

Один из самых знаменитых отшельников средневековой Японии — это, конечно, автор «Записок из кельи» Камо-но Тёмэй 鴨長明 (1154–1216). Судя по «Сборнику», в середине XIII века его слава уже была велика. Его *урами* здесь объясняется тем, что он, имея родовые права на жреческую должность в святилище Камо, не получил ее: «досадуя на свой век³⁵, он ушел из дому», стал монахом. В рассказ 9–7³⁶, посвященный ему, включены две песни; правда, в других источниках они за Тёмэем не числятся.

К первой из этих песен в «Сборнике» дано примечательное толкование:

<i>Идзукуёри</i>	Откуда
<i>Хитоваирикэму</i>	Пришел тот человек
<i>Макудзухара</i>	На поле Макудзухара?

³⁴ Гора Ко:я 高野 и храм Кокава 粉河 славились как места горного подвижничества.

³⁵ 世を恨みて, *ё-о урамитэ*, тж. «досадуя на мир».

³⁶ Разбор рассказа см. в статье [11].

Акикадзэфукиси
Мити ёридзо коси

Верно, с той пришел дороги,
Где дует осенний ветер³⁷.

Мрак в сердце, полном глубокой досады, заставляет какое-то время блуждать, но когда человеком руководят такие мысли, он в итоге вступает на истинный путь, — вот о чем он говорит. Рождения и смерти — то же самое, что нирвана, страсти и страдания — по сути то же, что просветление³⁸; надо думать, насчет этих истин он не заблуждался.

Составитель «Сборника» здесь отсылает к теории, согласно которой вращение в круговороте перерождений тождественно освобождению, а заблуждение — просветлению. Учение об «исконной просветленности» каждого существа, *хонгаку*, основанное на этом, так или иначе, принимали почти все традиции японского буддизма, см.: [13]; по «Сборнику» можно судить, что формулировки этого учения стали к середине XIII в. настолько общим местом, что могли цитироваться без каких-либо пояснений.

Дальше говорится о том, как Тёмэй жил в Оохара близ Столицы, составлял «Записки», молился будде Амида, а в перерывах между молитвами занимался музыкой, играл на *кото* и *бива*. Отрекшийся государь Готоба-ин пригласил его поработать в Песенной палате, *Вакадокоро*³⁹, но Тёмэй отказался:

Сидзуминики
Има сара Вака-но
Ура нами ни
Ёсэба я ёраму
Ама но сутэфунэ

Уже утонула
В волнах
Песенной бухты,
На что же годится
Брошенная рыбацья лодка?⁴⁰

И в конце концов так и умер затворником.

Кто досадует на мир или на людей — всякому бы так прожить жизнь!

Герой рассказа 9–8, последнего в этом разделе «Сборника», — Фудзивара-но Корэмита 藤原伊通 (1093–1165). В 1130 г. его охватывает *урами*, когда нескольких чиновников повышают по службе, — при том, что все они годами старше его, и, казалось бы, обижаться ему не на что. Корэмита уходит в отставку с трех должностей, которые занимал, сжигает свой роскошно отделанный возок прямо посреди столичной улицы, в домашнем платье садится на коня и уезжает к некой веселой девице — ибо теперь он решил жить как «никчемный человек» づら者, *дзурамоно*, пусть и не как отшельник. Три года он проводит

³⁷ Процитирован перевод М.В. Торопыгиной [12, с. 37].

³⁸ 生死・涅槃、所同じく、煩惱・菩提、体一なり。

³⁹ Песенная палата 和歌所, *Вакадокоро*, отвечала за отбор стихов для антологий. Государь Готоба-ин восстановил это ведомство после долгого перерыва, когда задумал создать «Собрание старых и новых песен»; Камо-но Тёмэй был приглашен участвовать в этой работе и согласился. См.: [14].

⁴⁰ О Песенной бухте, Ваканоура, см.: [15].

вне столицы, потом его с повышением возвращают ко двору, и в итоге, уже в 1160-х годах, назначают Великим министром 大政大臣, *Дайдзё:дайdzин*.

Так сложилось, ибо в те давние времена способности у людей были лучше. Но и тогда подобное случалось редко, так что нынешним людям, пожалуй, трудно подражать тогдашним.

А вообще, как сказано в песне госпожи Нидзё-но ин-но Сануки,

<i>Уки-монао</i>	Покуда не поймешь,
<i>Мукаси-но юэ-то</i>	Что все происходящее
<i>Омовадзу-ва</i>	Имеет корни в прежней жизни,
<i>Ика-ни коно ё-о</i>	Ты будешь без конца роптать
<i>Урамихатэмаси</i>	На беды, что тебя постигнут ⁴¹ .

И это верно!

Если свести воедино примеры и рассуждения, вошедшие в 9-й раздел «Сборника наставлений», то можно сказать, что под *урами* понимается болезненное недовольство жизнью, возникающее, когда человек сопоставляет свою участь с участью другого или других, причем часто, но не всегда, другой кажется ему счастливее, чем он сам. Это чувство опасно прежде всего не тем, что побуждает вредить другим (в отличие от «гнева»), а тем, что заставляет разрушать собственную жизнь. Иногда *урами* оборачивается на пользу человеку, но не в том смысле, что побуждает догонять или перегонять других: в отличие от «белой зависти» и тому подобных чувств, предполагающих соперничество. Скорее, на развалинах того, что разрушено, человек выстраивает себе какую-то новую, более интересную жизнь.

В дальнейшем мне хотелось бы продолжить разговор о словаре чувств в японской мысли на основе того же «Сборника наставлений».

Список литературы

1. Дзиккинсё: 十訓抄 : [Сборник наставлений в десяти разделах] / под ред. Асами Кадзухико 浅見和彦 / Синхэн нихон котэн бунга кудзэнсю: 新編日本古典文学全集 : [Полное собрание памятников японской классической литературы. Новая серия]. Т. 51. Токио: Сёгаккан 小学館, 1997.
2. Дзиккинсё: 十訓抄 : [Сборник наставлений в десяти разделах]. URL: <http://yatanavi.org/text/jikkinsho/index.html>
3. Трубникова Н.Н. «Равные помыслы»: истории о дружбе в японской словесности (по «Сборнику наставлений в десяти разделах») // Человек. 2015. № 6. С. 142–160.
4. Трубникова Н.Н. «Сборник наставлений в десяти разделах»: рассказы о преданности и прямоте // История и культура традиционной Японии 9 (в печати).

⁴¹ «Новое собрание старых и новых песен» («Синкокинсю:», 1205 г.) № 1966. Приведен перевод И.А. Бороной [10, с. 296].

5. Трубникова Н.Н. «Сборник наставлений в десяти разделах» («Дзиккинсё») и вопрос о светской мысли в эпоху Камакура // История и культура традиционной Японии 8. СПб.: Гиперион, 2015. С. 111–122.
6. Lewin B. Japanische Chrestomathie von der Nara-Zeit bis zur Edo-Zeit. Wiesbaden: Otto Harrassowitz Verlag, 1965. Bd. 2.
7. О:кагами — Великое зеркало / пер. со старояп., исследование и комментарий Е.М. Льяконовой. СПб.: Гиперион, 2000.
8. Япония в эпоху Хэйан (794–1185). Хрестоматия / составление, введение, пер. с древнеяп. и комментарии М.В. Грачева / *Orientalia et Classica*. Труды Института восточных культур и античности РГГУ. Выпуск XXIV. М.: РГГУ, 2009.
9. Мудзю Итинэн. Собрание песка и камней / пер. со старояп. Н.Н. Трубниковой под ред. А.Н. Мещерякова. URL: <http://trubnikovann.narod.ru/MujuInd.htm>
10. Синкокинсю: Японская поэтическая антология XIII века. В 2 т. / пер. с яп., предисловие и комментарии И.А. Борониной. М.: Коралклуб, 2001. Т. 2.
11. Geddes W. The Courtly Model. Chōmei and Kiyomori in Jikkinshō // *Monumenta Nipponica*. Vol. 42, No. 2 (1987). P. 157–166.
12. Камо-но Тёмэй. Записки без названия. [Сётэцу.] Беседы с Сётэцу / пер. с яп., вступительная статья, комментарии и исследование М.В. Торопыгиной. СПб.: Гиперион, 2015.
13. Трубникова Н.Н. Традиция «исконной просветленности» в японской философской мысли. М.: РОССПЭН, 2010.
14. Торопыгина М.В. 10 песен Камо-но Тёмэй в «Синкокинсю» // История и культура традиционной Японии 5. СПб.: Гиперион, 2012. С. 310–328.
15. Торопыгина М.В. Бог Сумиёси как поэт и покровитель поэзии // История и культура традиционной Японии 6. М.: Наталис, 2013. С. 105–132.

Поступила в редакцию 19.06.2016

Автор:

Трубникова Надежда Николаевна, доктор философских наук, зам. главного редактора журнала «Вопросы философии», старший научный сотрудник ШАГИ РАНХиГС.
E-mail: trubnikovann@mail.ru

Jikkinshō: to the Concept of urami [bitterness]

N.N. Trubnikova

The *Jikkinshōsetsuwa* collection [Collected Admonitions in Ten Sections, 1252] contains stories and discourses interesting from the point of view of history of some concepts which play a significant role in Japanese culture as a whole. Being based on this original source, the article presents a range of meanings of the word "urami" [bitterness] and a variety of contexts for its interpretation, including poems by Chinese and Japanese poets, Buddhist texts, etc.

Keywords: Japanese philosophy conceptions, *setsuwa* tales, *Jikkinshō*, Buddhism, *waka* poetry, Chinese poetry.

Author:

Trubnikova Nadezhda N., Doctor of Sciences (Philosophy), deputy editor-in-chief, «Voprosy Filosofii» Journal; senior researcher, School of Actual Studies in Humanities RANEPa. E-mail: trubnikovann@mail.ru

О японской политике и политологии (по страницам трудов Иногути Такаси)

С.В. Чугров

В этом обзорном эссе рассматриваются тексты, написанные за последние шесть лет политологом мирового класса Иногути Такаси и посвященные анализу японской политики и политологии. Хотя современная политология возникла только в XX веке, ее истоки, подчеркивает Иногути, лежат в Древних Греции, Месопотамии, Египте, Индии и Китае. Принципиальный момент, который отмечает Иногути, это глубокое различие между авраамической и дхармической традициями. Первая тесно связана с христианством, исламом и иудаизмом, акцентируя ориентацию на стандартизацию и унификацию различий, тогда как вторая сопрягается с буддизмом, индуизмом, даосизмом и синтоизмом, в которых доминирует ориентация на всеохватывающее разнообразие и уважение к различиям, сосуществующим в гармоничном единстве. Центральный вывод Иногути таков: «Нет ни западной политологии, ни незападной, а есть политология, которая сопрягает и уравнивает две традиции – авраамическую и дхармическую».

Ключевые слова: Япония, Иногути Такаси, внутренняя политика, внешняя политика, незападные политические теории, международные отношения, сравнительные исследования.

Иногути Такаси (猪口孝, Inoguchi Takashi, Иногучи Такаши) – политолог и политический философ, неординарная личность в сегодняшней политической аналитике, энциклопедист в полном смысле этого термина. Его концепция мировой политики рельефно предстает перед нами в книгах и статьях, вышедших за последние пять-шесть лет [2–11]. Судя по информации на сайте Университета префектуры Ниигата, у него богатейший международный опыт и впечатляющая научная карьера. Иногути – выпускник Токийского университета (1966 г.), PhD в области политических наук он получил от Массачусетского технологического института (1974 г.). В 1974–1977 гг. был доцентом факультета иностранных языков Софийского университета, в 1977–2005 гг. – доцентом, потом профессором Института восточной культуры Токийского университета. С 2005 г. он преподает на юридическом факультете Университета Тюо, с 2009 г. – ректор Университета префектуры Ниигата. В 1990-х годах и в начале нынешнего века он занимает видные посты в международных и национальных организациях: 1992–1996 гг. – член Комитета по обеспечению мира и безопасности в Совете социологических исследований (США), 1995–

1997 гг. – старший вице-ректор Университета ООН (United Nations University), 1998–2000 гг. – заместитель генерального секретаря Организации по взаимодействию университетов в АТР (University mobility in Asia and Pacific), 2000–2002 гг. – председатель Японской ассоциации международной политики, с 2000 г. по настоящее время – член Консультативного совета по правовым вопросам, с 2001 г. – член Комитета стратегического планирования ООН (под председательством Кофи Аннана), с 2003 г. член Японского научного совета, с 2004 г. – председатель Исполнительного комитета Азиатской ассоциации политических исследований, а также член Международного комитета по изучению мира ЮНЕСКО (под председательством Г. Киссинджера) [1].

Ежегодно появляются его новые труды, достойные внимания экспертов. В монографии «Политическая теория» (2015) сэнсэй описывает проблематику национальной политологии, подчеркивая ее специфику. С начала нынешнего века японские исследователи, по его суждению, сконцентрировались на изучении истоков отечественной политики в исторической ретроспективе. Иногути подмечает перемещение фокуса на постижение смыслов национального «нового самосознания» [2, с. 143]. Однако, по мнению Иногути, у японских аналитиков сегодня нет былого особенного интереса к текущей национальной политической тематике. Рассматривая спектр пристрастий своих коллег, ученый опирается на результаты репрезентативного социологического замера интересов профессионального сообщества политологов. Каждый из них, отвечая на вопросы анкеты и выбирая из всех направлений политических исследований, должен был выделить только три направления, максимально приближающихся к сердцевине его (или ее) изысканий (скажем, «институциональные исследования», «политическая антропология», «дипломатия и МО» и т.п.). Оказалось, что лишь 120 из двух тысяч ученых остановили свой выбор на строке «современная японская политика». По собственному признанию, Иногути предпочел для себя такие направления: политическая теория, сравнительная политология, международные отношения [2, с. 144]. При этом он обращает наше внимание на интернационализацию политической науки. С углублением глобализации, уверен он, складывается социум, сформированный на основе знания («общество знания»). Национальная политическая наука, убежден исследователь, – вовсе не исключение в этом отношении [2, с. 155–156], несмотря на то, что она не теряет своей специфики в сфере истолкования политических нюансов. В «Политической теории» он упоминает предложенный еще в прошлом десятилетии Владиславом Сурковым термин «суверенная демократия» и рассматривает его с точки зрения инструментария, предохраняющего Россию от влияния извне. Общаясь с японским профессором, я с удивлением отметил его самый живой интерес к концепту «суверенной демократии» и к российским дискуссиям вокруг этого понятия. Судя по оживленным дискуссиям в ходе наших неоднократных встреч на протяжении последнего десятилетия, от его внимания не ускользнуло, что некоторые представители властных структур ищут в среде российских НКО иностранных агентов. Причиной тому, как следует из высказываний сэнсэя, – навязчивое стремление власти предрержащей надежно предотвратить какое-либо чужеземное влияние на общественные настроения. Они стараются не допустить того, чтобы общество скатилось на путь «цветных революций», которые разбалансировали обстановку на Украине, в Грузии или в Кыргызстане – даже если это влияние, как замечает Иногути,

осуществляется демократическими методами [2, с. 7–8]. Можно прокомментировать, что, видимо, этот концепт болезненно важен для Японии, на суверенность которой наложены конституционные ограничения, запрещающие ей иметь полноценные вооруженные силы. Сейчас Япония, как мы знаем, исподволь обходит эти запреты, создавая современные виды оружия, но, понятно, нуждается в надежном идеологическом оправдании и легитимизации своих действий.

Помимо осторожности в суждениях и склонности к политкорректности, японцы отличаются от представителей многих других наций тем, что им исконно присущ некий уход от определенности, стремление к пластичной неоднозначности, расплывчатости. Исследователь так пишет об этом в «Политической теории»: «Несколько удивительным было узнать, что из представителей 18 стран – девяти азиатских и девяти европейских – доля японских респондентов, которые осознавали идентичность собственной страны Японии, оказалась самой низкой. Японцы колеблются в ощущении идентичности собственного государства, или народа» [2, с. 171]. Именно на этом основании в социологических анкетах они нарочито стремятся отдавать предпочтение ответу «Не знаю».

Несмотря на несомненную склонность к политической теории, профессор Иногути – один из тех, кто ведет интенсивный мониторинг политических событий вокруг Японии и систематически анализирует текущие тренды. Любопытными доминантами национального политического пейзажа можно считать такие специфические модели, которые ученый именует «демократия *караоке*» и «демократия *кабуки*».

Иногути, выстраивая свою оригинальную логику политического исследования, подвергнул разбору деятельность и мировоззрение национальной консервативной элиты, которую представляют примерно два десятка японских премьер-министров второй половины XX века и полутора десятилетий века нынешнего. «Демократия *караокэ*» означает, что «исполнители» (политические акторы) все время меняются, а «мелодия» (политическая линия) остается неизменной. Лидеры, олицетворяющие такую манеру политического поведения, сравнительно безлики, лишены харизмы, они автоматически осуществляют свою функцию как часть общего механизма. «Как и на сцене *караокэ*, певцы по очереди подходили к микрофону и отходили от него, но тексты песен оставались неизменными» [3, с.2], – констатирует ученый.

Полный контраст с «демократией *караокэ*» – «демократия *кабуки*», которая опирается на закономерности традиционного театрального искусства, заложенные еще в XVII веке: «*Кабуки* в своей современной форме – волнующее действо, драматическое шоу и экстравагантность, не для узкой элиты, а для *hoi polloi* (οἱ πολλοί, «многих». – Прим. ред.). В демократии *кабуки* политические лидеры вносят в свою роль на национальной политической сцене персонализм и эмоции» [3, с. 1–2]. Применяя лингвистический анализ для трактовки термина «демократия *кабуки*», Иногути ссылается на этимологию. Слово *кабуки* означает «склоняться в определенную сторону», а некоторые лингвисты, по его свидетельству, связывают это слово с *катамуки* – «имеющий пристрастие, сильную склонность к определенному способу действий» [3, с. 5].

К таким лидерам Иногути в рамках широкой исторической ретроспективы причисляет, скажем, премьер-министров Ёсида Сигэру, Танака Какуэй и Коидзуми Дзюнъитиро. Особое

внимание он уделяет Коидзуми (2001–2006 гг.), который категорически опроверг расхожее мнение о «нерешительной политике» (*кимэраэрэнай сэйдзи*) японских лидеров. Именно ему удалось несколько откорректировать дисбаланс между финансово-экономической мощью страны и относительно скромной ролью в глобальной политике, изменить национальную военную доктрину в сторону более самостоятельного принятия решений об использовании Сил самообороны за пределами Японских островов, дать однозначный сигнал национальному бизнес-сообществу активизироваться на российском направлении [5, с. 21–24]. Иногути с горечью отмечает, что политический стиль *кабуки* исчез со сцены вместе с Коидзуми: «...Демократия *караокэ* вернулась на сцену, как только микрофон стал переходить от одного нового премьер-министра к другому» [3, с. 2].

В своих труда Иногути постоянно подчеркивает и анализирует эту специфическую черту японской политики – частую смену премьер-министров, напоминающую чехарду. В монографии «Японская и российская политика. Полная противоположность или нечто общее?», вышедшей в 2015 г. на японском и английском языках [4–5], политолог обращает внимание на два важных обстоятельства: «Во-первых, это – стагнация экономики, которая превалировала с 1991 г., когда лопнул крупнейший мыльный пузырь. Между 1991 и 2012 г. сменилось 12 премьеров. А экономика, пораженная дефляцией, продемонстрировала годовой рост от нуля до одного процента. Между 2006 и 2012 г. только дважды проведены всеобщие выборы (а именно, в 2006 и 2012 г.). Во-вторых, премьер-министры не пользовались сильной электоральной поддержкой, и часто обстоятельства склоняли их к тому, чтобы бесконечно затягивать проведение всеобщих выборов. Между 2006 г., когда ЛДП уступила власть ДПЯ, и 2012 г., когда ЛДП вернулась к власти, сменились шесть премьер-министров». Иногути утверждает, что «эти два условия привели к тому, что электорат аккумулировал недовольство, что привело к большому размаху смены паттернов партийной поддержки, т.е. от перехода поддержки от ЛПД к ДПЯ в 2009 г. и обратно от ДПЯ к ЛДП в 2012 г. С возвращением во власть премьер-министра Абэ Синдзо в конце декабря 2012 г. эти два условия явно исчезли, по меньшей мере, на какое-то время. Во-первых, экономическая политика Абэ привела к количественной либерализации монетаризма с марта 2013 г., которая вылилась к лету 2013 г. в ослабление японской иены по отношению к доллару и основным валютам. Это оживило такие экспортные секторы, как автомобилестроение, производство электроаппаратуры, строительной техники, прецизионных станков, туризм. Средневзвешенные индексы стоимости акций подскочили примерно до 16 тысяч иен с нижней точки менее 10 тысяч иен в 2012 г.» [5, с. 6].

В наше время, пишет Иногути в *Japanese Policy Today*, Япония испытывает нужду в ярких, независимых, харизматичных руководителях, а отнюдь не в безликих функционерах. Оценивая ресурс сегодняшнего руководителя страны Абэ Синдзо, Иногути, правда, осторожно, причисляет его к лидерам, которые вписаны в контекст времени и могут принимать смелые решения, которые способны трансформировать экономику и политику страны в кризисную эпоху [6–7].

Конечно, Иногути – в основном «продукт» западной политологии и достойный продолжатель традиций ее мейнстрима. Проглядывая его «Политическую теорию», можно попытаться отыскать некие черты «незападного мышления», но едва ли таковые бросятся в

глаза. Перед нами вполне респектабельное исследование в рамках мейнстрима современной методологии, детально разработанной западными мэтрами политической науки. Приводя классические дефиниции политической теории, Иногути дает ссылки на этих столпов политологии Запада: «Политическая теория – это комплекс утверждений о том, “кто получает, что, когда и как” (Гарольд Лассуэлл) и о “властном распределении ценностей в обществе” (Дэвид Истон), охватывающих крайне обширный спектр объектов» [2, с. 1]. Вместе с тем иногда в суждениях «западника» Иногути ощущается некий, порой едва уловимый, порой совершенно определенный акцент незападного мировосприятия. (Тут лучше говорить не о Востоке, а о Незападе.) И в этом смысле Иногути – безусловно, колоритный «продукт» японской культуры и традиции!

Не секрет, что ключи ко многим вопросам политологии можно найти у философов полисов Древней Греции и античного Рима, что истоки сегодняшнего дискурса политической науки восходят к социокультурным и политико-философским трудам мудрецов древности, в которых не было даже намека на противопоставление Запада и Незапада. Именно это подчеркивает Иногути: «Хотя политическая теория как часть современной дисциплины политологии возникла только в XX веке, ее истоки, несомненно, лежат в идеях мыслителей Древних Греции, Месопотамии, Египта, Индии и Китая. Можно привести отрывки из Аристотеля, Каутильи или Конфуция, чтобы продемонстрировать, что они являлись учеными-политологами и что эта наука, хотя и возникла недавно, обладает очень древними корнями» [2, с. 2]. Можно добавить, что классические тексты брахманизма и изначального буддизма «Артхашастра», «Дхаммапада» и др. уже включают стержневые концептуальные положения древнеиндийской мысли, актуальные и для исследований сегодняшних политологов. Ряд смысловых принципов интеллектуального развития современного Китая можно найти в наследии таких древних учений Поднебесной, как даосизм, легизм и монизм. Некоторые исследователи (например, Ду Вэймин, директор Пекинского института исследований проблем гуманизма, известный в нашей стране больше как Ту Вэймин), аргументированно доказывают, что в наборе конфуцианских норм содержатся некие скрытые возможности, в которых заложен огромный мобилизационный потенциал развития будущего общества. Собственно, Китай и ряд стран конфуцианского ареала демонстрируют беспрецедентный динамизм экономического развития на определенных отрезках истории. Представления китайцев и китайской диаспоры в мире о долге, труде и этических правилах, о жестких рыночных нормах или, например, о правах человека куда пластичнее, гармоничнее, чем формальные постулаты западных концепций. Незападные схемы поведения и реагирования отличаются холистическим характером, на индивидуальном уровне в них превалируют гармонизация интересов и стремление к социальному миру, а на глобальном – баланс сил и формирование коалиций (*Pax consortis*), а вовсе не примат прав человека, достоинства личности и, тем более, не стремление подчинить себе «другого» или доминирование эгоистических стремлений на всех уровнях, как в западных социокультурных и политических теориях. (Несомненно, это противопоставление несколько схематично, и, конечно, есть о чем поспорить в оценке преимуществ и недостатков западной и незападной моделей.) Иногути подчеркивает, что цивилизации, как и национальные лидеры, обязаны «соответствовать времени, быть

вписанными в контекст времени» (для того, чтобы особо акцентировать это обстоятельство, политолог иногда прибегает к немецкому термину *zeitgemäßig* [7, с. 58]).

Но еще раз взглянем на ключевые составляющие в трактовке Иногути политической теории. В его представлении, политическая теория соединила и классическую философию, и эмпирическую политическую теорию, и формальную политическую теорию [2, с. 4]. Исследователь отдает должное фундаментальным постулатам западной, в первую очередь разработанной в США, политической науки. Он считает, что американская политология взвалила на себя функцию первопроходца, успешно развилась на сформированных ею базисных понятиях и первоначальных ориентировках, задала рамки для поисков ответов на самые сложные вопросы политической науки. Она самодостаточна уже потому, что сформулировала понятийную систему, которую признали и начали использовать национальные политологические школы других стран [2, с. 157]. Но в то же время, акцентирует Иногути, нужно критически отдавать себе отчет в том, что, распространяя свои идеи за пределы национальных границ, американский стиль мышления экспортирует с североамериканского континента свое интеллектуальное влияние на внешний мир [2, с. 158]. В этом смысле, конечно, надо отделять зрелые «зерна», которые, несомненно, вырастила американская политология, от «плевел».

Нужно обратить больше внимания на тот набор ценностей, который заложен в социокультурном и социогенетическом кодах Незапада, например, стран Восточной Азии, которая бежит антропоцентризма западного мышления, появившихся в лоне европейского гуманизма и универсализма. Суть в том, что Незападу чужд некий универсальный метанарратив. В незападном мировоззрении в большей степени важны такие ориентиры, как космоцентризм, приближение к макрокосмосу и микрокосмосу природы, естественной среды. Холистические принципы такого целостного мировоззрения подчиняют человека ценностям «мы-группы», прежде всего, окружающей среде, соседству, сообществу, опирающимся на взаимопомощь, а не на примат индивидуального «я». Это не столько «я-индивид» (*in-divide*, «неделимый»), сколько *дзибун*, «моя доля» в общих ценностях, в сообществе.

В своих трудах, которые базируются на таком количественном методе, как факторный анализ, Иногути дает красноречивые примеры организации социально-политического уклада жизни в Восточной и Юго-Восточной Азии, которые существенно не похожи на знакомые западные схемы. Например, Камбоджу, Лаос и Мьянму объединяет размытость различий между общественным и приватным пространствами, которые как бы переплетены, смешаны между собой [8, с. 603].

Сэнсэй Иногути удивляет коллег удивительной прозорливостью. Так, еще за 2–3 года до присоединения Крыма, до майдана и драматических событий на юго-востоке Украина, до введения санкций и российско-западной конфронтации по многим азимутам Иногути пишет о «квазиокончании холодной войны». И не только потому, что холодная война возродилась в новой ипостаси – в виде войны гибридной. Вообще, «колея развития» сильно отличается на Западе и на Востоке. «Под квазиокончанием, – пишет политолог в книге *Political Parties and Democracy*, вышедшей в 2012 г., – я подразумеваю, что холодная война закончилась в Европе, но не обязательно в Азии. Если Советский Союз развалился, то Китайская Народная Республика прошла сквозь brutальное подавление демократических протестов в 1989 г.,

появившись в качестве активного экономического игрока после снятия в 1991 г. эмбарго против Китая, наложенного западными и японским правительствами. Корейская Народно-Демократическая Республика выжила и чувствует себя вполне сносно, балансируя на нижней точке равновесия, порой заявляя о себе, несмотря на слухи, напоминающие преувеличенные предсказания («преждевременной смерти». – *Прим. ред.*) в духе Марка Твена» [9, с. 112].

Пристальное внимание политолог уделяет нашему отечеству, хотя, по его признанию, в новой России, к большому его сожалению, так и не удалось пока побывать, а его бывший опыт посещений СССР безнадежно «вышел в тираж». Россию и Японию, по его представлению, можно отнести к разряду хрестоматийных пар государств, числящихся абсолютно противоположными по различным меркам, затрагивающим особенности мышления, национальные ценности, политико-экономическое развитие [3, с. 9–10]. Менее жесткий ракурс, в глазах Иногути, имеет в виду изучение автономных областей, образовавшихся между социокультурными, внутри- и внешнеполитическими факторами и взаимодействием наших двух цивилизационных моделей. По методологической схеме Иногути наши отечественные и японские политологи и историки провели параллельный сравнительный анализ, который обнаружил пересечения и совпадения в социокультурном «геномном коде», особенностях менталитета обеих наций. К примеру, сходны паттерны самовосприятия обоих народов, органической личностно-государственной взаимосвязи, так как на протяжении веков сформировался инерционный заряд у привычки считать, что власть и индивидуальные интересы составляют как бы одно живое тело. Вспомним теорию государства-тела *кокутай*, достигшей своего парадоксального апогея в Японии 1930-х годов в лозунгах *иккоку иссин* («одно государство – одно сердце») и *итиоку гёкусай* («сто миллионов – яшма вдребезги»; «смерть за императора». – *Прим. ред.*). Подобные лозунги смыкаются и с представлениями отдельных отечественных философов о государстве российском как едином теле, и с воззрениями конфуцианского толка на взаимосвязанность социальных слоев в идеальном общественно-государственном устройстве.

Если дальше перечислять особенности менталитета незападных наций, неизбежно встает вопрос о наличии или отсутствии незападной политической науки. Действительно, когда на нашей памяти незападный исследователь предложил концепцию, которая продвинула бы наши представления о категории политического? Какая китайская, индийская, японская или арабская идея изменила наш взгляд на мировые закономерности, как, например, концепты «столкновения цивилизаций» С. Хантингтона, «текущей современности» З. Баумана, «конца истории» Ф. Фукуямы или «мягкой силы» Дж. Ная-младшего? Иногути уже приходилось размышлять об универсальной политической теории и незападных теориях международных отношений [10, 11].

В апреле этого года я предложил профессору Иногути дать ответ на вопрос о незападной политологии. Не задумываясь ни на секунду, он спросил в свою очередь:

– А существует ли западная политология, в полном смысле достойная этого названия?

По некотором размышлении, в конце этого апреля он изложил свое видение проблемы в одном из электронных писем. Цитирую с небольшими сокращениями его рассуждения¹.

«Размышляя над сущностью азиатской политики, я ловлю себя на том, что некоторые западные политологи живут в густой тени великих философов – Гегеля (концепция индивидуальной свободы), Маркса (концепт азиатского способа производства), Виттфогеля (концепт азиатской диктатуры)»². Сэнсэй делает вывод: «Власть всюду доминирует на азиатской сцене». Но он сам же опровергает эту точку зрения в рассуждениях о «множественных способах процветания в Азии» (*multiple modes of well-being in Asia*). С помощью факторного анализа индекса удовлетворенности повседневной жизнью (*factor analysis of daily life satisfaction*) он стремится нарисовать типологию азиатских обществ с упором на ключевые ориентации общества в противопоставлении государству. «Понять парадоксальность ситуации непосредственно помогает разбор Энтони Гидденсом западной *modernity*. Он утверждает: поскольку Запад стал выступать в защиту меритократической демократии после того, как в равной степени энергично выступал за идеалы Промышленной революции, это означает, что западные общества к концу XX века основательно выработали свой ресурс и ощутили, что не в шутку истощены» [там же]. Утверждение Гидденса о том, что западное общество в течение двухсот лет демонстрировало поступательное движение, по мнению Иногути, было опровергнуто Хуан Пинем, директором Института США Академии общественных наук Китая. «Хуан Пин постулирует, что принцип меритократии был изобретен в Китае 2000 лет назад. Китайское общество, тем не менее, было на грани полного истощения к середине XIX века, продвигаясь на протяжении последующего столетия по пути дестабилизации и обретения полуколониального статуса»³. Прилагательное «незападная», будучи прикрепленным к названию академической дисциплины – политологии – также, по мнению Иногути, нуждается в комментировании.

Дополню эти рассуждения красноречивой цитатой из «Политической теории»: «В Западной Европе разграничение между сакральным и секулярным проводилось постепенно, но достаточно последовательно во времена Просвещения и Реформации и распространилось в дальнейшем по всему миру – по крайней мере, на поверхностном уровне. Следовательно, секуляризм тесно связан с западной культурой. Считается, что религия и политика были разделены на Западе с начала современной эпохи. То же самое можно сказать и об отношениях между религией и наукой. Вильям Оккамский дал раннее эпистемологическое обоснование того, что сейчас бы назвали “современной наукой”, проведя четкую разграничительную линию между реализмом и номинализмом. Реализм относится к школе мысли, согласно которой Бог существует в реальности, которая воспринимается как базис этого знания. Номинализм разделяет точку зрения, что Бог существует постольку, поскольку

¹ В этом обзоре цитируются некоторые фрагменты эссе автора «Существует ли незападная политология?», которая выйдет в самом конце июля в журнале «Полис. Политические исследования» (№ 4, 2016). Они основаны на беседах автора с ученым и извлечениях из переписки с проф. Т. Иногути, которые представляются автору настолько интересными, что он считает необходимым поделиться ими не только с политологами-теоретиками общего профиля, но и с коллегами-японоведами.

² Электронный архив автора. Письмо Иногути Такаси 26.04.2016.

³ Там же.

концепция Бога существует в человеческом воображении. На основе этого положения наука отделилась от сферы сакрального и достигла впечатляющего прогресса» (с. 3).

Сопоставляя траектории развития западной и незападной мысли, Иногути замечает в письме автору, что если западное общество избавилось от контроля со стороны Ватикана еще в эпоху Ренессанса, а в ходе Реформации продолжило секуляризацию в профессиональной и повседневной жизни, то во многих незападных странах, например, буддистского ареала, не наблюдалось столь явственного разделения. Познание внешнего мира в незападном мире по-прежнему неразрывно связано с познанием своего внутреннего мира. Духовное восприятие всего сущего там тесно сопряжено с когнитивным познанием холистического типа, что вовсе не означает какого-то явного противопоставления развитию науки. «Принимая это как само собой разумеющееся, нужно обратить внимание на рождение науки в Древней Индии, где впервые было обнаружено принципиальное различие между нулем и единицей. Незапад снова оказался впереди Запада. Это относится ко многим общественным наукам. А значит, можно прекрасно обойтись без прилагательного “незападный”... – считает ученый. – Со времен Аристотеля и в последующие эпохи задача политической науки – видеть и указывать на различия между политическими режимами, монархией, аристократией, демократией, диктатурой и т.д. Одна из очевидных слабостей западной политической науки – это тенденция втискивать свои идеи в прокрустово ложе унифицированной интерпретации индикаторов, имеющих отношение к какой-либо части Запада, а затем принудительно навязывать их всем остальным»⁴.

«Еще один пункт, на который я хочу обратить внимание, – подчеркивает Иногути, – это различие между авраамической и дхармической традициями. Первая из них подчеркивает ориентацию на стандартизацию и унификацию различий, тогда как последняя подчеркивает ориентацию на всеохватывающее разнообразие и уважение к различиям. Первая из них теснейшим образом связана с иудаизмом, христианством и исламом, тогда как вторая тесно сопрягается с буддизмом, индуизмом, даосизмом и синтоизмом. Это отличие часто забывают, но оно важно для политического дискурса... Отсюда мой ответ на вопрос: *нет ни западной политологии, ни незападной, а есть политология, которая сопрягает и уравнивает две традиции – авраамическую и дхармическую* (выделено Т. Иногути)»⁵. Трудно сказать более ясно, без какой-либо оглядки на «туманность японских формулировок».

Список литературы

1. Официальный сайт Университета преф. Ниигата. URL: <http://www.unii.ac.jp/r/message.html>

2. Иногути Такаси. Сэйдзи рирон : [Политическая теория]. Токио: Минерва, 2015. v+278 с. (猪口孝。政治理論。猪口孝編者。東京: ミネルヴァ書房、2015。)

⁴ Там же.

⁵ Там же.

3. *Inoguchi T., Jain P.* Introduction. From Karaoke to Kabuki Democracy: Japanese Politics Today. – Japanese Politics Today. From Karaoke to Kabuki Democracy. Ed. by T. Inoguchi, P. Jain. N.Y.: Palgrave Macmillan, 2011. P. 1–9.

4. Нихон то Росиа. Магяку ка сои ка? : [Япония и Россия. Полные противоположности или просто различия?]. 2015/ под ред. Иногути Такаси. Токио: Хара сёбо, 2015. С. 40-62. [日本とロシア。真逆か相違か? 猪口孝編者。東京: 原書房, 2015].

5. *Inoguchi T.* Japan and Russia: Domestic Politics and Foreign Policy (Introduction). Politics of Swings (Chapter 1) // Japanese and Russian Politics. Polar Opposites or Something in Common. Ed. by Takashi Inoguchi. N.Y.: Palgrave Macmillan: 2015. P. 1–13, 17–31.

6. *Inoguchi T.* Japan in 2013: Abenomics and Abegeopolitics // Asian Survey. Vol. 54. No. 1 (January/February 2014). P. 101–112. DOI: <http://dx.doi.org/10.1525/as.2014.54.1.101>

7. *Inoguchi T.* Japan's Foreign Policy Line after the Cold War. – The Troubled Triangle. Economic and Security Concerns for the United States, Japan, and China. Ed. by T. Inoguchi, G. J. Ikenberry. N.Y.: Palgrave Macmillan: 2013. P. 35–62. DOI: http://dx.doi.org/10.1057/9781137316851_3

8. *Inoguchi T.* Multiple Modes of Wellbeing in Asia // Global Handbook of Quality of Life. Ed. by W. Glatzer et al. Dordrecht: Springer: 2015. P. 597–607. DOI: http://dx.doi.org/10.1007/978-94-017-9178-6_27

9. *Inoguchi T.* Political Parties and Democracy. Contemporary Western Europe and Asia. Ed. by T. Inoguchi, J. Blondel. N.Y.: Palgrave Macmillan: 2012. x+240 p. DOI: <http://dx.doi.org/10.1057/9781137277206>

10. *Inoguchi T.* “Political Theory.” – International Encyclopedia of Political Science. Vol. 6. L.: Sage: 2011. P. 2050–2063.

11. *Inoguchi T.* Why Are There No Non-Western Theories of International Relations? The case of Japan. – Non-Western International Relations Theory. Perspectives on and beyond Asia. Ed. by A. Acharya, B. Buzan. L., N.Y.: Routledge: 2010. P. 51–68.

Поступила в редакцию 30.06.2016

Автор:

Чугров Сергей Владиславович, доктор социологических наук, профессор, МГИМО МИД России, главный редактор журнала «Полис. Политические исследования». E-mail: sergeychugrov@gmail.com

On Japanese Politics and Political Science (reading Inoguchi Takashi)

S.V. Chugrov

This essay reviews the works of a world-known political studies researcher, Inoguchi Takashi, on current Japanese politics and political science. Although political science emerged in the 20th century, its origin, according to Inoguchi, can be found in ancient philosophy conceptions of Greece, Mesopotamia, Egypt, India, or China. The key point emphasized by Inoguchi, is the deep distinction between Abrahamic and Dharmic traditions. The former can be associated with Christianity, Islam, and Judaism and focuses on standardization and unification, whereas the latter is associated with Buddhism, Hinduism, Daoism and Shintoism and focuses on embracing diversity and respecting differences. Hence appears Inoguchi's central conclusion: "Neither Western political science, nor non-Western political science exists; there is political science of embracing and equilibrating two traditions – Abrahamic and Dharmic.

Keywords: Japan; Inoguchi Takashi, politics, foreign policy, non-Western political theories, international relations, comparative studies.

Author:

Chugrov Sergey V., Doctor of Sciences (Sociology), professor, Moscow State Institute of International Relations (University), MFA Russia; editor-in-chief, "Polis. Political Studies" Journal.
Email: sergeychugrov@gmail.com

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

Роман Николаевич Ким – видный советский исследователь Восточной Азии и писатель

Научная конференция в ИДВ РАН, посвященная его творчеству

Е.У. Ким

26 мая 2016 г. в зале Ученого совета ИДВ РАН состоялась международная конференция, посвященная видному исследователю проблем Восточной Азии писателю Роману Николаевичу Киму. В работе конференции приняли участие историки, политологи, литературоведы России, Республики Корея, Японии и США, а также родственники Р.Н. Кима. Доклады были посвящены его биографии, особенностям его литературного творчества, оказавшего большое влияние на жанр политического детектива в советской литературе, на таких известных писателей, как Василий Ардаматский, Юлиан Семенов. Существует большая вероятность того, что образ литературного и кинематографического героя – знаменитого советского разведчика Максима Максимовича Исаева (Штирлица) подсказан Юлиану Семенову Романом Николаевичем Кимом, поделившимся своим опытом конспиративной и разведывательной работы на российском Дальнем Востоке в годы Гражданской войны (1918–1922). Роман Ким был одним из первых сотрудников советских спецслужб, профессионально занявшихся литературной деятельностью, одним из первых литераторов своего времени, оценивших вектор развития художественной литературы в сторону использования приемов документальной прозы, вплоть до фактического слияния с литературой «нон-фикшн», и использовал специфические художественные приемы, ранее свойственные лишь журналистике, документальной прозе или научным исследованиям.

Многие страницы его биографии до сих пор мало изучены: до сих пор точно не известны корни его рода в Корее, не найдены его родственники там, недостаточно достоверных сведений о роде семьи его матери.

Ключевые слова: Роман Ким, исследователь Восточной Азии, писатель, политический детектив, оперативный работник спецслужб.

Р.Н. Ким (1899, Владивосток – 1967, Москва)

1919–1923 гг. – студент восточного факультета Государственного дальневосточного университета (бывшего Восточного института). По окончании учебы получил рекомендацию выдающихся востоковедов профессоров Н.В. Кюнера и Е.Г. Спальвина для работы научным сотрудником кафедры экономики стран Восточной Азии «с поручением вести занятия по японскому языку».

1923–1928 гг. – доцент, профессор Московского института востоковедения (преподаватель японского языка и истории Дальнего Востока).

Научные публикации:

1924 г. – рецензия на книгу Сергея Елисеева «Современная беллетристика Японии», статья «О китайском студенчестве».

Первые переводы рассказов Акутагавы Рюноскэ «Дзюриано Китисукэ», «Тело женщины».

1925 г. – статьи «О современной китайской интеллигенции», «О современной японской литературе».

1926 г. – рецензия на книгу профессора Тадзаки «Экономическая мысль и экономический строй Древнего Китая», перевод рассказа Акутагава «В чаще» (1922), по нему в 1950 г. был снят фильм выдающегося режиссера Акиры Куросавы «Расёмон».

1927 г. – примечания (глоссы) под названием «Ноги к змее» к книге Бориса Пильняка «Корни японского солнца».

1928 г. – совместная статья Р.Н. Кима и Б. Пильняка «Японская пролетарская литература».

1933 г. – памфлет «Три дома напротив, соседних два» (о японской литературе).

1934 г. – Статья в журнале «Залп» «Военно-шовинистическая пропаганда в японской литературе и задачи советских оборонных писателей»; перевод рассказа Куросима Дэндзи «Головной дозор» (журнал «Знамя»)

Художественная литература:

1951 г. – повесть «Тетрадь, найденная в Сунчоне» (журнал «Новый мир» №5).

1954 г. – повесть «Девушка из Хиросимы» (журнал «Октябрь»).

1962 г. – повести «Агент особого назначения», «Кобра под подушкой», «По прочтении сжечь».

1963 г. – повесть «Кто украл Пуннакана?»

1965 г. – повесть «Школа призраков».

1966 г. – повесть «Дело об убийстве Шерлока Холмса».

1968 г. – рассказ «Японский пейзаж».

Оперативная работа:

Июнь 1923 г. – направлен в Москву в распоряжение 5 отделения КРО (Контрразведывательного отдела) в качестве секретного сотрудника, переводчика.

01.03.1932 – оперуполномоченный 4-го отделения ОО (Особого отдела) ОГПУ

01.12.1934 – сотрудник для особых поручений 6-го отделения 1-го отдела, затем 3-го отдела ОО ГУГБ НКВД СССР.

26.03.1935 – звание оперативный переводчик ГУГБ НКВД.

08.04 1934 – знак Почетного работника ВЧК-ГПУ (XV),
в 1932– 1934 гг. дважды награжден именным боевым оружием от Коллегии ОГПУ.
1936 г. – награжден орденом Красной Звезды.

Арестован 1 апреля 1937 г. 8 июля уволен из органов НКВД со снятием с учета. 9 июля 1940 г. осужден Военной коллегией Верховного суда СССР по ст. 58-1а УК РСФСР к 20 годам заключения в исправительно-трудовом лагере с поражением в политических правах на 5 лет и конфискацией имущества. В августе 1945 г. по протесту председателя Верховного суда СССР Военная коллегия Верховного суда СССР определением от 10 сентября 1945 г. вынесенный в 1940 г. приговор отменила с направлением дела на новое рассмотрение со стадии предварительного следствия. В результате Ким Р.Н. был привлечен к ответственности по ст. 193-17а УК РСФСР и, по постановлению Особого совещания при НКВД СССР от 17 ноября 1945 г., лишен свободы на срок 8 лет и 9 месяцев, считая со дня ареста. 29 декабря 1945 г. вышел на свободу. 15 мая 1946 г. награжден медалью «За победу над Японией».

Реабилитирован 2 февраля 1959 г.

Приказом КГБ при СМ СССР № 246 от 22 июня 1959 г. уволен из органов КГБ по выслуге обязательных сроков обязательной военной службы в отставку (т.е. до этого времени, нереабилитированный, он продолжал числиться сотрудником органов?) [1].

* * *

26 мая 2016 г. в Институте Дальнего Востока РАН состоялась международная конференция, посвященная видному советскому исследователю Восточной Азии и писателю Роману Николаевичу Киму, организованная ИДВ РАН и Ассоциацией японоведов. В работе конференции приняли участие исследователи России, Республики Корея, Японии и США.

С приветствием к собравшимся обратился сопредседатель оргкомитета конференции, руководитель Центра корейских исследований ИДВ РАН **А.З. Жебин**. Он отметил, что Р.Н. Ким по праву является представителем яркой плеяды советских и российских корейцев, чьи таланты сумели проявиться и достойно послужить их второй родине. Судьба этого незаурядного разведчика и талантливой автора знала взлеты и периоды суровых испытаний, которые он с честью выдержал, оставив нам немалое литературное наследие, ценность и полнота которого еще далеко не раскрыты. Нынешнее обращение к его творчеству и судьбе – еще одно подтверждение духовного возрождения России и нашего стремления назвать тех, кто верой и правдой служил ей, ее героев поименно.

В приветственном слове президент региональной общественной организации «Потомки борцов за независимость Кореи» к.т.н. **В.В. Цой**, поблагодарил участников представительной международной конференции в честь российского корейца Романа Николаевича Кима, открывающей еще одну славную страницу в истории российских корейцев, в том числе в области обеспечения безопасности страны, и кратко проинформировал о выдающихся корейцах в России и СССР, среди которых были академики, лауреаты Ленинской премии в области науки, Герои Советского Союза, народные артисты, выдающиеся труженики полей,

депутаты разных уровней. Он сообщил, что его дед, Пётр Семенович Цой, и отец Р.Н. Кима, Николай Николаевич Ким, были соратниками по борьбе.

В своем докладе «Корейская оппозиция японскому владычеству в Приморье в конце XIX – начале XX века» модератор конференции, ведущий научный сотрудник Центра корейских исследований ИДВ РАН к.филос.н. **Ким Ен Ун** напомнил, что поселение корейцев на постоянной основе в России началось осенью 1963 г. Их миграция была связана с экономическими причинами и первоначально не была массовой. Но с усилением японского влияния, захватом японцами рынка, финансов и политических позиций в Корее нарастает политическая эмиграция из Кореи и прежде всего – в Россию.

Если в 1891 г. корейцев в Приморье было 12 857 человек, то в 1898 – 23 000, в 1899 – 27 000 и в 1902 г. – 32 380 человек. Установление протектората Японии над Кореей увеличило политическую эмиграцию, и к 1910 г. в Приморье проживало 51 052 корейца. После аннексии Кореи Японией поток еще больше возрос, и в 1914 г. корейцев было 63 949 человек, а в 1917 г. – уже 81 825 человек. После Октябрьской революции число мигрантов нарастало еще большими темпами – в 1937 г. на Дальнем Востоке СССР проживало около 200 тыс. корейцев, большая часть которых была уроженцами Кореи.

В ответ на японские действия по захвату Кореи начинается сопротивление корейского народа, которое принимало разные формы. Были мирные, а были и вооруженные способы борьбы, которые в начале XX века приняли форму борьбы вооруженных отрядов «Ыйбен» («Армия справедливости») и в Корее, и в России. Первый отряд Ыйбен в России был сформирован в 1906 г. в Посыетском районе Петром Семеновичем Цоем. Эти отряды совершали налеты на японские воинские гарнизоны и посты в Северной Корее. Летом 1909 г. в них принимал участие национальный герой Кореи Ан Чжун Гын. Именно во Владивостоке он готовил план покушения на бывшего генерал-резидента Японии в Корее маркиза Ито Хиробуми и оттуда же отправился в Харбин, где 26 октября 1909 г. привел его в исполнение.

Другими руководителями отрядов Ыйбен были бывший губернатор Кандо (Цзяньдао) Ли Бом Юн, бывший заместитель министра внутренних дел Ли Сан Сол, бывший полковник армии Кореи Ли Дон Хвы (ставший впоследствии одним из организаторов Корейской коммунистической партии), крестьянин Хон Бом До, которые потом поселились в России. Из числа российских корейцев Мун В.А. и Ли Дон Хвы были избраны министрами первого состава Временного правительства Республики Корея, провозглашенного в апреле 1919 г. в Шанхае. В годы японской интервенции в Приморье в 1918–1922 гг. корейские вооруженные отряды принимали активное участие в борьбе против японских интервентов – в подпольной, разведывательной и контрразведывательной. Многие революционеры из числа российских корейцев направлялись на подпольную работу в Корею в годы японского колониального владычества.

С докладом «Родина против родины. Противостояние японского и корейского национализма через призму биографии Р.Н. Кима» выступил писатель, японовед **А.Е. Куланов**, автор книги «Роман Ким» [2], вышедшей в марте 2016 г. в известной серии «Жизнь замечательных людей» издательства «Молодая гвардия», а также многих публикаций о Р.Н. Киме. Он отметил, что японский биограф Романа Кима Кимура Хироси

назвал свою статью о нем «Жизнь человека, имевшего три родины и ставшего игрушкой в руках судьбы».

Роман Николаевич Ким пережил сложную эволюцию национального самосознания. Рожденный в семье корейского подпольщика, тесно связанного с антияпонским сопротивлением, он вырос в семье японского националиста, и пережил в школе издевательства, связанные с национальной принадлежностью. Возвращенный в Россию, он оказался свидетелем преследований японской армией и полицией корейцев, живших на территории русского Приморья, сам едва не расстался с жизнью, что укрепило Кима в его антияпонских настроениях. Вместе с тем он был спасен от смерти японцем, с которым дружил и за которым следил всю жизнь.

Последующие события, например, резня корейцев в Японии после землетрясения 1923 г. в Токио, о которой он, безусловно, не мог не знать, и которая позже нашла отражение в его творчестве, его оперативная работа против японской разведки способствовали росту его неприязни к политике Японии. В то же время она постепенно нивелировалась его искренней любовью к японской культуре и литературе.

Сыграли свою роль, вероятно, приятные воспоминания детства, постепенный отход от националистических позиций в оценке того или иного государства и народа. Все это привело к тому, что после 1945 г. ни в творчестве, ни в какой-либо иной области деятельности Романа Николаевича Кима никаких прокорейских и антияпонских настроений не наблюдается. Годы и опыт, тюрьма и война привели к окончательному выбору Кимом в качестве родины не Японии и не Кореи, а СССР. Пережитое и переосмысленное сделали восприятие писателя более взвешенным и спокойным. Его японские друзья стали просто друзьями, а не одновременно объектами для наблюдения, его литературные интересы выплеснулись за пределы Дальнего Востока и охватили весь мир. Можно сказать, делает заключение докладчик, что на склоне лет в его душе наконец-то поселились мир и гармония.

О большом влиянии, которое оказал Р.Н. Ким на творчество Юлиана Семёнова, автора романа о выдающемся советском разведчике Максиме Максимовиче Исаеве (Штирлице), рассказал в своем докладе «Роман Ким и Юлиан Семёнов: эволюция жанра остросюжетного политического романа в отечественной литературе» историк, консультант дома-музея Юлиана Семёнова в Крыму **А.В. Репин**.

Он отметил, что личность и творчество Р.Н. Кима, незаслуженно находившиеся в тени на протяжении нескольких десятилетий, открывают перед исследователем подчас уникальные возможности по изучению истории отечественной литературы XX века и, в частности, развития жанров детективного и остросюжетного политического романа.

Р.Н. Ким, в силу происхождения и биографии, знал языки, культуру, повседневный быт и национальную специфику Кореи, Японии, Китая, что во многом определило его научные интересы как востоковеда и литератора.

В течение длительного времени он находился на оперативной работе в органах контрразведки и был одним из первых сотрудников советских спецслужб, профессионально занявшихся литературной деятельностью. Обладал профессиональными знаниями и терминологией специальных служб – как отечественных, так и зарубежных. В период оперативной работы имел доступ к первичным источникам разведывательной информации.

Знание иностранных языков давало в условиях СССР ощутимое преимущество в возможностях получения уникальных сведений информации, ее адаптации под советские реалии и использования в творческой деятельности.

Р.Н. Ким одним из первых литераторов своего времени оценил вектор развития художественной литературы в сторону использования приемов документальной прозы, вплоть до фактического слияния с литературой «нон-фикшн», и использовал специфические художественные приемы, ранее свойственные лишь журналистике, документальной прозе или научным исследованиям.

Одним из первых он использовал прием не только введения в прозу документальных материалов, но и стилизацию под документы, выполненную с учетом языковых и стилевых особенностей, характерных для делопроизводства спецслужб.

Возможно, на использование указанных приемов в художественной прозе повлиял не только опыт работы в спецслужбах, но и увлечение идеями ОПОЯЗа и теоретиков «формальной школы» в 1920-х годах.

В своих произведениях Р.Н. Ким на новом качественном уровне привнес в остросюжетную прозу серьезное политическое начало, то есть квалифицированное непосредственное описание, интерпретацию либо анализ политического феномена.

Исследования Р.Н. Кимом зарубежного детективного романа оказали заметное влияние на молодое поколение писателей, в частности на творчество Ю.С. Семёнова. В 1962–1964 гг. Р.Н. Ким, как очевидец и участник исторических событий, выступил в качестве источника сведений, использованных Юлианом Семёновым в романе «Пароль не нужен» и послужил прототипом для одного из героев романа – подпольщика Чена.

Указанные выше художественные приемы, используемые для раскрытия политической мотивации как ведущей в остросюжетном произведении и намеченные в повестях Р.Н. Кима, в новейшей отечественной литературе были развиты и достигли максимального творческого выражения в прозе Ю.С. Семёнова.

Историк, научный сотрудник Института восточных рукописей РАН **Ф.В. Кубасов** в своем докладе «Р.Н. Ким как зачинатель исследований ниндзюу в отечественном японоведении» рассказал о результатах своих исследований по столь популярной ныне в мире проблеме ниндзя. Тема средневековых японских лазутчиков-*синоби* (ныне больше известных как ниндзя) и их методов (*ниндзюу*) чрезвычайно востребована в массовой культуре как в самой Японии, так и за ее пределами, поэтому предметом собственно академического рассмотрения эта тема становилась довольно редко. Первым человеком, более-менее подробно рассказавшим о *синоби* на русском языке (а возможно, и вообще первым за пределами Японии) был Р.Н. Ким, и сделал он это в 1927 г. в тексте под названием «Ноги к змее», являющимся глоссами к книге Б. Пильняка «Корни японского солнца».

Сегодня известно, что Р.Н. Ким по-настоящему интересовался темой *синоби* и их искусства. Принимая во внимание деятельность Кима как подпольщика и службу в контрразведке, его интерес к японским лазутчикам представляется вполне естественным. Позднее этот интерес проявит себя в той или иной степени во многих детективных произведениях Кима, среди которых особенно выделяется рассказ «Школа призраков».

Эти два текста — «Ноги...» и «Школа...» — дают некоторый материал, на основании которого в докладе была осуществлена попытка ответить на вопросы: 1) каким видел Ким искусство ниндзюцу как в историческом аспекте, так и в плане его приложения к современным условиям; 2) откуда он черпал информацию по этой теме.

Без ответа на эти вопросы, думается, довольно сложно было бы говорить о том, в какой мере сам Р.Н. Ким применял (или мог применять) методы ниндзюцу в своей работе на спецслужбы, что, впрочем, требует дальнейших исследований.

Профессор университета Досия (г. Киото, Япония) **Саканака Норико** в своем докладе «Психоанализ в детективном романе, вопросы иронии и юмора в творчестве Р.Н. Кима» раскрыл малоисследованную тему иронии и юмора в политическом детективном романе на примере творчества Р.Н. Кима, что дает возможность с необычных позиций рассматривать вообще все его художественное литературное творчество.

Докладчик считает, что Роман Ким был критически настроен по отношению к «круто сваренным» детективам и «американскому теку». Он негативно оценивал «ортодоксальный» детективный роман, главной особенностью которого являются «всякие индукции и дедукции».

Несмотря на недоверие к детективной фантастике, Ким выбрал именно этот жанр, и этот выбор полон иронии. Общая черта сюжетов его произведений такова: случается что-то непостижимое, и сыщики приступают к расследованию, но то, что казалось тайной, оказывается в конце просто иллюзией или недоразумением. Ким постоянно «опрокидывает» структуру загадочной истории. Это дает нам право указать на аналогию между основной теоретической структурой Фрейда (ид – эго – супер-эго) и сюжетами Романа Кима. В первом случае супер-эго (или культура) рассматривается как сдерживающая преступление (или войну) сила, а последний начинается с агрессии и заканчивается арестом государственной властью, монополизирующей законное использование физической силы (агрессивность подавлена, то есть она посылается самой себе).

Другим странным пунктом работ Кима является превращение загадочного феномена в иллюзию, что аналогично с представлениями о юморе в теории Фрейда. Преступления происходят, и детективы приступают к их разрешению, но в конце сюжета оказывается, что их первоначально не существовало. Автор (супер-эго) делает любое умозаключение детективов (эго) бессмысленным, говоря им, что тайны не существует, а значит, нет необходимости быть серьезным.

В произведениях Кима разворачиваются странные, по отношению к стандартному детективному роману, сюжеты. В этом смысле его работа служит критикой в адрес детективной литературы, потому что юмор является психическим механизмом, который побуждает эго или других, наблюдающих ситуацию, обратить свои взоры на возможность иных решений.

В изложенном хорошим литературным и научным языком докладе профессора-русиста университета Чунан (г. Сеул, Республика Корея) **Ким Хон Чжуна** «Образ рассказчика глосс «Ноги к змее»» отмечается, что «Корни японского солнца» Б. Пильняка представляют собой необыкновенную прозу по своей литературной форме. Особое свойство произведения — огромное количество глосс. В отличие от обыкновенных примечаний, оформленные под

собственным названием, то есть как бы отдельное произведение, эти глоссы не только объясняют непонятные русским читателям ситуации и обстоятельства, но описывают и углубляют текст Пильняка. Именно «Ноги к змее: глоссы» написаны Романом Кимом.

«Ноги к змее» – не простое примечание, а экспериментальная совместная работа с Пильняком, входящая в интертекстуальное отношение с «Корнями японского солнца». «Ноги к змее» объясняют текст Пильняка, одновременно часто раскрывая личность Романа Кима как комментатора в полухудожественном стиле. Например, в начале глосс Ким объявил свою корейскую идентичность, используя дату «1 декабря 16 года Корейской Диаспоры», которая напоминает о лишении суверенитета Кореи в 1910 году. Однако в «Ногах к змее» он удерживает амбивалентную позицию наблюдателя как интеллигента, филолога и писателя.

Если мы оцениваем отношения обоих произведений с точки зрения художественного замысла, который соединяет гетерогенные единицы синтетическим способом, то текст Кима, в отличие от единого стиля текста Пильняка, проявляет проблему авторства в свете сказанного. В «Корнях японского солнца» повествователь является в образе осмотрового путешественника, а рассказчик «Ног к змее» выступает в качестве корейского интеллигента, социалиста, японского былинника и оратора.

Через пересечение взглядов Пильняка и Кима «Корни японского солнца» и «Ноги к змее» повышают художественный эффект и одновременно объективизируют социальные, исторические и культурные реалии Японии.

Одновременно применяя стили комментариев, лекции, эпизодов, газетной статьи и статистических данных к глоссам, Ким строит новую художественную прозу.

Профессор Университета штата Индиана (США) **Хироаки Куромия** в своем докладе «Роман Ким в контексте российско/советско-японо-американских отношений» касается малоисследованной темы советско-американского сотрудничества в годы существования Дальневосточной Республики, а также в годы Второй мировой войны.

Докладчик отмечает, что Р.Н. Ким был суперэффективным оператором в контрразведке против Японии. Он посвятил свою жизнь целиком своей Родине – Советскому Союзу. Не было бы преувеличением утверждать, что именно благодаря его преданной деятельности Советский Союз победил Японию в конце концов. Однако его жизнь оказалась трагедией: он был репрессирован сталинским режимом, как и его жена, хотя оба уцелели... Ким честно и усердно воевал за Родину и за свой народ.

Жизнь Кима была полна и ироний. Хотя Москва поразила Японию, тесно сотрудничая с США, после Второй мировой войны старый друг вдруг стал врагом номер один. Как Ким воспринимал политические игры империалистических держав? Как он относился к участию Советского Союза в этих играх? Что означали в его жизни дружба, лояльность и измена?

История советско-американского сотрудничества представляет, как считает докладчик, неудобные факты и Москве, и Вашингтону, но именно в таких «неудобных играх держав» Ким принимал активное участие.

Ким хорошо понял суть международной политической жизни и считал жертвование своей жизни на пользу своей Родине святым долгом. Докладчику кажется иронией и то, что

его воспитание в Японии оказало существенное влияние на его восприятие долга и жертвования.

Литературный редактор издательства «Молодая гвардия» **М.Н. Береснева** в своем сообщении «К вопросу о корейской самоидентичности Р.Н. Кима» отмечает, что в докладе А.Е. Куланова «Родина против родины» выделены два момента национальной самоидентификации Р.Н. Кима:

1. Переход от осознания себя корейцем к обобщенному и объективному восприятию японцев при сохранении враждебного к ним отношения.

2. Преодоление ненависти конкретно к японцам и переход к «советскому» отношению к ним как части империалистического мира.

В биографии Кима эти два момента очень хорошо видны, например, во взаимоотношениях с Отакэ Хирокити. Отакэ спас Киму жизнь, и по традиции Ким оказывался ему обязан, однако он, будучи чекистом, должен был следить за своим спасителем, что могло вызвать глубокий психологический внутренний конфликт. Но если мы примем версию о том, что уже в это время по своему внутреннему ощущению Роман Николаевич стал советским человеком, этот конфликт, хотя бы частично, снимается. Ким совершенно искренне поддерживает и развивает просоветские убеждения Отакэ. Он как бы ставит себя между Отакэ и советскими спецслужбами, проявлявшими к тому интерес.

В литературном творчестве Романа Николаевича мы видим более глубокий и сложный конфликт. В связи с этим интересно сравнить точки зрения А.Е. Куланова и российского писателя, этнического корейца А. Кана, который в «Книге белого дня» высоко оценивает Р.Н. Кима именно как корейского писателя. Он подробно анализирует основные произведения Р.Н. Кима, признавая, что «он писал советские антимилитаристские романы, подробно описывая разведывательную деятельность, со всеми ее подтекстами и нюансами, которую, очевидно, хорошо знал. В данной повести через японскую тему — падение, унижение, отчаяние, иллюзия обретения собственного достоинства, — Ким показал все коварство, низость, подлость ... американского империализма, готового в своей непомерной алчности завоевать и затоптать всё и вся». Однако в «Школе призраков» А. Кан видит программное произведение Кима, своеобразную исповедь автора, повесть, где «за героем прямо-таки выглядывает автор». И задает тот же вопрос, что и А.Е. Куланов: «К кому обращено его самое главное донесение? К какому-то повелителю и тирану его жизни?»

Но вот тут два исследователя по-разному пытаются ответить на этот вопрос, который, к сожалению, при нынешнем состоянии изученности источников о жизни Р.Н. Кима, видимо, еще долго будет оставаться дискуссионным.

Участники конференции также отмечали исследования Р.Н. Кима в области социально-экономических проблем развития стран Восточной Азии, культуры Японии в целом и литературы в частности. Можно только сожалеть, что нынешние студенты почти не знакомы с опубликованным в 1934 г. памфлетом «Три дома напротив, соседних два», свидетельствующим о глубоком понимании состояния и тенденций развития японской литературы.

Список литературы

1. Куланов А.Е. В тени Восходящего солнца / Александр Куланов. М.: Вече. 2014. С. 194–243.
2. Куланов А.Е. Роман Ким / Александр Куланов. М.: Молодая гвардия, 2016. 414 с.: ил. (Жизнь замечательных людей: сер. биогр.; вып. 1589).

Поступила в редакцию 14.06.2016

Автор:

Ким Ен Ун, кандидат философских наук, доцент, ведущий научный сотрудник Центра корейских исследований Института Дальнего Востока РАН. E-mail: kim@ifes-ras.ru.

**Roman N. Kim – a prominent Soviet East Asian studies
researcher and writer**

Scientific conference dedicated to the scholar's work for the IFES RAS

E.U. Kim

An International Conference dedicated to Roman N. Kim, a prominent East Asian studies researcher and writer, opened on May 26, 2016 in the Academic Council Hall of the IFES RAS. The conference, hosted by Institute of Far Eastern Studies of Russian Academy of Sciences, has been attended by historians, political studies researchers, literary critics from Russia, Republic of Korea, Japan and the USA, as well as family members of R. N. Kim. The addresses and speeches delivered were devoted to his biography and literary works, which had exerted great influence on the genre of political detective in Soviet literature, especially upon such famous writers, as V. Vardamatski and Yulian Semyonov. There is a high probability that the literary and cinematic image of the famous Soviet spy Maxim M. Isaev (Stirlitz), Julian Semyonov's literary hero, has been suggested by Roman N. Kim, who had shared the experience of working for the Secret Intelligence in the Russian Far East during the 1918-1922 civil war. Roman Kim was one of the first employees of the Soviet Secret Service, who have later become professionally engaged in literary activity. He was one of the first writers of his time who have estimated the vector of literature development towards documentary prose up to the state where it actually merges with non-fiction literature. Kim was one of the first to use specific literary devices and methods, drawing on experience of journalists, documentary prose writers and scientific researchers. Many pages of his biography are still unknown. Not much is known about his family roots in Korea, nor about his mother's, his family members there have not been found.

Keywords: Roman Kim, East Asian studies researcher, writer, political thriller, operatives of Intelligence Service, operation section employee.

Author:

Kim En Un, PhD (Philosophy), assistant professor, senior research fellow, Center for Korean Studies, Institute of Far Eastern Studies of Russian Academy of Sciences. E-mail: kim@ifes-ras.ru

Научное издание

Японские исследования

Редактор русских текстов: Е.В. Белилина

Редактор английских текстов: Л.В. Овчинникова

Компьютерная верстка: Т.И. Суркова

Сайт: О.И. Казаков

Контакты:

- Адрес: Москва 117997, Нахимовский пр-т, 32. ИДВ РАН
- E-mail: japanjournal@mail.ru
- Тел.: (499) 124 08 02

www.ifes-ras.ru/js

日本研究